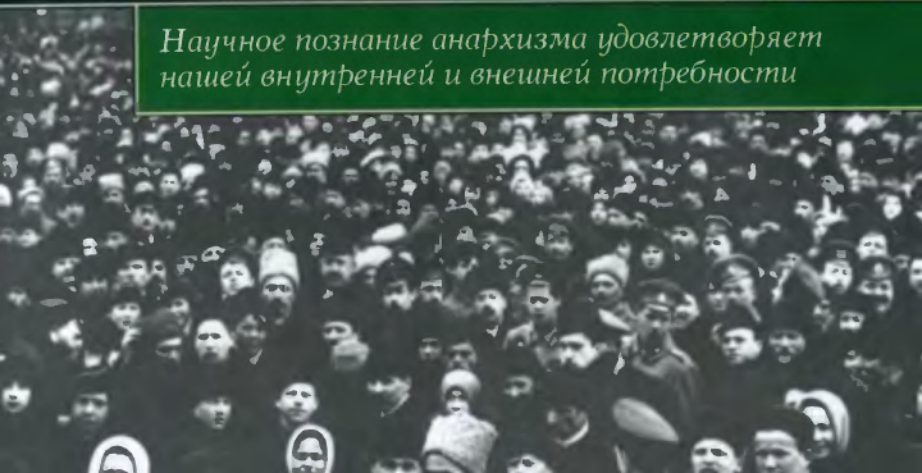

Поль ЭЛЬЦБАХЕР

Суть анархизма

*Научное познание анархизма удовлетворяет
нашей внутренней и внешней потребности*

Поль ЭЛЬЦБАХЕР

Суть
анархизма

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

УДК 94(100)32.001

ББК 66.1(0)

Э53

Перевод с немецкого Б. Яковенко

Эльцбахер, П.

Э53 Анархизм. Суть анархизма / Поль Эльцбахер; пер. с нем. Б. Яковенко. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. — 351, [1] с.

ISBN 978-5-17-058575-5 (ООО «Изд-во АСТ») (С.: Ист.библ.(84))

ISBN 978-5-403-01210-2 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)

Оформление С. Власова

Компьютерный дизайн М. Хафизова

ISBN 978-5-17-058567-0 (ООО «Изд-во АСТ») (С.: Philosophy)

ISBN 978-5-403-01211-9 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)

Оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн Н. Хафизовой

Анархизм.

От Годвина и Прудона — к Бакунину.

От Штирнера и Тукера — к Кропоткину...

Как и при каких обстоятельствах возникла и сформировалась анархистская система мировоззрения?

В каких философских школах прошлого это общественно-политическое течение черпало свои идеи?

Вот лишь немногие из вопросов, которые рассматриваются в этой книге, написанной на основе текстов родоначальников и приверженцев анархизма...

УДК 94(100)32.001

ББК 66.1(0)

© Перевод. Б. Яковенко, 1906

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2009

Предлагаемая вниманию читателя книга представляет полный перевод известного труда проф. Эльцбахера. Сравнительно с подлинником сделано только одно изменение, а именно переставлены главы об учениях Тукера и Толстого. Ввиду того, что форма изложения отдельных учений делает из каждой главы нечто обособленное, целое, такая перестановка, по существу, ничего не изменяет. Вызвана же она была некоторыми условиями при печатании этой книги.

В виде приложения добавлена статья Штамmlера, которая, по словам самого Эльцбахера, чрезвычайно полезна при ознакомлении с проблемами анархизма.

Издатель.

ВВЕДЕНИЕ

1. Научное познание анархизма удовлетворяет нашей внутренней и внешней потребности.

Нам хочется проникнуть в сущность того движения, которое подвергает сомнению все, до сих пор не подлежавшее сомнению, осмеливается отрицать все старое и, не смотря на все это, распространяется на все большее и большее количество людей.

Мы желаем, далее, решить тот вопрос, не необходимо ли противодействовать такому движению насильственно, для того чтобы защитить существующий строй или по крайней мере его спокойное развитие, и серьезно предотвратить, таким образом, большее зло.

2. В настоящее время относительно анархизма не только среди большой публики, но даже среди ученых и государственных людей существует полнейшая неясность.

Наивысшим законом анархизма считают то закон исторического развития¹, то счастье отдельного человека², то справедливость³.

Иногда говорят, что анархизм доходит до отрицания всякой программы⁴, будто он имеет только отрицательную

¹ Der Anarchismus und seine Träger, S. 124, 125, 127; Reichesberg, S. 27.

² Lenz, S. 3.

³ Bernatzik: Jahrbuch 19, S. 2, 3.

⁴ Lenz, S. 5.

цель¹; а иногда — что он противопоставляет своей отрицательной стороне сторону положительную и творческую²; иногда, наконец, говорят, что оригинальность анархизма кроется исключительно в его положениях относительно идеального общества³. И то, что составляет действительную сущность этого общества, и является целью его положительных стремлений⁴.

То говорят, что анархизм отрицает право⁵, то, что он отрицает общество⁶, то, что он отрицает только государство⁷.

То говорят, что в анархическом обществе будущего нет места для обязательных договоров⁸; то, что анархизм стремится установить порядок для всех общественных деятельностей при помощи договора между федералистически связанными общинами и обществами⁹.

То говорят, что анархизм отрицает собственность вообще¹⁰; то, что он отрицает только частную собственность¹¹; иногда различают коммунистический и индивидуалистический¹², или коммунистический, коллективистический и индивидуалистический анархизм¹³.

То говорят, что анархизм ждет своего осуществления путем преступления¹⁴, а именно путем насильственной ре-

¹ Crispi: Daily Mail 1898, № 807, S. 4.

² Van Hamel: Compte rendu, S. 112.

³ Adler: Handwörterbuch I, S. 321.

⁴ Reichesberg, S. 13.

⁵ Stammier, S. 2, 4, 34, 36; Lenz, S. 1, 4.

⁶ Silio: La Espana moderna 61, S. 145; Garrand, S. 12; Reichesberg, S. 16; Tripels: Compte rendu, S. 253.

⁷ Bernstein: Neue Zeit 10, S. 359; Bernatzik: Jahrbuch 19. S. 3.

⁸ Reichesberg, S. 30.

⁹ Lombroso, S. 31.

¹⁰ La Espana moderna 61, S. 145; Dubois, S. 213.

¹¹ Lombroso, S. 31; Proal, S. 50.

¹² Rienzi, S. 9; Stammier, S. 28—31; Merlino, S. 18, 27; Shaw, S. 23.

¹³ Die historische Entwicklung des Anarchismus, S. 16; Zenker, S. 161.

¹⁴ Garrand, S. 6; Lenz, S. 5.

волюции¹ и при помощи пропаганды² действием³; то говорят, что он отказывается от такой тактики и пропаганды или же по крайней мере, что они не составляют его существенных элементов⁴.

3. Всякий, кто хочет научно исследовать анархизм, должен подчиниться двум требованиям.

Во-первых, он должен быть знаком с главнейшими трудами об анархизме. Но это чрезвычайно трудно, так как анархистских произведений в наших публичных библиотеках очень мало. Некоторые из них так редки, что для отдельных лиц чрезвычайно трудно приобрести хотя бы только важнейшие из них.

Изо всех работ об анархизме лишь одна может претендовать на широкое знакомство с источниками — это анонимно изданная в Нью-Йорке в 1894 г. книга под заглавием «Die historische Entwicklung des Anarchismus»; она дает на шестнадцать страниц в чрезвычайно краткой форме изложение, обнаруживающее удивительное знакомство с различными анархистскими сочинениями. Большие труды, Серниколи: «L'anarchia e gli anarchici, studio storico e politico», 2 vol, Milano, 1894 и Ценкера: «Kritische Geschichte der anarchistischen Theorie»⁵ (Jena, 1895) могут претендовать только на частичное знакомство с литературой.

Во-вторых, всякий, кто желает научно исследовать анархизм, должен знать право, экономику и философию, ибо анархизм судит о правовых учреждениях с точки зрения их экономических последствий и какой-нибудь философии. Поэтому для того, чтобы проникнуть в сущность анархизма и не сделаться жертвою всевозможных недоразумений,

¹ Sernicoli 2, S. 116; Tarrand, S. 2; Reichesberg, S. 38; van Harnel: *Compte rendu*, S. 113.

² Garrand, S. 10, 11; Lombroso, S. 39; Ferri: *Compte rendu*, S. 257.

³ Mackay: *Magazin* 67, S. 913—915; *Die Anarchisten*, S. 239—243.

⁴ Zenker, S. 203, 204.

⁵ *Ib.* S. 203, 204.

необходимо освоиться с употребляемыми и рассматриваемыми им понятиями философии, права и экономики. Из всех книг об анархизме этому требованию удовлетворяет больше всего маленькая брошюра Штаммлера «Die Theorie des Anarchismus» (Berlin, 1894).

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Наша задача

1. Общие замечания

1. Задача нашего исследования заключается в том, чтобы дать отвлеченное определение анархизма и его форм. Как скоро соответствующие понятия будут определены, анархизм будет научно познан, так как его определение не только обусловлено обзором многочисленного ряда отдельных анархических фактов, но и соединяет результаты этого обзора воедино и ставит в связь со всем нашим познанием.

Задача, состоящая в отвлеченном определении анархизма и его форм, на первый взгляд кажется совершенно ясной. Но мнимая ясность исчезает при более точном рассмотрении.

С самого же начала возникает вопрос о том, где находится исходная точка исследования? Нам ответят, что исходной точкой являются анархические учения. Но при этом остается совершенно темным, что такое анархическое учение. Для одних это одно, для других — другое учение; некоторые учения сами называют себя анархическими, некоторые не называют. Как же можно взять своим исходным пунктом при нашем исследовании некоторые из них, не

употребляя уже тем самым понятия анархизма, к определению которого мы только и стремимся?

Вслед за этим встает другой вопрос о том, какова цель нашего исследования. Ответят: установить понятие анархизма и его форм. Но мы постоянно видим, что различные люди определяют совсем различно понятие того предмета, о котором они тем не менее думают одно и то же. Один говорит, что право — это общая воля; другой, что оно является содержанием тех предписаний, которые ограничивают естественную свободу одного человека ради других людей; третий заявляет, что это порядок народной жизни, установленный для сохранения в среде народов Богом данного мирового порядка. Они все знают, что для определения понятия необходимо указание ближайшего рода и отличительного признака, но такое соображение им мало полезно. Таким образом, цель исследования нуждается, по-видимому, в разъяснениях. Наконец, существует еще вопрос о том, какую дорогу избрать для достижения наших целей?

Тот, кто хоть раз наблюдал борьбу мнений в абстрактных науках, знает, с одной стороны, до какой степени чувствуется недостаток в одном признанном методе разрешения задач, с другой же — как необходимо для каждого исследования иметь ясное представление о прилагаемых методах.

2. Исследование может достигнуть более точного установления своей задачи. Эта задача заключается в том, чтобы на место неотвлеченных представлений об анархизме и его формах поставить их понятия.

Всякое отвлеченно определяющее исследование имеет своей задачей выражение в понятиях того предмета, который перед тем не был выражен в понятиях, следовательно, замещение неотвлеченных представлений этого предмета его понятием. Задача эта получает свое особенно явственное выражение в отвлеченно определяющем суждении (определении), которое непосредственно связывает друг с другом

какое-либо неотвлеченное представление объекта в качестве подлежащего с отвлеченным представлением того же самого объекта в качестве сказуемого.

Согласно этому, исследование, долженствующее определить понятия анархизма и его форм, своей задачей имеет отвлеченное выражение тех объектов, которые перед этим существовали в качестве неотвлеченных представлений анархизма и его форм, следовательно, замещение этих неотвлеченных представлений понятиями.

3. Но исследование может ограничить свою задачу еще точнее, сначала, конечно, только с отрицательной стороны. Эта задача состоит в том, чтобы на место всех обыденных представлений, являющихся неотвлеченными представлениями анархизма и его форм, поставить их понятия.

Каждое понятие может отвлеченно выражать только один предмет и не может выражать одновременно еще другого предмета. Понятие здоровья не может быть вместе с тем и понятием жизни, а понятие лошади — понятием млекопитающего животного.

Но неотвлеченные представления анархизма и его форм выражают собой чрезвычайно различные предметы. Предметом всех этих представлений является, конечно, с одной стороны, род, состоящий из общих известным учениям свойств, с другой же стороны — виды этого рода, образованные присоединением к вышеупомянутым общим свойствам каких-либо особенностей. При этом, однако, эти представления принимают во внимание весьма различные круги учений с их общими и особенными свойствами; так, одни из них остановят свое внимание, быть может, только на учениях Кропоткина и Моста, другие — только на учениях Штирнера, Тукера и Маккая, третьи, наконец, на учениях как тех, так и других писателей.

Если желательно заменить все неотвлеченные представления, выступающие в качестве представлений анархизма

и его форм, их понятиями, эти последние должны выражать одновременно и общие, и особенные свойства совершенно различных кругов учений, из которых каждый охватывает или только учения Кропоткина и Моста, или учения только Штирнера, Тукера и Маккая, или, наконец, учения как тех, так и других. Но это невозможно; понятия анархизма и его форм могут служить выражением только для общих и особенных свойств одного круга учений; поэтому исследование не может на место всех представлений, выступающих в качестве представлений анархизма и его форм, поставить их понятия.

4. Дополняя это отрицательное ограничение задачи еще с положительной стороны, исследование может достигнуть еще более точного установления этой задачи. Эта задача заключается в том, чтобы на место тождественных, обращающих свое внимание на один и тот же круг учений, неотвлеченных представлений анархизма и его форм, которые получили большое распространение среди научно занимающихся в настоящее время анархизмом людей, поставить их понятия.

Ввиду того, что наше исследование своей задачей может иметь только замену части представлений, выступающих в качестве неотвлеченных представлений анархизма и его форм, их понятием, а именно только тех представлений, которые принимают во внимание один и тот же круг учений с его общими особенными свойствами, оно должно разделить те представления, которые выступают в качестве представлений анархизма и его форм, соответственно кругу учений, принимаемому во внимание, на группы и выбрать такие группы, представления которых могут быть заменены понятиями.

При выборе этих групп важную роль должно играть то, что определяет для людей исследование. Ибо исследование какого-либо понятия имеет значение только для тех людей,

которые представляют себе предмет понятия конкретно, так как это понятие может стать на место их представлений. Поэтому для людей, образующих себе конкретное представление пространства, понятие нравственности лишено значения; равным образом для людей, под анархизмом подразумевающих то, что имеют общего между собою учения Прудона и Штирнера, лишено значения понятие того, что является общим для учений Прудона, Штирнера, Бакунина и Кропоткина.

Такое исследование предназначено для людей, научно занимающихся в настоящее время анархизмом. Если все эти люди в своих представлениях об анархизме и его формах принимали бы во внимание один и тот же круг учений, задачей исследования было бы замещение этой группы представлений соответствующими понятиями. Но на самом деле этого нет, и исследование может иметь своей задачей только замещение понятиями тех групп представлений, которые принимают во внимание круг учений, принятых возможно большим числом научно исследующих в настоящее время анархизм людей при существовании у них конкретных представлений об анархизме и его формах.

2. Исходная точка

Исходным пунктом исследования, согласно сказанному, должны быть принимающие во внимание один и тот же круг учений конкретные представления анархизма и его форм, которые получили среди занимающихся в настоящее время анархизмом людей наибольшее распространение.

1. Но каким образом можно узнать, что принимают во внимание по отношению к такому кругу учений самые распространенные среди занятых в настоящее время научной разработкой анархизма людей конкретные представления анархизма и его форм?

Первым делом это можно увидеть из сообщений относительно отдельных анархических учений и из перечисления и изложения таких учений.

Мы смеем думать, что каждый считает анархическими те учения, которые он называет анархическими, а также и те учения, которым присущи общие свойства анархических учений. Мы смеем, далее, думать, что каждый считает неанархическими те учения, которые он в какой-либо форме противопоставляет анархическим учениям, и, если он собирается перечислить или изложить всю систему анархических учений, также и те ему неизвестные учения, которым не присущи общие им перечисленным или изложенным учениям свойства.

Во-вторых, то, что принимается во внимание по отношению к кругу учений теми конкретными представлениями об анархизме и его формах, которые получили в настоящее время самое широкое распространение среди занимающихся научной разработкой анархизма людей, может быть выведено из отвлеченных определений анархизма и иных сообщений относительно него. Мы допускаем сомнение в том, чтобы кто-либо считал анархическими не только те учения, которые соответствуют его определению понятия анархизма или подходят к его сообщениям относительно анархизма; мы допускаем, наоборот, что он считает неанархическими те учения, которые не соответствуют вышеупомянутому определению понятия и не подходят к указанным сообщениям. Если оба эти средства познания приводят к противоречиям, то предпочтение следует отдать первому из них, так как если кто-нибудь определяет понятие анархизма или высказывается относительно последнего таким образом, что анархическими при этом оказываются те учения, которые он сам считает неанархическими, другие же учения, которые он считает анархическими, оказываются неанархическими, то это можно приписать толь-

ко тому, что он не дает себе отчета в сущности своих общих выражений; таким образом, узнать его мнение относительно этих общих выражений можно только из его анализа отдельных учений.

2. Благодаря этим средствам познания для нас ясно, что принимают во внимание для круга учений представления об анархизме и его формах, наиболее распространенные в настоящее время среди людей, научно занимающихся анархизмом.

Мы узнаем, во-первых, что учения некоторых людей признаются большинством из тех, кто занимается сейчас научной разработкой анархизма, анархическими.

Мы узнаем, во-вторых, что учения этих людей признаются большинством тех, кто занимается теперь научным исследованием анархизма, анархическими лишь постольку, поскольку они имеют дело с правом, государством и собственностью вообще, а не постольку, поскольку они работают над правом, государством и собственностью какого-либо отдельного правового порядка или какого-либо отдельного круга правовых порядков, и не постольку, поскольку они заняты анализом иных предметов, как то: религии, семьи, искусства.

Среди признанных анархическими выдаются семь учений, именно учения Годвина, Прудона, Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Тукера и Толстого. Все они, согласно большей части определений понятия анархизма и иных научных сообщений о нем, излагаются как анархические учения. Все они обнаруживают такие свойства, которые оказываются общими этим учениям в большинстве изложений анархизма. При каждом исследовании последнего на передний план выступает почти всегда одно из этих учений. Ни для одного из них ни малейшим образом не подлежит сомнению то, что оно представляет собою учение анархическое.

3. Цель

Целью нашего исследования, согласно сказанному, должно быть, во-первых, определение родового понятия, которое образовано общими свойствами учений, признанных анархическими, большинством из занимающихся в настоящее время научной разработкой анархизма людей и, во-вторых, определение видовых понятий этого рода, которые образованы тем, что к указанным общим свойствам присоединяются какие-либо отличительные признаки.

1. Для понятия прежде всего необходимо, чтобы предмет был представляем возможно явственнее и чище.

При конкретных же представлениях предмет представляется не со всей возможной явственностью. В наших конкретных представлениях о золоте мы ясно сознаем по большей части немногие свойства золота; некоторые из нас думают при этом, быть может, о цвете и блеске, другие о цвете и ковкости, третьи еще о каком-либо свойстве. В понятии же золота должны быть мыслимы, возможно явственнее, цвет, блеск, ковкость, твердость, растворимость, плавкость, специфический вес, атомный вес и все другие свойства золота.

В наших конкретных представлениях предмет представляется также не со всей возможной чистотой. В наши конкретные представления о золоте мы вносим иногда то, что не должно принадлежать к свойствам золота; один из нас думает, быть может, о временной ценности золота, другой о золотых вещах, третий о каких-нибудь золотых монетах. По отношению к понятию золота все эти чуждые ему прибавки должны быть оставлены.

Таким образом, исследование имеет своей целью прежде всего изложить, с одной стороны, возможно явственнее, а с другой — возможно чище общие свойства тех учений, которые большинством занимающихся в настоящее время научным исследованием анархизма людей считаются анар-

хическими учениями, а также особенности тех учений, которые обнаруживают эти общие свойства.

2. Для понятия необходимо, далее, чтобы предмет в нашем представлении был внесен по возможности шире в область всего нашего опыта, т.е. в систему видов и родов, которая охватывает весь наш опыт. В конкретных представлениях предмет относится не ко всей области нашего опыта, а произвольно к одному из многих родов, в который он может быть помещен согласно своим многочисленным свойствам. Один из нас думает о золоте, как виде рода желтых тел, другой считает его видом рода расширяющихся тел, третий видит в нем вид еще какого-нибудь рода. Понятие золота, тем не менее, должно быть отнесено к системе видов и родов, охватывающей весь наш опыт, оно должно быть отнесено к роду металлов.

Исследование имеет, следовательно, своей дальнейшей целью внести общие свойства тех учений, которые большинством занятых в настоящее время научной разработкой анархизма людей признаются анархическими, а также и особенности учений, обнаруживающих эти общие свойства, поскольку это возможно, в общую область нашего опыта, т.е. поместить в системе видов и родов, которая охватывает весь наш опыт.

4. Путь к цели

Тот путь, которым должно идти исследование, исходя из точки отправления и кончая своей целью, должен быть разделен на три части. Сначала должны быть определены понятия о праве, государстве и собственности. Затем нужно установить, что говорят анархистские учения о праве, государстве и собственности. В заключение необходимо после устранения некоторых заблуждений дать отвлеченное определение анархизма и его форм.

1. Сначала должны быть отвлеченно определены понятия права, государства и собственности вообще, а не права, государства и собственности какого-либо отдельного правового порядка или какого-либо отдельного круга правовых порядков.

Право, государство и собственность суть те объекты, относительно которых говорят учения, предназначенные к исследованию со стороны их общих и частных свойств. Но прежде чем высказать какие-либо соображения относительно предмета или допустить установление общих и частных свойств в этих соображениях и внесение их в область всего нашего опыта, необходимо дать сему предмету отвлеченное определение. Первое, чем нужно заняться, поэтому есть определение понятий права, государства и собственности (глава 2-я).

2. После этого необходимо установить, что говорят о праве, государстве и собственности анархические учения, т.е., во-первых, анархические учения, признанные таковыми, а во-вторых, также и такие учения, которые обнаруживают с ними общие свойства. То, что говорят анархические учения, которые признаны таковыми, должно быть установлено для того, чтобы определить понятие анархизма. То, что говорят все учения, обнаруживающие общие свойства с признанными анархическими учениями, необходимо установить, чтобы благодаря этому быть в состоянии отвлеченно определить виды анархизма. Таким образом, нужно исследовать каждое из этих учений со стороны его отношения к праву, государству и собственности; этому вопросу должен предшествовать другой — о том, на каком основании зиждется это отношение; и за ними должен следовать вопрос о том, каким образом надеются дать этому отношению осуществление.

Все анархические учения, признанные таковыми, или же все анархические учения вообще не могут быть здесь

изложены. Исследование ограничится поэтому изложением семи особенно выдающихся учений (главы 3—9) и попытается затем, исходя из этого изложения, бросить взгляд на всю совокупность учений, как признанных анархическими учениями, так и анархических учений вообще. (Глава 10-я.)

Предлагаемые учения излагаются в их собственных словах, но по одной и той же системе; первое — в целях точности и ограждения от внесения чужих мыслей, второе — ради устранения неодинаковых сопоставлений в основании различных порядков мыслей. Они будут принуждены в таком случае на определенные вопросы дать определенные ответы; конечно, ответы должны быть получаемы зачастую путем соединения небольших цитат из различных сочинений; поскольку же они противоречат друг другу, их нужно подвергнуть очистке, а поскольку они удаляются от общего словоупотребления — объяснить. Благодаря этому перед нашими глазами встанут непосредственно и, все же допуская сравнение, строгое течение мыслей Толстого, и запутанная речь Бакунина, исполненные пламенной любовью к человечеству сочинения Кропоткина и себялюбивые мудрствования Штирнера.

3. В конце концов, после устранения распространенных заблуждений должен быть определен отвлеченно анархизм и его формы.

Таким образом, на основании добытого познания об анархических учениях будут уничтожены важные заблуждения об анархизме и его формах; для этого же нужно определить, что общего имеют анархические учения друг с другом и что относится к различающим их особенностям, а затем как то, так и другое внести в область всего нашего опыта. Благодаря этому будут достигнуты понятия анархизма и его форм. (Глава 11-я.)

ВТОРАЯ ГЛАВА

Право, Государство и Собственность

1. Общие замечания

Здесь нужно дать отвлеченное определение праву, государству и собственности вообще, а не праву, государству и собственности какого-либо частного правового порядка или какого-либо отдельного круга правовых порядков. Понятия права, государства и собственности должны, следовательно, быть определены не как понятия какой-либо частной науки о праве, но как понятия общей юридической науки.

Под понятиями права, государства и собственности можно, во-первых, подразумевать понятия права, государства и собственности, присущие науке какого-либо определенного правового порядка.

Эти понятия о праве, государстве и собственности содержат все те признаки, которые даны им содержанием определенного правового порядка. Они выражают содержание только этого правового порядка. Поэтому их можно назвать научными понятиями этого правового порядка, ибо наукой определенного правового порядка можно назвать ту часть науки о праве, которая занимается исключительно нормами этого определенного правового порядка.

Понятия права, государства и собственности, принадлежащие науке одного правового порядка, отличаются от понятий права, государства и собственности других благодаря тому признаку, по которому они являются нормативными понятиями этого определенного правового порядка. Из этого признака могут быть выведены все те признаки, которые получаются из особенного содержания этого правового порядка в противоположность другим правовым порядкам. Понятия собственности в современном немецком, французском и английском государственном праве отличаются друг от друга тем, что они являются нормативными понятиями этих трех различных правовых порядков в области собственности. Они, следовательно, так же различны, как различаются нормы современного немецкого государственного права, французского и английского относительно собственности. Понятия права, государства и собственности различных правовых порядков относятся друг к другу, как видовые понятия, который подчинены одному и тому же родовому понятию.

Под понятиями права, государства и собственности, во-вторых, можно подразумевать понятия о праве, государстве и собственности, присущие науке определенного правового круга.

Эти понятия о праве, государстве и собственности содержат в себе все признаки, доставляемые общим содержанием различных правовых порядков определенного правового круга. Они выражают общее содержание различных правовых порядков только этого правового круга. Поэтому их можно назвать понятиями, присущими науке этого правового круга, ибо наукой об определенном правовом круге можно назвать только ту часть науки о праве, которая работает исключительно над нормами какого-либо определенного круга правовых порядков, поскольку, следовательно, эти нормы не разработаны уже наукой об определенных правовых порядках этого круга.

Понятия права, государства и собственности, присущие науке отдельного правового круга, отличаются от понятий права, государства и собственности, присущих науке образующих его правовых порядков, благодаря тому, что им недостает того признака, по которому они являются нормативными понятиями одного из этих правовых порядков, что им, следовательно, недостает также и всех тех признаков, которые могут быть выведены из этого первого признака сообразно с особенным содержанием того или другого правового порядка. Понятие государства в науке о современном европейском праве отличается от понятия государства в науке о современном немецком, русском и бельгийском праве тем, что оно не является вовсе нормативным понятием одного из этих правовых порядков, что ему, следовательно, недостает всех тех признаков, которые вытекают из особого содержания существующих в Германии, России и Бельгии государственных правовых норм. Оно находится с понятием государства в науке этих правовых порядков в таком же отношении, как понятие рода с подчиненными ему видовыми понятиями.

Понятия права, государства и собственности, принадлежащие науке определенного правового круга, отличаются от понятий права, государства и собственности, принадлежащих наукам других правовых кругов, благодаря тому признаку, что они являются нормальными понятиями этого определенного круга правовых порядков. Из этого признака могут быть выведены все признаки, которые присущи общему содержанию различных правовых порядков этого правового круга в противоположность общему содержанию различных правовых порядков других правовых кругов. Понятие государства, принадлежащее науке о современном европейском праве, отличается от этого же понятия, принадлежавшего науке о европейском праве в одиннадцатом столетии тем, что первое понятие есть понятие государст-

венно-правовых норм, которые действуют теперь в Европе, другое же было понятием тех норм, которые действовали в Европе в одиннадцатом столетии; они различаются между собой, следовательно, так же, как то, что сейчас имеют общего действующие в Европе государственно-правовые нормы, отличается от того, что было обще действовавшим в Европе тогда нормам. Эти понятия находятся друг с другом в таком же отношении, как видовые понятия, которые подчинены одному и тому же родовому понятию.

3. В-третьих, под понятиями права, государства и собственности можно понимать понятия права, государства и собственности общей науки о праве.

Эти понятия права, государства и собственности содержат в себе все те признаки, которые получаются из общего содержания различных правовых порядков и правовых кругов. Они выражают только то, что общего имеют между собою нормы самых различных правовых порядков и правовых кругов. Поэтому их можно назвать понятиями общей науки о праве, ибо общей наукой о праве можно назвать ту часть науки о праве, которая занимается правовыми нормами, не ограничиваясь каким-либо определенным правовым порядком или каким-либо определенным правовым кругом, поскольку они не разработаны уже науками об определенных правовых порядках и правовых кругах.

Понятия права, государства и собственности общей науки о праве отличаются от понятий права, государства и собственности отдельных наук о праве тем, что им недостает того признака, по которому они представляют собой нормативные понятия одного из этих правовых порядков или же одного из этих правовых кругов, что им, следовательно, недостает также и всех тех признаков, которые могут быть выведены из этого признака сообразно особому содержанию какого-либо правового порядка или какого-либо правового круга. Это понятие права отличается от

понятия права в современном европейском праве и от понятия права в современном немецком государственном праве просто тем, что оно вовсе не является нормативным понятием какого-либо правового круга или правового порядка, что ему, следовательно, недостает тех признаков, которые могут быть получены из некоторых общих особенностей всех действующих в настоящее время в Европе или же в Германии правовых норм. Это понятие относится к понятиям права в этих отдельных науках о праве, как родовое понятие к своим видовым понятиям.

4. Какое из указанных здесь значений следует придавать понятиям права, государства и собственности в отдельных случаях и что нужно считать при этом их содержанием, это зависит от цели исследования.

Если, например, дело идет о том, чтобы дать научное изложение государственно-правовым нормам современного немецкого государственного права, то определяемое при этом понятие государства должно быть понятием, принадлежащим науке частного правового порядка, ибо научная разработка норм частного правового порядка требует того, чтобы понятия были образованы как раз нормами этого правового порядка. Отсюда следует, что в качестве содержания принимаются во внимание тоже только государственно-правовые нормы современного немецкого государственного права. То, что при научном изложении какого-либо правового порядка определяемые понятия в действительности суть понятия, принадлежащие науке этого правового порядка, может казаться, конечно, неясным. Так можно каждое понятие, принадлежащее науке какого-либо отдельного правового порядка, определять как видовое понятие соответствующего ему родового понятия общей науки о праве. Когда это родовое понятие, именно, понятие государства общей науки о праве, определено и к нему присоединен отличительный признак видового понятия,

состоящий в том, что оно представляет собой нормативное понятие этого частного правового порядка, в данном случае современного немецкого государственного права, этот дальнейший признак во многих случаях может не получить выражения именно там, где, как и при научном изложении норм какого-либо частного правового порядка, допускают, что каждый человек должен его рассматривать как молчаливо добавляемый. Следствием этого, однако, является то, что осуществляемое при научном изложении данного частного правового порядка определение понятия отождествляется при поверхностном взгляде с определением понятия общей науки о праве.

Или, когда дело идет о том, чтобы произвести научное сравнение норм настоящего европейского права на собственность, то определяемое при этом понятие собственности должно быть понятием, принадлежащим науке этого частного правового круга, ибо научное сравнение норм различных правовых порядков требует того, чтобы понятия наук этих различных правовых порядков были подчинены соответствующему понятию науки образуемого ими правового круга. Следовательно, и в качестве содержания во внимание должны быть принимаемы нормы только этого правового круга. И здесь, конечно, может показаться неясным, что определяемые понятия суть действительно понятия науки этого правового круга, ибо понятия, принадлежащие науке какого-либо другого правового круга, тоже могут быть определены при помощи определения соответствующего им понятия общей науки о праве и молчаливого присоединения признака, указывающего, что оно представляет собой нормативное понятие частного правового круга.

Если, наконец, дело идет о том, чтобы произвести научное сравнение того, что общего имеют друг с другом нормы самых различных правовых порядков, то определяемое при этом понятие права должно быть понятием общей

науки о праве, ибо научное сравнение норм различных правовых порядков и правовых кругов требует, чтобы понятия, принадлежащие наукам самых различных правовых порядков и правовых кругов, были подчинены соответствующему понятию общей науки о праве. Следовательно, в качестве содержания должны быть рассматриваемы нормы различнейших правовых порядков.

Там, где дело идет о том, чтобы сделать первый шаг в научном исследовании учений, подвергающих своему суждению не только право, государство и собственность какого-либо частного правового порядка или правового круга, но право, государство и собственность вообще, там понятия права, государства и собственности необходимо должны быть определены как понятия общей науки о праве, ибо научная обработка тех учений, которые занимаются общим содержанием самых различных правовых порядков и правовых кругов, требует образования понятия с этим общим содержанием, следовательно, понятий общей науки о праве. В качестве содержания поэтому во внимание нужно принимать правовые нормы и особенно государственно- и имущественно-правовые нормы различнейших правовых порядков и кругов.

2. Право

Право составляет содержание правовых норм. Правовая норма есть норма, основывающаяся на том, что люди стремятся получить общее представление о поведении в пределах охватывающего их самих круга людей.

1. Правовая норма есть норма.

Всякая норма представляет собой идею правильного поведения. Правильным же поведением является такое поведение, которое или соответствует конечной цели всего человеческого поведения — безусловно справедливое по-

ведение, например, уважение к чужой жизни, — или какой-либо случайной цели — условно правильное поведение, например, искусное употребление поддельного ключа. Но идея правильного поведения означает собой, что безусловно или условно правильное поведение должно быть представляемо не как факт, а как задача; не как нечто действительное, а как нечто нуждающееся в осуществлении. Она означает не то, что я буду хранить жизнь своего врага в действительности, а то, что я должен ее хранить; не так, как вор употребил свой поддельный ключ в действительности, а как бы он должен был его употребить. Идея истинного поведения представляет собой то, что мы обозначаем как долженствование; если я представляю себе какое-либо долженствование, я представляю себе, что должно произойти для того, чтобы осуществить или конечную цель всего человеческого поведения, или какую-либо случайную, собственную цель. Идея истинного поведения обуславливает собой всякое суждение о прошлом поведении; это последнее может быть признано хорошим или нехорошим, целесообразным или нецелесообразным только по отношению к ней; она обуславливает также всякое размышление над будущим поведением; только по сравнению с ней возможно решить, будет ли хорошо или по крайней мере целесообразно вести себя известным образом.

Всякая правовая норма указывает справедливое поведение; она объясняет, что оно соответствует определенной цели. Она указывает это справедливое поведение как идею; она называет его задачей, а не фактом; она не говорит, что кто-нибудь так себя ведет, но что нужно вести себя таким образом. Поэтому правовая норма есть норма.

2. Правовая норма есть норма, основывающаяся на какой-либо человеческой воле.

Нормой, основывающейся на какой-либо человеческой воле, является та норма, благодаря которой каким-либо

образом должно быть избрано поведение, не противоречащее воле определенных людей и которое будет поддержано находящейся в услужении у этой воли силой. Подобная норма устанавливает, следовательно, только условно правильное поведение и именно как средство для достижения быть может и преследуемой нами, а быть может и презируемой целью, с которой воля некоторых людей находится в согласии и которая должна, следовательно, быть охраняема находящейся в услужении у этой воли силой.

Каждая правовая норма говорит нам, что мы должны вести себя так, чтобы не действовать вопреки воле определенных людей и в таком случае терпеть их владычество. Она устанавливает, следовательно, только условно правильное поведение и поучает нас не тому, что хорошо, а тому, что предписано. Правовая норма есть поэтому норма, основывающаяся на какой-либо человеческой воле.

3. Правовая норма есть норма, основывающаяся на том, что люди хотят и для себя и для других одного поведения.

На том, что люди хотят и для себя и для других одного и того же поведения, основывается норма тогда, когда воля, на которой основывается норма, распространяется не только на других, не желающих, но также и на самих желающих, когда, следовательно, эти последние не только хотят того, чтобы другие подчинились норме, но и себя стремятся подчинить ей.

Каждая правовая норма, и из всех родов норм только правовая норма, имеет своим свойством то, что воля, на которой она основывается, распространяется за пределы хотящего, но вместе захватывает и его. Положение «Кто отбирает у другого человека какую-либо вещь его движимого имущества с намерением противозаконно присвоить ее себе, тот за кражу наказывается тюрьмою» основывается не только на воле людей, но каждый из этих людей сознает, что это положение касается, с одной стороны, других, но с другой — также и его самого.

При этом можно было бы утверждать, что право устанавливается, однако, не всегда только желанием людей одного поведения как для себя, так и для других, например, империя во Франции установилась благодаря стремлениям французских бонапартистов. Но право вовсе не устанавливается этим простым хотением; оно получает осуществление только тогда, когда на этом хотении основывается какая-либо норма, т.е. когда в его услужении оказывается настолько могущественная сила, что оно в состоянии повлиять на поведение людей, с которыми оно находится в известном отношении. Когда бонапартизм широко распространился и захватил большие круги, тогда только республика была свергнута и империя на самом деле установилась во Франции.

Далее можно было бы указать на то, что в неограниченных монархиях, например в России, право основывается исключительно на желании одного человека, на которого, однако, оно не распространяется. Но русское право основывается вовсе не на воле царя; царь — слабый, отдельный человек, и его воля сама по себе совсем недостаточна для того, чтобы влиять на поведение многих миллионов русских. Русское право основывается скорее на хотении всех тех русских — крестьян, солдат, чиновников, — которые, исходя из различных оснований — патриотизма, корыстолюбия, суеверия, — хотят того, чтобы то, чего хочет царь, было в России правом. Их воли достаточно для того, чтобы оказать влияние на поведение русских; и если когда-нибудь они должны стать настолько малочисленными, что их воли уже не будет доставать для этого, то и то, чего хочет царь, не будет в России более правом, как это показывает история революций.

4. Было сделано утверждение, что правовая норма имеет еще дальнейшие свойства.

С самого начала было сказано, что правовая норма по своей сущности принудительна или своеобразно, путем ли

судебного действия, или государственной власти, должна быть принудительной.

Если под этим понимать, что во всякое время может быть вынуждено следование норме, то перед нами тотчас же встанет целый ряд случаев, в которых такое следование не достигается. Если должник становится банкротом или кончает самоубийством, то выполнение нарушенных правовых норм не может быть уже вынужденно, значение же их, однако, этим не будет нарушено.

Если относительно принуждения думают, что следование правовым нормам должно быть укреплено другими правовыми нормами, установленными на случай пренебрежения первыми, то для того, чтобы достигнуть таких норм, выполнение которых не может быть подкреплено дальнейшей правовой нормой, мы должны только несколько пойти дальше, от норм укрепленных к нормам укрепляющим. Если эти нормы нежелательно считать правовыми нормами, то и укрепленные ими нормы не могут иметь значения правовых норм, и, таким образом, при обратном порядке не остается в конце концов вообще правовых норм.

Только в том случае, если под принудительностью правовой нормы стремятся понимать то, что воля должна распорядиться определенной силой для того, чтобы на ней основывалась какая-либо правовая норма, можно в этом смысле сказать, что принудительность есть элемент сущности правовой нормы. Но это свойство правовой нормы должно бы быть непременно таким, чтобы его можно было вывести из свойства ее — быть нормативной, и поэтому она не могла бы иметь никаких претензий на то, чтобы это свойство было присоединяемо в качестве отдаленного свойства.

Далее, в качестве существенного свойства правовой нормы была указана способность ее основываться на воле какого-либо государства. Но и там все же, где нет речи

вообще о государстве и воле государства, например у пастушеских народов, и там все же существует правовая норма. Кроме того, каждое государство само представляет правовое отношение и, следовательно, осуществляется только благодаря таким правовым нормам, которые не могут основываться на его воле. В конце концов, и нормы народного права, назначением которых является стеснение воли государств, основываются не на воле государства.

Наконец, было разъяснено, что правовая норма должна в существенных пунктах соответствовать нравственному закону. Если бы это было правильно, то из различных правовых норм, которые в настоящее время имеют последовательно друг за другом непосредственное значение в одной и той же области, или одновременно в различных областях при одних и тех же обстоятельствах, правовой нормой нужно было бы считать только одну из них. В таком случае было бы невозможно также говорить о несправедливых правовых нормах, так как, если бы они были несправедливыми, они не представляли бы из себя правовых норм. В действительности же признано, что, если даже правовые нормы при одних и тех же условиях дают совершенно различное определение, они остаются все правовыми нормами, и нечего сомневаться в том, что рядом с хорошими существуют также и плохие правовые нормы.

5. В качестве нормы, основывающейся на том, что люди стремятся признать известное поведение общим для определенного, их самих охватывающего круга людей, правовая норма отличается от всех других, даже наиболее тождественных с нею явлений.

Благодаря тому, что она основывается на воле человеческой, она отличается от нравственного закона (заповеди нравственности); этот последний основывается не на том, что люди хотят определенного поведения, а на том, что поведение соответствует конечной цели всего челове-

ского поведения. Нравственным законом является положение: «Любите ваших врагов, благословляйте проклинающих вас, делайте добро ненавидящим вас, молитесь за оскорбляющих вас и преследующих»; нравственный же закон представляет и положение: «Поступай так, чтобы максима твоего хотения всегда была и принципом общего законодательства» — ибо правильность такого поведения основывается не на том, что другие люди хотят этого, а на том, что это соответствует конечной цели всего человеческого поведения.

Благодаря тому, что правовая норма основывается на воле человеческой, она отличается и от обычая; этот последний основывается не на том, что люди хотят определенного поведения, а на том, что они сами себя ведут каким-либо образом. Обычаем является то, что на бал являются во фраке и в белых перчатках, во время еды употребляют только нож для того, чтобы резать, приглашают дочерей дома на танец или по меньшей мере на «Extratous», свидетельствуют почтение хозяину и хозяйке дома и, наконец, дают на чай прислуге, — ибо правильность такого обращения основывается не на том, что другие люди этого от нас требуют; для тех, кто впервые знакомится с новой модой, бывает часто прямо-таки нежелательным, чтобы она распространилась на широкие круги; правильность такого обращения основывается единственно на том, что другие люди ведут себя таким образом, а также на том, что мы не можем «ставить себя в исключительное положение», «вести себя странно», «отличаться от других» и должны «поступать аналогично им».

Благодаря тому, что правовая норма основывается на воле, которая касается других, не имеющих соответствующего хотения людей и самих хотящих, она отличается, с одной стороны, от произвольного принуждения, при котором кто-либо имеет желание только по отношению к другим людям, с другой же стороны — от тех намерений, в которых

обнаруживается желание по отношению к себе. Произвольным принуждением является то, когда испанский Кортес повелевает мексиканцам передать их золото, или когда разбойничья банда запрещает напуганному населению выдавать ее убежище; при этом, конечно, руководящую роль играет человеческая воля, но такая воля, которая касается только других людей и не касается самих обладателей этой воли. Намерение, в котором выражается желание по отношению к самому себе, находит осуществление тогда, когда я постановил себе каждый день вставать утром в шесть часов, или запретил себе курить, или решил окончить какую-либо работу в течение определенного срока; при этом, конечно, руководящей нитью является человеческая воля, но она имеет касательство только к самому обладателю этой воли и совершенно не касается других людей.

6. То, что кратко выражается определением понятия правовой нормы, в том случае, если заняться объяснениями определения этого понятия, может быть следующим образом развито далее.

Люди хотят того, чтобы определенное поведение в пределах известного охватывающего их круга людей было признано общим, и их сила настолько велика, что их воля в состоянии оказать влияние на поведение людей этого круга. В таком случае правовая норма получает свое осуществление.

3. Государство

Государство есть такое правовое отношение, благодаря которому в определенной области осуществляется самая высшая власть.

1. Государство есть правовое отношение.

Правовое отношение есть выражаемое в правовых нормах отношение того, кому предписано известное поведение

несущего обязанность, с тем, ради которого дано ему это предписание, с носителем права. Так, например, правовое отношение при займе является отношением занимающего, который связан правовыми нормами, действующими при займе, с займодавцем, в интересах которого он подчиняется этим нормам.

Государство есть правовое отношение людей, подчиненных благодаря правовым нормам высшей областной власти, со всеми теми, ради которых они подчинены этой власти. При этом круг носителей права и несущих обязательства один и тот же; государство есть союз всех на пользу всех же.

Можно было бы признать справедливым, что государство не представляет из себя правового отношения, что оно является личностью. Но то, что союз людей является личностью в правовом смысле, и то, что он есть правовое отношение, вполне совместимо друг с другом; его свойство — представлять собой личность, по большей части основывается на его свойстве — быть своеобразным правовым отношением; к тому, что люди связаны друг с другом особым правовым отношением, присоединяется право, рассматривающее их союз в его внешних проявлениях, как личность. Акционерное общество есть личность не потому, что оно представляет собой правовое отношение, но потому, что оно есть своеобразное правовое отношение. И то, что государство является личностью, не только соединимо с его свойством — быть правовым отношением, но даже основывается на этом его свойстве.

2. Согласно своим условиям, это правовое отношение оказывается принудительным.

Произвольное правовое отношение устанавливается тогда, когда правовые нормы обуславливают осуществление правового отношения поступками несущего обязательства, целью которых является установление правового отноше-

ния, например, осуществление отношений найма путем заключения контракта о найме. Наоборот, произвольное правовое отношение устанавливается тогда, когда правовые нормы не обуславливают осуществления правового отношения такими поступками; так, например, покровительство какому-либо изобретению не обусловлено никаким поступком со стороны несущего обязательство, а требование наказания для преступника — никаким направленным на осуществление этого требования поступком несущего обязательство.

Если бы государство было произвольным правовым отношением, то высшая власть могла бы существовать только для тех жителей какой-либо области, которые ее признали. Но высшая власть существует для всех жителей области, безразлично — признали ли они ее или нет; правовое отношение, следовательно, произвольно.

3. Содержание этого правового отношения заключается в том, что в данной области существует высшая власть.

Благодаря правовому отношению в данной области власть возникает тогда, когда, согласно обосновывающим правовое отношение правовым нормам, воля каких-либо людей — или только одного человека — становится руководящей для жителей этой области. Но высшая власть возникает благодаря правовому отношению в известной области тогда, когда, согласно вышеупомянутым правовым нормам, воля некоторых людей является руководящей в конечном счете, т.е. произносит решение даже и при несогласии многих людей. То, что здесь обозначается как высшая власть, составляют, таким образом, не те люди, на воле которых основываются имеющие значение в определенной области правовые нормы, но скорее высшие их правовые носители, волю которых эти люди стремятся в конечном счете признавать руководящей в пределах этой области.

* * *

Что же это за люди, воля которых, благодаря правовому отношению, в конечном счете оказывается руководящей для жителей какой-либо области? Это, например, члены княжеского дома, получающие власть согласно определенному порядку наследования; избранные, получающие ее согласно определенному порядку избрания — это уже зависит от тех правовых норм, в которых дано правовое отношение. От этих же правовых норм зависит также и то, в какой мере воля этих людей оказывается руководящей, — причем такая ограниченность власти не противоречит их свойству как высшей власти; высший носитель права не имеет надобности поэтому в том, чтобы быть носителем неограниченной власти.

Здесь можно было бы сделать то возражение, что в союзных государствах, например в Германской империи, отдельным государствам не принадлежит высшая власть. Но она принадлежит им на самом деле, ибо, если существует ряд предметов, относительно которых в Германской империи высшая власть отдельных государств подчиняется имперской власти, то существует также и достаточно таких предметов, относительно которых в конце концов решение произносит высшая власть отдельных государств. Пока существуют такие предметы, в отдельных государствах существует и высшая власть; если бы однажды ее больше не оказалось, то не могло бы более быть речи и об отдельных государствах.

4. В качестве правового отношения, благодаря которому в определенной области существует высшая власть, государство отличается от всех других, наиболее тождественных ему общественных форм.

Благодаря тому, что государство есть правовое отношение, оно отличается, с одной стороны, от учреждений, которые могли бы осуществиться в мысленном государстве

Бога или разума на основании нравственного закона, с другой же — и от господства завоевателя в завоеванной стране, которое может быть всегда только произвольным господством.

Будучи произвольным правовым отношением, государство отличается столько же от мысленного соединения людей, установивших в своей среде при помощи договора высшую власть, сколько и от международных правовых союзов, в которых высшая власть находит свое осуществление на основании договора.

То, что благодаря этому правовому отношению осуществляется власть над определенной областью, отличает государство от родового сообщества пастушеских народов и от церкви, так как в первом случае власть находит свое осуществление над людьми определенного происхождения, во втором — над людьми определенной веры, и ни в одном из обоих случаев нет власти над жителями определенной страны. Благодаря тому, наконец, что эта областная власть представляет собой высшую областную власть, государство отличается от общин, округов и провинций; в этих случаях тоже, конечно, осуществляется областная власть, но только такая, которая должна быть подчинена по самому смыслу ее установления более высокой власти.

5. То, что вкратце выражено в определении понятия государства, может быть развито следующим образом, если только, с одной стороны, будет принято во внимание данное сначала определение понятия правовой нормы, с другой же — присоединенные к определению понятия государства разъяснения.

Некоторые жители данной области настолько могущественны, что их воля в состоянии оказывать влияние на поведение всех жителей этой области, и эти люди хотят того, чтобы для всех жителей области, как для них самих, так и для других, воля в известном смысле определенных людей

в конечном счете была руководящей. Раз дело обстоит именно так, государство получает свое осуществление.

4. Собственность

Собственность есть такое правовое отношение, благодаря которому некоторым людям принадлежит в пределах определенного круга людей власть распоряжаться в конечном счете определенными вещами.

1. Собственность есть правовое отношение.

Правовое отношение, как уже было сказано, есть отношение того, кому в лице правовых норм предписано определенное поведение, с тем, ради которого дано первому это предписание, с носителем соответствующих прав.

Собственность есть правовое отношение всех членов определенного круга людей, лишенных правовыми нормами возможности участвовать в конечном решении определенных вещей, с теми — и этих может быть много, — ради которых первые подвергнуты такому лишению. При этом круг несущих обязательство гораздо шире круга носителей права; в числе первых находятся почти все жители данной области или все сочлены данного племени, в числе вторых же — только те из них, для которых оказываются выполненными еще дальнейшие условия, например, передача, вознаграждение, присвоение.

2. Это правовое отношение, согласно своим условиям, произвольно.

Произвольное правовое отношение получает, как выше было указано, свое осуществление тогда, когда правовые нормы обуславливают появление правового отношения поступками обладателя обязанностей, целью которых является осуществление правового отношения; произвольное правовое отношение, наоборот, возникает тогда, когда они совсем не обуславливают появление правового отношения такими поступками несущего обязанности.

Если бы собственность была произвольным правовым отношением, то лишенными возможности решать какие-либо вещи окончательно оказались бы только те сочлены данного круга людей, которые были бы отнесены к числу лишенных. Но лишенными оказываются все сочлены круга людей, например, все жители определенной области, все члены определенного племени — безразлично, отнесены ли они или нет к числу лишенных.

3. Содержание этого правового отношения заключается в том, что кому-нибудь в среде определенного круга людей исключительно принадлежит право окончательного решения относительно определенных вещей.

То, что кому-либо в среде определенного круга людей, в силу правового отношения, исключительно присуще право решать известные вещи, означает собой, что этот круг людей в угоду ему лишен участия в этом решении, т.е. что нельзя помешать ему поступать с делами так, как ему угодно, если бы даже и можно было поступать с ними против его воли. Но исключительное решение относительно определенных вещей в границах определенного круга людей может часто, благодаря правовому отношению, принадлежать отдельным людям таким образом, что оно оказывается присущим некоторым из них — может быть, только одному — в том или другом частном отношении, например в отношении к съедобному плоду, одному же — может быть, многим — во всех остальных, уже не частных отношениях. Тому, кому принадлежит в пределах известного круга людей исключительное решение относительно определенной вещи во всех нечастных отношениях, принадлежит также в пределах этого круга людей исключительное и конечное решение относительно этих вещей.

Кому принадлежит такое решение, в силу правового отношения — быть может, например, и тому, кто употребил данную вещь для выработки какой-либо новой, — это за-

висит от правовых норм, в которых дано правовое отношение. От них же зависит и то, в какой степени это ему принадлежит; власть решения, принадлежащая тому, кому исключительно присуще конечное решение о вещах в пределах известного круга людей, ограничена не только властью решения, принадлежащей тем, которым присуще исключительно в границах этого круга людей первичное решение, но кроме того также и границами, в которых вообще кому-либо может в этом круге людей принадлежать такая власть решения. Это зависит от этих правовых норм, не сообразуясь с тем, присуще ли исключительное конечное решение столько же отдельным людям, как и обществам, или же только обществам, и присуще ли оно им по отношению к каждому роду вещей, или по отношению только к тому или другому их роду.

4. В качестве правового отношения, благодаря которому кому-либо из среды известного круга людей исключительно присуще конечное решение о вещах, собственность отличается от всех других, даже наиболее тождественных ей, предметов.

Благодаря тому, что она представляет из себя правовое отношение, она отличается от всех тех отношений, в которых кому-либо, единственно благодаря разумности окружающих его людей или единственно благодаря его собственной силе, поручено конечное решение какой-либо вещи, что могло бы иметь место в мысленном Царстве Бога или разума и что имеет зачастую место в покоренной стране.

Раз собственность есть произвольное правовое отношение, она отличается от тех правовых отношений, благодаря которым кому-либо принадлежит единственно на основании договора и в противоположность другим входящим в договор сторонам исключительное и конечное решение относительно определенных вещей.

То, что в силу этого правового отношения кому-либо внутри известного круга людей исключительно присуще

конечное решение относительно известных вещей, отличается собственность от первобытного права, в силу которого кому-либо в среде определенного круга людей исключительно присуще не решение относительно известных вещей, а нечто другое; затем, это отличает собственность от права на чужие вещи, в силу которого исключительно присущим кому-либо в среде известного круга людей является хотя и решение относительно определенных вещей, но все-таки не конечное решение.

5. То, что вкратце выражено в определении понятия собственности, может быть следующим образом развито, если принять во внимание, с одной стороны, сначала указанное определение понятия собственности, а с другой — данные для определения понятия собственности разъяснения.

Некоторые люди настолько могущественны, что их воля в состоянии оказывать влияние на поведение охватывающего их круга людей, и эти люди хотят того, чтобы ни один член этого круга не препятствовал в известных границах какому-либо известным образом определенному сочлену поступать с какой-либо вещью так, как ему угодно, если бы даже в этих границах с этой вещью дело обстояло и вопреки воле того первого члена, поскольку относительно этой вещи в отдельных случаях воля другого члена, подобно воле первого, не стала уже руководящей. При таком положении вещей собственность реализуется.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Учение Годвина

1. Общие замечания

1. Вильям Годвин родился в 1756 году в Висбиче, в Кембридже. Начиная с 1773 года он изучал теологию в Гокстоне. В 1778 году он был проповедником в Уайре, в Гертфордере, в 1780 году в Стовмаркете, в Суффолке. В 1782 году он оставил эту должность, после чего занимался литературным трудом в Лондоне, где и умер в 1836 году.

Годвин напечатал множество сочинений в области философии, политической экономии, истории, а также рассказов, трагедий и сочинений, написанных им в молодости.

2. Учение Годвина о праве, государстве и собственности прекрасно изложено в его двухтомном труде: «An Enquiry concerning political justice and its influence on general virtue and Happiness» (1793).

«Печатание этого труда», как говорит сам Годвин, «было начато задолго до его окончания, и по мере его приближения к концу мысль автора становилась все яснее и глубже. Следствием этого явились некоторые противоречия. Уже при начале своего труда он выяснил себе, что всякое правительство неизбежно противодействует нашему совершенствованию, и чем далее подвигался он в своей работе,

тем сильнее сознавал важность этого положения, и тем яснее становилось ему то, что должно случиться»¹. Здесь-то учение Годвина и получает ту исключительно развитую форму, в какой оно выступает во второй части сочинения.

3. Своему учению о праве, государстве и собственности Годвин не дает имени анархизма, но он не боится этого слова. «Анархия — это страшное зло, но деспотизм еще ужаснее. Там, где анархия убила сотни людей, деспотизм поглотил много миллионов жертв и этим самым лишь поддерживает невежество, порок и нищету; анархизм кратковременное зло, деспотизм почти бессмертен. Без сомнения, если народ отдает себя на волю всех бушующих страстей до той поры, когда зрелище их последствий не даст разуму новых сил для борьбы с ними, это будет для него ужасным лекарством; но как бы ни было ужасно это средство, оно все же оказывает самую действительную помощь»².

2. Основные положения

По мнению Годвина, нашим высшим законом является всеобщее благо.

Что такое всеобщее благо? «Сущность его находится в зависимости от сущности нашей души!»³ «Оно неизменно; оно одинаково до тех пор, пока люди будут людьми»⁴. «Этому благу способствует все то, что расширяет наше образование, поощряет нашу добродетель, внушает нам чувство собственной независимости и тщательно очищает от препятствий путь нашей деятельности»⁵.

Всеобщее благо есть наш высший закон. «Долг есть не что иное, как способ, путь, которым одно существо может

¹ Godwin, S. IX—X.

² Godwin, S. 548—549.

³ *Ib.* S. 90.

⁴ *Ib.* S. 150.

⁵ *Ib.* S. 90.

наилучшим образом быть употреблено для всеобщего блага»¹. «Справедливость охватывает собою все нравственные обязанности»²; «раз она должна иметь какой-нибудь смысл, то справедливо, чтобы я по мере возможности содействовал делу общего блага»³. «Добродетель есть стремление способствовать благу всех разумных существ; высота этой добродетели соответствует силе этого желания»⁴; «самым высшим совершенством этого чувства является такое состояние духа, когда совершенное другими добро делает нас такими же счастливыми, как если бы мы сами это сделали»⁵.

«Истинно мудрый человек» стремится только к всеобщему благу; его «не побуждают ни собственная польза, ни честолюбие, ни страсть к почестям или к славе; он не знает соревнования. Сравнение достигнутого им с тем, что достигнуто другими, не нарушает его покоя; его мучит лишь сравнение с тем, что должно было быть вообще достигнуто. Он чувствует себя обязанным стремиться ко всеобщему благу; это благо есть его единственная цель, и если оно достигнуто другими, то он не чувствует себя разочарованным в своих надеждах, так как он всех считает сотрудниками, и никого соперником»⁶.

3. Право

I. С точки зрения всеобщего блага Годвин отрицает всякое право вообще, а не только при особенных условиях пространства и времени.

«Право есть установление, обладающее самыми пагубными последствиями»⁷. «Раз начали издавать законы, то

¹ Godwin, S. 101.

² Ib. S. 150, 80.

³ Ib. S. 81.

⁴ Ib. S. 254.

⁵ Ib. S. 360—361.

⁶ Ib. S. 361.

⁷ Ib. S. 771.

нелегко положить этому конец. Человеческие поступки различны, и различны также их польза и вред. С появлением новых случаев закон всегда поэтому снова оказывается недостаточным; необходимо постоянно издавать новые законы. Книга, в которую право вносит свои предписания, увеличивается, и мир слишком мал для всех сводов законов будущего»¹. «Из несметного количества правовых предписаний вытекает их сомнительность. Эти предписания даны для того, чтобы каждый простой человек знал, в каком он положении; но, несмотря на это, самые лучшие юристы бывают различного мнения об исходе какого-нибудь дела»².

«Ко всему этому надо еще прибавить пророческую природу права. Оно имеет своей задачей изображать поступки людей в будущем и уже заранее судить эти поступки»³.

«Мы часто называем право мудростью наших отцов. Но это странная ошибка; оно скорее плод их страстей, боязни, ревности, жестокосердия и властолюбия. Не вынуждены ли мы беспрестанно изменять и преобразовывать эту так называемую мудрость наших отцов? Не должны ли мы, разоблачая их невежество и осуждая их нетерпимость, исправлять ее?» «Люди не подлежат какому-либо законодательству в том виде, как его у нас принято понимать. Разум есть наш единственный законодатель, и его предписания неизменны и повсюду одни и те же»⁴. «Люди могут только излагать и толковать право; но никакая сила на земле не обладает таким могуществом, чтобы уполномочить себя обратить в закон то, что до сих пор не сделала законом вечная справедливость»⁵.

«Конечно, справедливо то, что мы несовершенны, невежественны, рабы внешнего блеска»⁶. «Но каково бы ни

¹ Godwin, S. 766—767.

² *Ib.* S. 768.

³ *Ib.* S. 769.

⁴ *Ib.* S. 166.

⁵ *Ib.* S. 381.

⁶ *Ib.* S. 774.

было зло, вытекающее из человеческих страстей, введение постоянных законов не может служить истинным лекарством против этого зла»¹. «Пока кто-либо находится в сетях повиновения и продолжает каждый свой шаг направлять по следу другого, его разум и его духовные силы еще дремлют. Что же могу я сделать для того, чтобы заставить его подняться со всею его силою? Я должен его учить самочувствию, должен научить никого не считать руководителем, выяснять себе свои принципы и давать себе отчет в своем поведении»².

II. Всеобщее благо повелевает мне, чтобы в будущем оно само вместо права стало законом для всех людей.

«Если каждый шиллинг нашего имущества, каждый час нашего времени и каждая способность нашей души заранее получают свое определение³ при помощи неизменных предписаний справедливости»⁴, т.е. всеобщего блага⁵, то никакое другое предписание не будет ими распоряжаться. «Истинное основоположение, которое должно будет заменить собой право, заключается в неограниченном господстве разума»⁶.

«В ответ на это нельзя ссылаться на то, что наша мудрость ограничена; в настоящее время нет недостатка в людях, которые духовно так же высоко стоят, как и право. Но раз в действительности между нами существуют такие люди, мудрость которых несколько не уступает мудрости права, то вряд ли возможно доказать, что истины, которые они хотят сообщить нам, потому имеют меньшее значение, что они опираются только на силу их доводов»⁷.

¹ Godwin, S. 775.

² Ib. S. 776.

³ Ib. S. 151.

⁴ Ib. S. 81, 121.

⁵ Ib. S. 151.

⁶ Ib. S. 773.

⁷ Ib. S. 773—774.

«Судебные решения, которые были бы приняты непосредственно после упразднения права, немногим, конечно, отличались бы от прежних. Они основывались бы на пред-рассудках и привычках. Но привычка постепенно теряла бы свою силу. Те, которым было бы доверено решение какого-нибудь вопроса, все чаще и чаще вспоминали бы о том, что все вещи подлежат их свободному усмотрению, и, таким образом, необходимо дошли бы до того, что подвергнули бы своей критике неоспариваемые до сих пор основные принципы. Чем сильнее они чувствовали бы важность своей задачи и полную свободу своего исследования, тем больше было бы их понимание. И наступило бы счастливое состояние вещей с его необозримыми последствиями; слепая вера была бы ниспровергнута, и настало бы светлое царство справедливости»¹.

4. Государство

I. Так как Годвин безусловно отрицает право, он должен неизбежно отрицать и государство; и он рассматривает его как правовое учреждение, которое противоречит всеобщему благу совершенно особенным образом.

Государство основывается частью на насилии, частью на божественном праве, частью же на договоре². Но «первое положение предполагает полнейшее отрицание вечной и абсолютной справедливости, так как оно оправдывает всякое правительство, которое достаточно сильно для проведения своих предписаний; оно кладет насильственный конец всякой государственной науке и, по-видимому, рекомендует людям спокойно преклоняться перед всяким злом и не ломать головы над усовершенствованиями. Второе положение двусмысленно. Оно или обозначает то же

¹ Godwin, S. 778.

² Ib. S. 140—141.

самое, что и первое, и считает всякую существующую силу безразлично установленной от Бога, или оно вообще не имеет никакого значения, пока не будет найден критерий, по которому можно будет отличить Богом установленное правительство от других»¹.

«Наконец третье положение имеет тот смысл, что каждый отдельный человек доверяет управление своей совестью и обсуждение своих поступков»² другому. «Но мы не можем отречься от нашей нравственной самостоятельности; она наша собственность, которую мы не можем ни продать, ни подарить, и, следовательно, никакое правительство не может черпать свое насилие из первоначального договора»³.

«Каждое правительство соответствует в известной мере тому, что греки называли тиранией. Единственная разница состоит в том, что в странах с деспотическим правительством насилие производит однообразное давление на наш дух, в то время как в республиках наш дух подвижнее, и насилие скорее следует за течением общественного мнения»⁴. «Государственные учреждения всегда в некоторой степени имеют своим результатом сокращение подвижности нашего духа и ограничение его прогресса»⁵. «Мы не должны никогда забывать, что всякое правительство есть зло, что оно лишает нас собственного суждения и совести»⁶.

II. Общественное благо требует замены государства дружественным общежитием всех людей единственно на основании их собственных законов.

1. Люди должны жить дружелюбно также и после уничтожения государства. «Необходимо проводить тщательное

¹ Godwin, S. 141.

² Ib. S. 148.

³ Ib. S. 149.

⁴ Ib. S. 572.

⁵ Ib. S. 185.

⁶ Ib. S. 380.

различие между обществом и государством. Вначале люди объединились для поддержки друг друга»¹; только позже, вследствие заблуждений и низости меньшинства, проникло в эти сожительства людей насилие. «Общество и государство отличаются друг от друга и имеют различное происхождение. Общество родилось в силу наших потребностей, государство же благодаря нашим недостаткам. Общество — во всяком случае, благо, государство — в лучшем случае, — неизбежное зло»².

Но что же должно в «обществе без правительства»³ объединять людей? Во всяком случае, не обещание⁴. Никакое обещание не может налагать на меня обязательство, так как если то, чему я обязался, хорошо, то я должен исполнить свои обязательства и без обещания, к плохому же и обещание мое не может меня обязать⁵. «Если я сделал ошибку, то это несколько меня не обязывает стать виновником еще другой»⁶. «Положим, что я для какой-нибудь хорошей, заслуживающей уважения цели обещал большую сумму денег. В промежутке времени между моим обещанием и исполнением является предо мной другая цель, более великая и благородная, и требует настоятельно моего содействия. Которой я должен отдать преимущество? Той, которая его заслуживает. Мое обещание не может вводить никакого различия. Я должен руководиться важностью дела, а не внешней и чуждой точкой зрения. Важность же дела не может обуславливаться тем, что я связал себя чем-то»⁷.

В будущем связывать людей в общества должно будет «взаимное сознание общего благополучия»⁸. Это благопо-

¹ Godwin, S. 79.

² *Ib.* S. 79.

³ *Ib.* S. 788.

⁴ *Ib.* S. 163.

⁵ *Ib.* S. 151.

⁶ *Ib.* S. 156.

⁷ *Ib.* S. 151.

⁸ *Ib.* S. 161—162.

лучие соответствует в точности благу всех людей. «Если какой-нибудь народ отваживается выполнить свою задачу такого общего сознания, он делает шаг вперед, и этот шаг должен непременно улучшить характер каждого отдельного человека. То, что люди объединяются для торжества истины, служит прекрасным доказательством их добродетели. И то, что каждый, каким великим он бы себе ни казался, должен подчиниться мнению общества, подтверждает, по крайней мере внешним образом, великое основное положение, что каждый должен жертвовать своим преимуществом для общественного блага»¹.

2. Общества должны быть малочисленны и по возможности меньше соприкасаться друг с другом.

Повсюду маленькие области будут самостоятельно управлять своей жизнью². «Союз людей, пока он повинуется заповедям разума, не может чувствовать потребности в увеличении своего размера»³. «Все то зло, которое связано с государством как с таковым, чрезвычайно увеличивается, если власть распространяется на большое пространство, и, напротив того, ослабевает, если она ограничивается небольшим владением. Честолюбие, которое в первом случае страшно, как чума, не имеет такого значения во втором случае. Народные волнения могут, подобно волнам морским, на большой поверхности произвести ужаснейшие действия, но в тесных границах они так же безвредны, как волны самого маленького озера. Умеренность и дешевизна живут только в небольших кругах»⁴. «Желание увеличить нашу область, победить соседние государства или держать их в известных границах, хитростью или насилием возвыситься над ними, — все это основано на предрассудке и

¹ Godwin, S. 164—165.

² *Ib.* S. 561.

³ *Ib.* S. 566.

⁴ *Ib.* S. 562.

заблуждении. Сила не есть счастье. Безопасность и мир более желательны, чем имя, пред которым трепещут народы. Ведь люди братья. Мы объединяемся под какой-нибудь полосой неба, потому что этого требует наше внутреннее спокойствие или наша защита от поползновений нашего общего врага; соперничество же народов есть плод нашего воображения»¹.

Небольшие, самостоятельно управляемые области должны возможно меньше поддерживать связь одна с другой. Общение отдельных людей между собой не может быть вполне живым и безграничным; для целых же обществ частое общение их друг с другом лишено всякой ценности, пока это не становится необходимым благодаря заблуждению или насилию. С этим рассуждением сразу исчезают главные объекты того таинственного и запутанного государственного искусства, которыми правительства до сих пор занимались. Офицеры сухопутные и морские, посланники, поверенные и все те хитрости, которые были изобретены для того, чтобы держать в страхе другие народы, чтобы проникать в их тайны, заключать союзы и контрсоюзы, — все это оказывается ненужным»².

3. Но как же должны быть выполняемы в будущих обществах те задачи, которые теперь выполняет государство? «Из этих задач государства только две имеют право на существование: во-первых, уничтожение той несправедливости, которая совершается внутри общества по отношению к отдельным членам общества»³, во-вторых, решение споров между отдельными областями⁴ «и общая защита против внешних нападений»⁵.

«Из этих задач только первая может требовать от нас постоянного разрешения. А это мог бы вполне удовлетво-

¹ Godwin, S. 559.

² *Ib.* S. 561.

³ *Ib.* S. 564.

⁴ *Ib.* S. 566.

⁵ *Ib.* S. 564.

рительно сделать присяжный суд, который должен был бы выносить свое решение по поводу оскорблений, нанесенных членами общества, и разрешать их собственнические споры»¹. Суд же этот решал бы дела не по установленному правовому порядку, а на основании разума². «Преступник мог бы, конечно, легко ускользнуть из столь ограниченной области правосудия, и на первый взгляд могло бы поэтому казаться необходимым, чтобы и соседние области или судебные округа имели одинаковое правление или, невзирая на свою форму правления, были бы готовы по крайней мере объединиться для исключения или исправления преступника, поведение которого им всем в одинаковой степени вредит. Но для этой цели нет необходимости в объединении и еще менее в употреблении общего высшего насилия. Всеобщая справедливость и общая выгода связывают людей еще прочнее, чем письмо и печать»³.

Со второй задачей нам придется сталкиваться лишь по временам. «Раздоры между отдельными областями, несмотря на все свое неразумие, могут все же произойти; для их успокоения потребовалось бы соглашение различных областей, благодаря которому сделалось бы ясным требование справедливости и которое в случае надобности принудило бы исполнять это требование»⁴.

И нападение врагов также делает необходимым подобное соглашение, а постольку и уничтожение вышеупомянутых раздоров⁵. Поэтому «должны созываться время от времени национальные собрания, т.е. собрания, назначение которых состояло бы в том, чтобы, с одной стороны, улаживать споры между отдельными областями, с другой же — принимать лучшие меры для защиты от внешнего врага»⁶.

¹ Godwin, S. 564—565.

² *Ib.* S. 728.

³ *Ib.* S. 565.

⁴ *Ib.* S. 566.

⁵ *Ib.* S. 566.

⁶ *Ib.* S. 573—574.

«Но пользоваться этими собраниями следует возможно ограниченнее»¹. Ибо, во-первых, на них дела решаются большинством голосов, «и когда все обстоит благополучно, решающее значение имеют глупейшие люди, а нередко и бесчестные соображения»². Во-вторых же, при решениях обыкновенно члены собраний не руководствуются единственно результатами своего размышления, а всякого рода внешними причинами³. В-третьих, эти члены бывают вынуждены растратить свои силы на мелочи, так как для них немислимо спокойно подчиниться разумным доказательствам⁴. Поэтому прибегать к национальным собраниям следует «или только по чрезвычайным причинам, как, например, диктатура в Риме, или же они должны заседать периодически, положим, один день в году, с правом в известной мере увеличивать время своих заседаний. Преимущество, однако, на стороне экстренных собраний»⁵.

Какой же властью обладали бы национальные собрания и присяжные суды? Человечество настоящим строем испорчено до того, что сначала необходимо было бы обнаружение приказов и в некоторой степени принуждение силой, позднее же для решения споров было бы достаточно одних предложений суда, а национальные собрания ограничились бы одним только призывом сотрудничать для общей пользы⁶. «Когда же суды в конце концов перестали бы судить и ограничились бы только подачей совета, когда насилие постепенно исчезло бы и управлять стал бы только разум, не должны ли были бы мы тогда в один прекрасный день согласиться с тем, что суды и другие общественные учреждения сделались лишними? Разве один мудрый чело-

¹ Godwin, S. 573—574.

² *Ib.* S. 598—569, 571—572.

³ *Ib.* S. 569—570.

⁴ *Ib.* S. 570—571.

⁵ *Ib.* S. 574.

⁶ *Ib.* S. 576—578.

век не мог бы иметь столько же убежденности, как двенадцать? Разве чья-нибудь способность вразумлять своих соседей не стала бы известной и без формального избрания его на такую должность? Разве и тогда еще необходимо было бы исправлять пороки и побеждать злую волю? Это самая желательная ступень человеческого прогресса. С каким восторгом широко развитый альтруист должен ждать того счастливого времени, когда исчезнет государство, эта грубая машина, бывшая единственной постоянной причиной человеческих пороков и влекущая за собой столько различных ошибок, которые могут быть устранены только с ее окончательным падением»¹.

5. Собственность

I. Благодаря своему безусловному отрицанию права Годвин должен неизбежно, без всяких оговорок, отрицать и собственность. Собственность, или, как он выражается, «существующая система собственности»², т.е. современное, осуществляемое правом распределение богатства, представляется ему даже таким правовым учреждением, которое подрывает благо общества совершенно особенным образом. «Мудрость законодателей и народных представительств направляется на создание жалкой и бессмысленнейшей системы распределения собственности, которая одинаково оскорбляет и человеческую природу, и основные законы справедливости»³.

Существующая система собственности распределяет богатство самым неравномерным и к тому же еще самым произвольным образом. «Согласно ей, один человек в силу своего происхождения имеет несметные богатства. Если

¹ Godwin, S. 578—579.

² *Ib.* S. 794.

³ *Ib.* S. 803.

кто-нибудь из нищего делается богачом, то все обыкновенно знают, что он обязан этой переменой своего положения не своей честности или полезности; самому прилежному и деятельному члену общества часто с трудом удается предохранить свою семью от голода»¹. «Если я получаю вознаграждение за свою работу, мне дают в сто раз больше пищи, чем я могу употребить, и в сто раз больше платья, чем я могу носить. Где здесь справедливость? Если я даже самый великий благодетель человеческого рода, то служит ли это основанием для того, чтоб мне давали то, в чем я не нуждаюсь, в то время как мой излишек мог бы быть весьма полезен тысячам людей?»²

Это неравномерное распределение богатств противоречит общему благу. Оно препятствует духовному прогрессу. «Накопление собственности попирает ногами силу мысли, гасит искры гениальности и погружает громадную массу людей в грязные заботы. Богатого оно лишает благотворных и сильных побуждений к деятельности»³; своим излишком он может «купить только блеск и зависть, только жалкое удовольствие вернуть бедному в виде милостыни то, на что ему разум дает неоспоримое право»⁴.

Неравномерное распределение богатства служит также препятствием к нравственному усовершенствованию. У богатого оно порождает честолюбие, тщеславие и хвастливость, у бедного же насилие, раболепие, хитрость и следом за ними зависть, озлобленность и мстительность⁵. «Богач представляет собой как бы единственный предмет всеобщего преклонения и почитания. Напрасны умеренность, чистота и прилежание, напрасны превосходные способности и пламеннейшее человеколюбие, раз ты живешь в плохой

¹ Godwin, S. 794.

² Ib. S. 795.

³ Ib. S. 806.

⁴ Ib. S. 795.

⁵ Ib. S. 811, 810.

обстановке. Возможность обогащения и выставление его напоказ представляют собой общечеловеческую страсть. «Насилие давно уступило бы место разуму и образованию, но накопление богатств укрепило его владычество»¹. «То обстоятельство, что один человек с излишком обладает тем, в чем нуждается другой, служит источником преступления»².

II. Всеобщее благо требует того, чтобы на место собственности стало распределение богатств, руководствующееся единственно требованиями общего блага.

Если Годвин называет собственностью ту часть имущества, которую получает каждый согласно этим требованиям распределения, то это следует понимать в переносном смысле; в настоящем же смысле слова собственностью может быть названо только такое богатство, которое досталось по праву.

Согласно повелению всеобщего блага, каждый человек должен иметь средства к хорошей жизни.

1. «Что же должно определять, кому из нас, мне или тебе, должен принадлежать предмет, полезный всему обществу? На это есть только один ответ: справедливость»³. «Законы различных стран распоряжаются собственностью чрезвычайно разнообразно, но только одно отношение к ней может более всего соответствовать разуму»⁴.

Справедливость требует прежде всего того, чтобы каждый человек имел средства к жизни. «Наши животные потребности состоят, как это давно уже признано, в пище, одежде и жилище. Если справедливость имеет какой-нибудь смысл, то не может быть ничего несправедливее того, как

¹ Godwin, S. 809.

² Ib. S. 809.

³ Ib. S. 789.

⁴ Ib. S. 790.

недостаток в этих предметах у одного человека, в то время как у другого они имеются в излишестве. Но справедливость этим не ограничивается. Каждый человек имеет право не только на средства к жизни, но, пока еще есть запас общественного богатства, имеет право и на средства к хорошей жизни. Несправедливо, когда один человек работает до разрушения своего здоровья или своей жизни, в то время как другой в излишестве наслаждается роскошной жизнью. Несправедливо, когда один человек не имеет времени для развития своего духа, в то время как другой палец о палец не ударяет для общей пользы»¹.

2. Такое «состояние равенства в собственности»² в высшей степени способствовало бы всеобщему благу. При таком состоянии «работа должна бы была стать до того легким бременем, что сделалась бы полезным телесным упражнением и отдохновением»³. «Каждый человек стал бы вести простой, но здоровый образ жизни. Каждый человек умеренным телесным упражнением стал бы поддерживать ясность духа; никто бы не страдал от усталости, все имели бы время для развития альтруистических побуждений души и своих способностей в стремлении к совершенству»⁴.

«Как быстры и возвышенны были бы успехи нашего рассудка, если бы всем было открыто поле знания! Необходимо, конечно, признать, что духовное неравенство в некоторой степени осталось бы и дальше; но можно быть уверенным в том, что духовные способности людей того времени опередят далеко за собой все успехи предшествовавшего времени»⁵.

Так же велик, как духовный прогресс, был бы и прогресс нравственный. Пороки, которые неразрывно связаны с

¹ Godwin, S. 790—791.

² *Ib.* S. 821.

³ *Ib.* S. 821.

⁴ *Ib.* S. 806.

⁵ *Ib.* S. 807.

существующей системой собственности, «должны были бы исчезнуть при таком общественном строе, в котором люди живут в достатке и в котором все в равной степени пользуются дарами природы. Для узкого себялюбия не было бы больше места, и так как никому не приходилось бы заботиться о своем незначительном имуществе и неумоимо работать для удовлетворения своих потребностей, то каждый мог бы всецело быть занятым мыслью о всеобщем благе. Никто не был бы врагом своего соседа, так как не было бы предметов раздора; и, таким образом, на троне восседало бы человеколюбие, следуя указаниям разума»¹.

3. Но каким образом было бы возможно в отдельных случаях осуществить такое распределение богатств?

«Как только право было бы уничтожено, люди стали бы поступать по справедливости. Положим, при таких обстоятельствах суду придется разбирать спор о наследстве. По старому законодательству пять наследников получили бы по равной части. В новом же обществе судьи исследуют нужды и положение каждого из наследников. Допустим, что первый наследник честный человек и имеет успех в жизни; он всеми уважаем и от увеличения своего состояния не получит никаких преимуществ и никаких наслаждений. Второй — несчастный человек, которого давит нужда и одолевают неудачи. Третий хотя и беден, но живет без забот, его добрая воля все же побуждает его добиваться положения, в котором он мог бы принести громадную пользу. Чтобы выгодней получить это положение, ему необходимо иметь такую часть, которая составляет $\frac{2}{5}$ наследства. Четвертая наследница — незамужняя женщина, у которой нельзя ожидать потомства; пятая, наконец, — оставшаяся без средств вдова, которая должна прокормить большую семью. Если этот спор из-за наследства был бы предоставлен неограниченному решению беспристрастных судей, то они непре-

¹ Godwin, S. 310.

менно должны бы были поставить себе вопрос: что за справедливость находила свое осуществление при прежнем равном разделе наследства?¹ И их ответ не может дать места никаким сомнениям.

6. Осуществление

Необходимое для всеобщего блага изменение существующего строя произойдет, по Годвину, таким образом, что те, которые познали истину, убедят других в необходимости этого изменения для всеобщего блага, и благодаря этому самому праву, государство и собственность исчезнут, и водворится новый общественный строй.

I. Единственно, необходимо убедить людей в том, что общественное благо требует изменения.

1. Всякий другой путь нужно оставить. «То оружие, которое с одинаковым расчетом на успех может быть употреблено обеими сторонами, с нашей точки зрения всегда будет казаться подозрительным. Поэтому мы должны с отвращением смотреть на всякое насилие. Вступая в область насильственной борьбы, мы оставляем надежную область правды и ставим решение в зависимость от случайного каприза. Фаланга нашего разума неуязвима; она подвигается вперед спокойным, надежным шагом, и ничто не может ей противостоять. Совсем иное дело, если мы оставляем наши разумные основания и обращаемся к мечам. Кто может в шуме и сумятице междоусобной войны предсказать, на чьей стороне будет успех? Мы должны поэтому осторожно проводить различие между обучением и подстрекательством народа. Мы не должны поощрять гнев, угрозы и страсти, а должны добиваться только трезвых рассуждений, ясной критики и непоколебимых решений»².

¹ Godwin, S. 779—780.

² *Ib.* S. 203.

2. Речь идет о том, чтобы действовать на людей убеждением, и только тогда, когда это удастся, исчезнут насильственные действия. «По какой причине все слои общества, все люди одинаково смотрели на перевороты в Америке и Франции, в то время как восстание против Карла Первого разделило наш народ на две партии? Потому что последнее происходило в XVII веке, а первые в XVIII веке, когда философия уже установила некоторые истины государственных наук, и когда, под влиянием Сиднея и Локка, Монтескье и Руссо, часть людей, мыслящих и сильных духом, узнала, что насилие есть зло. Если бы эти перевороты совершились немного позднее, тогда ни одна капля гражданской крови не была бы пролита гражданской рукой, и ни в каком случае ни против людей, ни против имущества не было бы употреблено насилие»¹.

3. Средство для того, чтобы убедить возможно большее количество людей в необходимости переворота, состоит в «доказательстве и убеждении словом. Самое лучшее ручательство счастливого исхода заключается в свободном, не обусловленном ничем объяснении. Здесь справедливость всегда должна остаться победительницей. Следовательно, если мы хотим улучшить общественный строй человечества, мы должны стараться убеждать и словом, и пером. Эта деятельность не имеет границ, такой труд не терпит прекращения. Все средства следует употребить, и не столько для того, чтоб приковать внимание людей и склонить их на нашу сторону, сколько для того, чтобы удалить всякие преграды для нашего мышления и открыть для каждого человека храм науки и поле исследования»².

«Два основных принципа поэтому должен иметь в виду человек, которому дорого возрождение своего рода, а именно: признание важным прогрессом в деле открытия и на-

¹ Godwin, S. 203—204.

² Ib. S. 202—203.

саждения истины, и прогресс в течение каждого часа, и необходимость долгого выжидания, покамест его учение получит законченные формы. При всей его осторожности возможно, что бурная толпа опередит спокойное и тихое движение разума; и тогда он не осудит переворота, который совершится на несколько лет раньше, чем этого требовала разумность. Однако, если он будет действовать с большою осторожностью, он может без сомнения предупредить преждевременную попытку совершить переворот и на значительное время сохранить общее спокойствие»¹.

«Но это не означает, как можно было бы предположить, что изменение существующего строя отдалено от нас на неизмеримое расстояние. Человеческие дела таковы, что крупные перевороты наступают внезапно, а великие открытия делаются неожиданно, как будто случайно. Если я развиваю ум молодого человека и стараюсь повлиять на дух старого, то долгое время будет казаться, будто бы я мало сделал, и плоды моей работы обнаружатся тогда, когда я их менее всего ожидаю. Посев добродетели может взойти и тогда, когда уже потеряна всякая надежда»².

«Если истинный друг человечества неутомимо проповедует истину и старается устранять все препятствия к ее торжеству, он со спокойной совестью может ожидать скорого и хорошего исхода»³.

II. Когда все проникнется убеждением, что всеобщее благо требует изменения нашего строя, тогда право, государство и собственность исчезнут сами собой и дадут место новому строю. «Полнейший переворот, в котором существует необходимость, едва ли может быть рассматриваем как действие; он заключается во всеобщем просвещении.

¹ Godwin, S. 204.

² Ib. S. 223.

³ Ib. S. 225.

Люди начинают сознавать свое положение, и их цепи исчезают, как призраки. Когда пробьет решительный час, тогда нам не нужно будет обнажать меча и употреблять какие-либо усилия. Противники будут слишком слабы для того, чтобы противостоять общечеловеческому чувству»¹.

Каким же образом может произойти изменение нашего положения?

1. «Когда во Франции национальный конвент начал свои действия, там было распространено в особенности то мнение, что ему следует лишь выработать проект устройства, который затем должен быть предложен на рассмотрение и утверждение округов, и только после их согласия он получил санкцию закона»².

«Этому мнению соответствует прежде всего требование, чтобы не только конституционные законы, но чтобы вообще все законы предварительно обсуждались округами. Но для того чтобы согласие округов не было только фиктивным, а действительным согласием, округам должна быть предоставлена неограниченная свобода при обсуждении предлагаемых законов. Понятно, что при таких условиях установление законов дело не кратковременное, так как некоторые округа могут не согласиться с какой-либо одной статьей закона; если ради них эта статья будет изменена, то может случиться, что закон именно благодаря этому станет менее удобным для других округов»³.

«Таким образом, основной принцип соглашения округов хотя и благодетелен, но ведет лишь постепенно к уничтожению всякого правительства»⁴. В самом деле, «желательно, чтобы важнейшие решения народных представительств были отданы на одобрение или неодобрение выборных

¹ Godwin, S. 222—223.

² *Ib.* S. 657—658.

³ *Ib.* S. 658—659.

⁴ *Ib.* S. 659—660.

округов, и именно на том же самом основании, на котором и решения округов одновременно должны быть обязательны только для тех отдельных лиц, которые согласились с этими решениями»¹.

2. Эта система имела бы, во-первых, то следствие, что законодательство имело бы очень краткую форму. Скоро обнаружилось бы, что для обширного свода законов нельзя получить согласие большого числа округов; поэтому все законодательство состояло бы из одного устава, относительно разделения страны на округа с одинаковым населением, и из другого устава, относительно выборных периодов в национальное собрание; последний устав мог бы, впрочем, быть свободно отставлен².

Вторым следствием такой системы было бы то, что вскоре было бы признано ненужным посылать на рассмотрение округов те законы, которые не имеют значения для всех, и что во многих случаях было бы, таким образом, предоставлено самим округам издавать для себя законы. «Таким образом, то, что раньше составляло одно государство с единым законодательством, превратится сразу в союз небольших общин, которые в экстренных случаях могут соединяться на конгрессе или амфикионном совете»³.

Третье следствие состояло бы в постепенном уничтожении законодательства. «Многочисленное собрание, представители которого созываются из различных мест обширной области и которое фигурирует как единственная законодательная сила для всей этой области, создает себе тотчас же преувеличенное представление о количестве необходимых законов. Большой город под влиянием торгового соревнования недолго задумывается над тем, чтобы издать постановления и раздать привилегии. Жители же маленькой

¹ Godwin, S. 660.

² *Ib.* S. 660—661.

³ *Ib.* S. 661—662.

общины, которые живут до некоторой степени просто и естественно, дойдут до того, что признают ненужными законы, имеющие общее значение, свои же дела будут решать в зависимости от каждого отдельного случая, а не согласно раз навсегда установленным принципам»¹.

Четвертое следствие заключалось бы в содействии уничтожению собственности. «Всякое уравнение в чине и положении в значительной степени содействует имущественному равенству»². «Поэтому не только низшие, но и высшие слои общества увидали бы всю несправедливость существующего распределения собственности»³. «Богатые и сильные не недоступны идее всеобщего блага, если только она представлена им со всей точностью и очаровательностью»⁴. Как бы много они ни думали о своих деньгах и удовольствиях, все же возможно сделать им понятным то, что они напрасно будут противодействовать истине, что опасно для них навлекать на себя гнев народа и что для них самое лучшее пойти по крайней мере на уступки»⁵.

¹ Godwin, S. 662.

² *Ib.* S. 888.

³ *Ib.* S. 888—889.

⁴ *Ib.* S. 882—883.

⁵ *Ib.* S. 883—884.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

Учение Прудона

1. Общие замечания

1. Пьер Жозеф Прудон родился в 1809 году, в Безансоне. Сначала он был там и в других городах типографщиком. Стипендия, выданная ему безансонской академией в 1838 году, дала ему возможность отправиться в Париж для научных занятий. В 1843 году он взял торговое место в Лионе. В 1847 году оставил его и переехал в Париж.

С 1848 по 1850 год Прудон издавал в Париже различные газеты. В 1848 году он был членом Национального собрания. В 1849 году основал народный банк. Немного спустя после этого он был присужден за нарушение законов печати к трехлетнему заключению, которое и отбыл в Париже, не оставляя своей литературной деятельности.

В 1852 году Прудон был выпущен из заключения. Он остался в Париже, пока в 1858 году не был осужден за такое же преступление снова на три года тюремного заключения. Он бежал и нашел убежище в Брюсселе. В 1860 году был помилован и опять возвратился во Францию. С этого времени Прудон жил в Пасси, где и умер в 1865 году.

Прудон напечатал много трудов в области философии права, экономики и политики.

2. Для учения Прудона о праве, государстве и собственности первостепенное значение имеет его книга «*Qu'est ce que la propriété ou recherches sur le principe du droit et du gouvernement*» (1840), а также двухтомное сочинение его «*Système des contradictions économiques, ou philosophie de la misère*» (1846); из книг периода 1848—1851 важны: «*Confessions d'un révolutionnaire*» (1849) и «*L'idée générale de la révolution au XIX-e siècle*» (1851); наконец, среди сочинений, написанных после 1861 года, трехтомный труд «*De la justice dans la révolution et dans l'Eglise, nouveaux principes de philosophie pratique*» (1858) и сочинение «*Du principe fédératif et de la nécessité de reconstituer le parti de la révolution*» (1863)¹.

Учение Прудона о праве, государстве и собственности претерпело впоследствии во второстепенных пунктах изменения, в главных же основаниях оно осталось верным себе; мнение, что оно было изменено и в своих главных пунктах, вытекает из произвольного и неустойчивого словоупотребления Прудона. Так как здесь не может быть изложена история развития учения Прудона, то по отношению к этим второстепенным пунктам мы ограничиваемся его учениями с 1848 до 1851 года, в которых он особенно явственно развил свои взгляды и особенно сильно за них боролся.

3. Прудон называет свое учение о праве, государстве и собственности анархизмом. «Какой форме правления мы должны отдать преимущество? — Разве об этом может быть вопрос? — ответит мне один из моих молодых читателей. — Вы республиканец! — Республиканец, конечно, но это слово слишком неопределенно. *Res publica* означает общее дело; потому и тот, кто, независимо от формы правления, защищает общее дело, может назвать себя республиканцем. Ведь и короли также республиканцы. — Так вы, конечно, демо-

¹ А не 1852 год, как указывают Diehl 2 т., S. 116 и Zenker, S. 61.

крат? — Нет. — Как, неужели вы монархист? — Нет. — Либерал? — Боже сохрани. — Ну, так аристократ? — Ни в каком случае. — Вы хотите смешанного правления? — Еще менее. — Но в таком случае, что же вы, собственно, такое? — Я анархист»¹.

2. Основные положения

Согласно Прудону, самым высшим для нас законом является справедливость.

Что такое справедливость? «Справедливость — это непосредственно ощущаемое и взаимно охраняемое уважение к человеческому достоинству, где бы и у кого бы оно ни подвергалось опасности и чего бы нам ни стоила его защита»².

«Я должен относиться к моему ближнему с таким же почтением, как к самому себе, и по мере возможности добиваться этого и от других: это повелевает мне моя совесть. Почему я другому обязан оказывать это уважение? За его силу, его дарование и его богатство? Нет, это все внешности, которые я не должен уважать в человеке. Или, может быть, за то уважение, которое он оказывает мне? Нет, справедливость стоит ведь выше этой побудительной причины. Она не ожидает взаимности, но уважает человеческое достоинство даже в неприятеле; и благодаря этому существует военное право; даже в убийце, которого мы убиваем, потому что он не представляется нам больше человеком; и отсюда вытекает уголовное право. Я уважаю в ближнем не то, чем его наделила природа или чем украсило счастье: ни его быка, ни осла, ни его рабу, как сказано в десяти заповедях; а также и не то добро, которое я ожидаю от него в возмездие; я уважаю его человеческое свойство»³.

¹ Proudhon. *Qu'est ce que la propriété?* S. 295.

² Proudhon. *De la justice* I, S. 182—183.

³ *Ib.* I, S. 184—185.

«Справедливость — это действительность и в то же время идея»¹. «Справедливость — это сила нашей души, а именно, самая высокая из всех, та сила, благодаря которой мы становимся социальными существами. Но она не только сила, она в то же время идея, отношение, уравнение. Как сила, она способна к развитию, а в ее развитии заключается воспитание человечества; как уравнение она не содержит в себе ничего изменчивого, произвольного или противоречивого; она безусловна и неизменна, как и всякий закон, и, как всякий закон, она доступна всеобщему пониманию»².

Справедливость для нас высший закон: «Справедливость есть неприкосновенный масштаб всех человеческих поступков»³. «Благодаря ей могут быть определены и регулируются неопределенные по своей природе и противоречивые факты общественной жизни»⁴.

«Справедливость — это главенствующая звезда, которая находится в центре всякого общества; полюс, вокруг которого вращается политический мир; фундамент и руководящая нить всех общественных дел. Все в среде людей совершается во имя права, и ничего — без призыва к справедливости»⁵. Справедливость не является созданием закона; напротив того, закон есть всего только распространение и применение справедливости. «Положим, что в обществе, хотя бы незначительно, выше закона справедливости поставлен другой закон, например религиозный, или, что некоторым членам общества оказывается, тоже в самой малой степени, предпочтение перед другими, — тогда общество, вследствие нарушения справедливости, неизбежно должно рано или поздно погибнуть»⁶.

¹ De la justice I, S. 73.

² Ib. S. 185.

³ Ib. S. 198.

⁴ Ib. S. 185.

⁵ Qu'est ce que la propriété? S. 18—19.

⁶ De la justice I, S. 195.

«Свойством справедливости является то, что она внушает непоколебимую веру, и что теория не может ее ни отрицать, ни отвергать. Все народы призывают к ней; государственная мудрость опирается на нее даже тогда, когда действует против нее; религия существует только благодаря ей; скептицизм исчезает перед ней; ирония обязана ей своей силой; преступление и лицемерие покоряются ей. Если свобода не пустословие, она действует и проявляется только в пользу права; даже когда она возмущается против права, она, в сущности, не отрицает его»¹. «Все то, что наша мудрость знает о справедливости, заключается в знаменитом изречении: «Делай ближнему своему то, чего желаешь себе, и не делай другому того, чего не желаешь себе»².

3. Право

I. Во имя справедливости Прудон отрицает не право, а почти что все отдельные правовые нормы, и именно, государственные законы.

Государство устанавливает законы, «и именно столько законов, сколько оно встречает общественных интересов. Но, так как таких интересов бесчисленное множество, то законодательная машина должна безостановочно работать. Градом сыплются законы и приказы на бедный народ. Политическая почва скоро будет вся покрыта бумажным покровом, который геологи должны будут назвать в истории земли периодом бумажной формации. Конвент в продолжении трех лет одного месяца и четырех дней издал одиннадцать тысяч шестьсот законов и приказов; конституционное и законодательное собрания издали не меньшее их количество. Империя и последующие правительства продолжали действовать в таком же направлении. В настоящее

¹ De la justice I, S. 45.

² Qu'est ce que la propriété? S. 18.

время свод законов должен содержать более пятидесяти тысяч законов; если бы наши народные представители исполняли вполне добросовестно свои обязанности, то законов стало бы скоро вдвое больше. Мыслимо ли, чтобы народ или даже само правительство было в состоянии разобраться в этом лабиринте?»¹

«Что должны представлять собой законы для того, кто самостоятельно мыслит и один только ответствен за себя! Для того, кто хочет быть свободным и чувствует себя способным к этому! Я готов заниматься обсуждением, но не хочу иметь законов; никаких законов я не признаю. Я ограждаю себя от всякого распоряжения, изданного относительно меня мнимо необходимым начальством. Законы! Мы знаем, что они такое и насколько они пригодны. Это паутинные ткани для сильных и правящих, неразрывные цепи для бедных и низших; это — рыболовные сети в руках правительства»².

«Надобность существует в немногих, но простых и хороших законах. Но как это возможно? Разве не должно правительство считаться со всеми интересами и решать все споры? Но интересы сообразно сущности общества бесчисленны; отношения постоянно меняются, и их разнообразие не имеет конца. Как тут можно обойтись немногими законами? Как это они могут быть несложными? Каким образом можно предупредить, чтобы самый лучший из них не сделался бы тотчас же отвратительным?»³

II. Справедливость требует того, чтобы только одна правовая норма имела значение, именно та правовая норма, согласно которой договоры должны быть исполняемы.

Что такое договор? «Договор, — говорит Code civil в статье 1101, — есть такое соглашение, в силу которого одно

¹ *Idée générale*, S. 147—148.

² *Ib.* S. 149—150.

³ *Ib.* S. 149—150.

или многие лица обязываются одному или многим лицам сделать нечто или не делать ничего»¹. «Для того чтобы я был свободным, следовал только своему собственному закону и лишь себе самому давал предписания, здание общества должно быть построено на идее договора»²; «идея же договора должна быть для нас основной идеей всякой политики»³. «Норма, состоящая в том, что договоры должны быть выполняемы, должна быть основана не только на своей собственной справедливости, но также и на том, что среди совместно живущих людей существует стремление в нужных случаях принудить силой к исполнению договоров»⁴. Она должна быть, таким образом, не только требованием нравственности, но также и правовой нормой.

«Многие подобные тебе люди согласились между собой охранять свои права и быть преданными друг другу, т.е. соблюдать в своих отношениях те правила, которые одни только, по самой природе вещей, в состоянии в широких размерах принести им счастье, безопасность и мир. Хочешь вступить в их договор? Хочешь принять участие в их обществе? Обещаешь ли ты уважать честь, свободу и имущество твоих собратьев? Обещаешь ли никогда не присваивать себе посредством насилия, обмана, ростовщичества и биржевой игры продукты и собственность другого? Обещаешь ли никогда не лгать и не обманывать, ни перед судом, ни в каких торговых сношениях? Ты можешь сказать да или нет.

Если скажешь нет, то ты дикарь. Ты отказался от общества людей и подозрителен. Ничто не защищает тебя. При малейшем оскорблении может тебя умертвить первый встречный, которого можно будет упрекнуть только в ненужной жестокости против дикого зверя.

¹ Idée générale, S. 235.

² Du principe fédératif, S. 64.

³ Idée générale, S. 235.

⁴ Du principe fédératif, S. 64.

Если же ты присягаешь этому договору, то ты принадлежишь обществу свободных людей. Вместе с тобой обязательство принимают все твои братья и обещают тебе верность, дружбу, помощь, готовность к услугам и общение. В случае нарушения договора с их или с твоей стороны, будь это вследствие беспечности, страсти или злого умысла, вы ответственны друг перед другом как за причиненный вред, так и за доставленную досаду и вызванную опасность; и эта ответственность может, смотря по степени и многократности нарушения договора, повести даже к исключению из общества и смертной казни»¹.

4. Государство

I. Так как Прудон одобряет единственно только ту правовую норму, согласно которой все договоры должны быть исполняемы, он может признать также только одно правовое отношение, а именно правовое отношение сторон, заключающих договор. Он должен поэтому неизбежно отрицать государство, ибо оно существует в силу особенных правовых норм и, как принудительное правовое отношение, связывает и тех, которые никоим образом не обязались договорами. Таким образом, Прудон отрицает государство безусловно, без всякого ограничения пространством или временем; он считает его даже таким правовым отношением, которое в особенности противоречит справедливости.

«Управление людьми посредством людей есть рабство»². «Кто налагает на меня руку свою, чтобы повелевать мною, тот узурпатор и тиран: я считаю его своим врагом»³. «Во всяком обществе насилие людей над людьми находится в обратном отношении к духовному развитию этого обще-

¹ *Idée générale*, S. 342—343.

² *Confessions*, S. 8.

³ *Ib.* S. 6.

ства, и вероятная продолжительность этого насилия может быть вычислена на основании более или менее общего стремления к истинному, т.е. научному устройству»¹.

«Никакая монархия не законна. Она не может получить законности ни путем наследования, ни путем выбора, ни благодаря праву общей подачи голосов, ни благодаря превосходству правителя, ни в силу религиозной и традиционной святости. Всякое господство людей над людьми, в форме ли монархической, олигархической или демократической, представляет собой всегда автократию и в равной степени несправедливо и бессмысленно»². Особенно нужно принять к сведению то, что и «демократическая форма есть не что иное, как конституционный произвол, который следует за другим конституционным произволом; она не имеет никакого научного значения и может быть рассматриваема только как переходная ступень к единой, нераздельной республике»³.

«Едва успел авторитет появиться на земле, как весь мир начал добиваться его. Авторитет, правительство, насилие, государство — все эти слова обозначают одно и то же — служили всякому средством для угнетения и эксплуатации своего ближнего. Авторитет был единственной целью, к которой был обращен взор любителей абсолютизма, а также доктринеров, демагогов и социалистов»⁴. «Все партии без исключения, как скоро они начинают стремиться к власти, делаются только различными формами абсолютизма, и до тех пор не будет свободы для гражданина, порядка в обществе, единодушия среди рабочих, пока в нашем политическом катехизисе отказ от авторитета не заступит место веры в авторитет. Никаких партий, никаких автори-

¹ Qu'est ce que la propriété? S. 301.

² Ib. S. 298—299.

³ Solution du problème social, S. 54.

⁴ Confessions, S. 7.

тетов, только безусловная свобода людей и граждан: эти три слова содержат все мое политическое и социальное вероисповедание»¹.

II. Справедливость требует вместо государства дружественного общежития людей на основании правовой нормы, согласно которой все договоры должны быть исполнены. Эту совместную жизнь Прудон называет «анархией»², а позднее «федерацией»^{3, 4}.

1. После уничтожения государства тоже должна существовать социальная жизнь людей. Уже в 1848 году Прудон говорил, что следует «установить систему совершенного равенства, в которой все современные учреждения за исключением собственности, т.е. злоупотребления ею, не только найдут свое место, но сами станут орудием равенства; именно свобода отдельного человека, разделение власти, государственная прокуратура, суд присяжных, разделение судебной и административной власти»⁵.

Но людей должна связывать в общество не какая-нибудь высшая власть, а единственно налагающая правовые обязательства сила договора. «Если я с одним или с несколькими своими согражданами веду переговоры насчет какого-нибудь предмета, то ясно, что для меня моя воля закон; когда я исполняю принятую на себя обязанность, я сам для себя правительство. Если бы я мог, следовательно, заключить со всеми такой договор, какой я заключаю с некоторыми, если бы все они могли бы обязать себя друг перед

¹ Confessions, S. 7.

² Qu'est ce que la propriété, S. 301; Confessions, S. 68, Solution du problème sociale, S. 119.

³ Du principe fédératif, S. 67.

⁴ Неверно, что учением Прудона до 1852 года был анархизм, а начиная от этого года федерализм, как это утверждают: Diehl 2, S. 116; 3, S. 166—167; Zenker, S. 61; его анархизм с самого начала был федерализмом, но он назвал его федерализмом только позднее.

⁵ Qu'est ce que la propriété? S. XIX—XX.

другом таким же образом, если бы образовались благодаря этим договорам группы граждан, общины, округа, провинции, которые имели бы силу юридического лица и, в свою очередь, соединились бы между собой на тех же основаниях, то это было бы то же самое, как если бы моя воля получила бесконечное повторение. Установленный таким образом закон, независимо от того, относительно какого предмета и по чьему предложению он был издан, будет всегда только моим законом; и если этот порядок вещей назывался бы правительством, то это было бы мое правительство. Как только договор вообще стал бы на место закона, мы имели бы истинное правительство людей и граждан, истинное народное главенство, республику»¹.

«В республике каждое мнение и каждая деятельность свободны; и именно благодаря разнообразию мнений и деятельностей народ мыслит и действует, как отдельный человек. В республике каждый гражданин делает только то, что он хочет, и подобно тому, как он принимает участие в производстве и обращении товаров, он участвует и в законодательстве и управлении. В ней каждый гражданин — король, ибо он имеет полную власть: он господствует и управляет. Республика — это позитивная анархия. В ней порядок не является господином свободы, как в конституционной монархии, ни тюрьмой для свободы, как при временном правительстве. В ней со свободы сняты все оковы, суеверия, предрассудки, ложные умозаключения, всякое воровство и насилие; свобода взаимна и безгранична; свобода не дочь, но мать порядка»².

2. Анархия нам может легко представиться «высшей степенью беспорядка и выражением хаоса. Рассказывают, что в Париже в семнадцатом столетии один гражданин, услышав, что в Венеции нет короля, не мог оправиться от

¹ *Idée générale*, S. 235—235.

² *Solution da problème sociale*, S. 119.

своего удивления и чуть не умер со смеха. Наш предрассудок принадлежит сюда же»¹. В противоположность этому Прудон рисует картину того, как при анархии может развиваться социальная жизнь людей в ее частных проявлениях для того, чтобы удовлетворять всем тем задачам, которые исполняются теперь государством.

Он начинает свое описание примером: «Церковная власть была, согласно преданию, много столетий отделена от светской власти. Никогда, однако, не было полного разделения, и централизация поэтому, к великому вреду церковной власти, а также и верующих, никогда не была вполне достаточной. Полное разделение было бы тогда, если бы светская власть не заботилась об обедне, о таинствах, об управлении церковными приходами и назначении епископов. Затем, централизация была бы больше и вследствие этого правление более упорядоченным, если бы народ во всяком приходе имел право сам избирать священника или вообще оставлять это место незанятым, если бы священники во всякой епархии сами себе выбирали епископа и если бы только собрание епископов выносило решения относительно духовных дел, относительно теологического обучения и церковной службы. Это разделение власти имело бы своим последствием то, что духовенство перестало бы быть в руках государства орудием тирании против народа. Введением же всеобщей подачи голосов церковное управление было бы внутри себя централизовано под влиянием народа, а не правительства или папы, и находилось бы в продолжительном согласии с потребностями общества, нравственным и духовным состоянием граждан. Если желательно, таким образом, возвращение к органической, экономической и социальной истине, то необходимо прежде всего устранить преумножение конституционной власти, отняв

¹ Qu'est ce que la propriété? S. 301—302.

от государства право назначения епископов и отделивши раз навсегда церковную власть от светской. Во-вторых, необходимо централизовать церковь посредством системы постепенных выборов. В-третьих, в основание церковной власти, также и всех других государственных властей нужно положить всеобщее избирательное право. При такой системе то, что теперь называется правительством, представляло бы собой только правление. Вся Франция централизована в делах церкви. В силу своего избирательного права вся страна как в церковных, так и в светских делах управляет собой сама. Ясно, что если бы все дела страны могли быть таким образом управляемы, то установился бы совершеннейший порядок, сильнейшая централизация, причем не было бы ничего из того, что мы теперь называем общественным насилием или правительством»¹.

Свой второй пример Прудон берет из области судебной власти: «Судопроизводство со всеми его многочисленными подразделениями, своими рангами, своей несменяемостью, своим объединением под одним министерством имеет ясно выраженную особенность и необыкновенную склонность к централизации. Но оно совсем не находится в руках граждан, оно находится в полном распоряжении исполнительной власти и подчинено не стране посредством выборов, а правительству, т.е. президенту. Поэтому граждане находятся в таком же отношении к своим «естественным» судьям, как прихожане к своему пастырю; народ тоже наследственно принадлежит чиновникам, партия существует для судьи, а не судья для партии. Нужно только применить общее избирательное право и постепенную избирательную систему в судопроизводстве, как и в церковном управлении, устранить пожизненность должности, которая равносильна уничтожению права выборов, лишить государство вся-

¹ Confessions, S. 65.

кого влияния на судебное сословие, и это само по себе централизованное сословие подчинить народу, и государственная власть будет лишена самого сильного своего средства для тирании, а правосудие будет служить свободе и порядку. И если нежелательно, чтобы народ, от которого при общей подаче голосов должна исходить всякая власть, встал в противоречие сам с собой и в церковных делах желал бы одного, а в мирских другого, то можно быть уверенным в том, что разделение властей не поведет к раздорам и что разделение и равновесие будут в будущем, наоборот, обозначать одно и то же»¹.

Затем Прудон касается войска и пошрины, забот о сельском хозяйстве и торговле, общественных работ, общественного воспитания и финансов, и для всех этих ведомств он требует самостоятельности и централизации на основании общего избирательного права².

Чтобы народ мог обнаружить единство, он должен централизовать религию, правосудие, войска, земледелие, промышленность, торговлю и финансы, одним словом, все силы и все деятельности. Эта централизация должна произойти снизу вверх, с периферии к центру, и всякий род деятельности должен быть независим и иметь самостоятельное управление.

«Следует только объединить все эти ведомства в их представительствах; таким образом создается совет министров и этим самым исполнительная власть, помимо которой не нужен уже более никакой государственный совет.

«Над всем этим учреждается высшее судилище, законодательная власть или национальное собрание, которое непосредственно назначается страной и на котором не лежит обязанности назначать министров — это делает сама страна, — а проверять отчеты, издавать законы, определять

¹ Confessions, S. 65—66.

² Ib. S. 66—68.

бюджет и улаживать споры различных ведомств; все это оно делает, выслушав предварительно государственное министерство или министра внутренних дел, под ведомством которого находится в таком случае все управление. Таким образом, получается централизация, которая тем сильнее, чем больше у нее пунктов сосредоточия; так устанавливается ответственность, которая получает тем большее значение, чем строже разграничены власти друг от друга, и создается одновременно политический и социальный строй»¹.

5. Собственность

I. Так как Прудон признает единственно ту правовую норму, согласно которой договоры должны быть выполняемы, он может признать только одно правовое отношение, а именно правовое отношение между сторонами, заключающими договор. Поэтому он, подобно государству, должен отвергнуть также и собственность, которая существует благодаря особым правовым нормам, и, будучи несвободным правовым отношением, обязывает также и тех, которые совсем не обязали себя договором.

Он отвергает собственность совершенно, без всякого ограничения пространством или временем; даже более, она кажется ему таким правовым отношением, которое особенно противоречит справедливости.

По его мнению, «собственность есть право пользования и злоупотребления, т.е. безусловное и безответственное господство человека над самим собой и над своим имуществом. Если б собственность перестала быть правом злоупотребления, она перестала бы быть собственностью. Разве собственник не имеет права дарить свое богатство кому угодно, спокойно смотреть на пожар своего соседа, противиться общественному благу, промотать свое состояние,

¹ Confessions, S. 68.

эксплуатировать и грабить рабочих, ставить плохой товар и нечестно его продавать? Разве судья может принудить его с пользой употреблять свое богатство и препятствовать ему злоупотреблять им? Разве не благодаря своему злоупотреблению вообще собственность представляет для законодателя содержание всякой святости? Можно разве представить себе вообще собственность, пользование которой регулировалось бы полицейскими действиями, а злоупотребление ею полицейскими действиями же запрещалось бы? Не ясно ли, как божий день, что введение справедливости в собственность было бы разрушением собственности, точно так же, как закон, который ввел умеренность в конкубинат, этим самым уничтожил его?»¹

«Воровство производится, во-первых, воров на открытой дороге, во-вторых — в одиночку или шайкой, в-третьих — посредством взлома или проникновения, в-четвертых — посредством захвата, в-пятых — посредством злостного банкротства, в-шестых — посредством подделки частных или общественных бумаг, в-седьмых — посредством подделки монет; воруют, в-восьмых — посредством шулерства, в-девятых — посредством обмана, в-десятых — посредством мошенничества, в-одиннадцатых — во время игры и лотереи; воруют, в-двенадцатых — посредством ростовщичества; воруют, в-тринадцатых, обязывая других платить ренты, проценты, квартирный наем и аренду. В-четырнадцатых, воруют при торговле, когда выгода купца превышает плату за его труд; воруют, в-пятнадцатых, продавая слишком дорого свой товар, принимая синекуру или заставляя выдавать себе очень крупное жалованье»². «При запрещении законом воровства открыто выступают насилие и хитрость; при допускаемом законом воровстве для того, чтобы обирать свои жертвы, они скрываются за накоплен-

¹ Contradictions 2, S. 303—304.

² Qu'est ce que la propriété? S. 285—290.

ным богатством. Непосредственное применение насилия и хитрости было единогласно отвергнуто уже в старые времена, но ни один народ не дошел еще до того, чтобы освободиться от воровства, связанного с талантом, работой и обладанием»¹. В этом смысле собственность есть «воровство»², «эксплуатация слабых сильными»³, «противозаконие»⁴, «общественное самоубийство»⁵.

II. Справедливость требует вместо собственности такого распределения богатства, которое основано на той правовой норме, согласно которой договоры должны быть исполняемы.

Прудон называет собственностью ту частицу богатства, которая достается каждому по договору. В 1840 году он требовал замены собственности индивидуальным владением, чем должно быть на свете уничтожено зло⁶. Но уже в 1841 году он объясняет, что под собственностью он понимает единственно лишь злоупотребление ею⁷; он тогда же указывает на необходимость создания общественной системы, где найдут свое место право на торговлю и обмен, право наследования родственниками, право первородства, право завещания⁸. В 1846 году он говорит: «В один прекрасный день преобразованная собственность станет положительной, совершенной, социальной и истинной идеей; новая собственность заступит место старой и будет одинаково для всех действительна и благодетельна»⁹. В 1848 году он объясняет: «Собственность никогда не может исчезнуть, поскольку

¹ Qu'est ce que la propriété? S. 293.

² Ib. S. 1—2.

³ Ib. S. 283.

⁴ Ib. S. 311.

⁵ Ib. S. 311.

⁶ Ib. S. 311.

⁷ Ib. S. XVIII—XIX.

⁸ Ib. S. XIX—XX.

⁹ Contradictions 2, S. 234—238.

человеческая личность образует ее основание и содержание. Как постоянное побуждение к работе, как противник, без которого работа ослабела бы и исчезла, собственность должна жить в сердце человека»¹. А в 1858 году он говорит: «То, чего я хотел еще в 1840 году, определяя понятие собственности, и чего я хочу еще и теперь, есть не разрушение собственности — мне уже надоело повторять это, да это, кроме того, означало бы, что вместе с Руссо, Платоном, также Луи Бланом и всеми другими противниками собственности я впадаю в коммунизм, от которого я себя охраняю со всею строгостью; то, чего я требую по отношению к собственности — есть равновесие»², т.е. «справедливость»³.

Во всех этих выражениях собственность означает не что иное, как частицу богатства, доставшуюся каждому человеку на основании договоров, на которых должно быть построено все общество⁴. Собственность, которую Прудон признает, не может быть каким-нибудь особенным правовым отношением, а только возможным содержанием единственного им допускаемого правового отношения, а именно отношения договора.

Если Прудон требует во имя справедливости известного распределения собственности, то это обозначает не что иное, как то, что договоры, на которых должно быть построено общество, в известной степени должны определять собою распределение богатств известным образом, а именно так, чтобы каждый человек имел полный доход от своей работы.

1. «Мы можем себе представить мир богатств как одну массу, связанную надолго химической силой, к которой беспрестанно примыкают новые элементы, соединенные между собой весьма разнообразно, но согласно известному

¹ Le droit au travail et le droit de propriété? S. 50.

² De la justice I, S. 302—303.

³ Ib. S. 303.

⁴ Idée générale, S. 235; Du principe fédératif, S. 64.

закону. Ценность — это то отношение (мера), согласно которому каждый из этих элементов образует часть целого»¹. «Таким образом, я предполагаю такую силу, которая связывает между собой элементы мира богатств в определенные отношения и образует из них единое целое»². «Эта сила — труд. Труд и только труд производит все элементы мира богатств и законообразно связывает его молекулы включительно до самой последней в переменчивое, но определенное отношение»³. «Каждый продукт выражает собой затраченную на него работу»⁴.

«Каждый продукт может быть обменен только на другой продукт»⁵. «Если портной может получить за свой рабочий день десять ткацких рабочих дней, то это все равно, что если бы ткач десять дней своей жизни отдал бы за один день жизни портного. Это такой же случай, как и тогда, когда крестьянин платит нотариусу двенадцать франков за один акт, который он написал в один час. Это неравенство, эта несправедливость в торговле и обмене есть виднейшая причина нищеты. Всякое нарушение справедливости при обмене означает, что рабочий принесен в жертву, что кровь одного человека перелита в тело другого»⁶. «Я требую по отношению к собственности равновесия. Недаром дух народов снабдил справедливость этим оружием точности. Справедливость в ее применении к народному хозяйству в действительности не что иное, как вечное равновесие. Или, выражаясь точнее, справедливость при разделении богатств есть не что иное, как обязанность каждого гражданина и каждого общества в своих деловых отношениях всегда соотнобразяться с законом равновесия, которое обнаруживается повсюду в экономической жизни и из нарушения которого,

¹ Contradictions I, S. 51.

² *Ib.* S. 53.

³ *Ib.* S. 55.

⁴ *Ib.* S. 68.

⁵ *Ib.* S. 68.

⁶ *Ib.* S. 83.

будь оно случайное или умышленное, вытекает нишета»¹.

2. Каждый человек должен пользоваться доходом со своей работы, согласно Прудону, только при установлении взаимности; поэтому Прудон называет свое учение «теорией мутуальности (mutualité)². «Взаимность находит свое выражение в следующем предписании: делай ближнему то, чего желаешь себе; народная экономика дала этому правилу свою известную формулу: продукты обмениваются на продукты. Все зло, которое нас губит, происходит от того, что закон взаимности забыт и нарушен. Целительное средство может дать только провозглашение этого закона. Организация наших взаимных отношений — вот в чем состоит вся тайна социальной науки»³.

В своем пламенном заявлении, которое Прудон предпосылает общественному договору о народном банке при его обнародовании, он говорит: «Я утверждаю, что в моей критике собственности или скорее совокупности учреждений, ядро которых составляет собственность, я никогда не имел намерения затрагивать приобретенные права, или оспаривать какое-нибудь право на владение, или требовать произвольного разделения богатств, или противодействовать свободному и правильному приобретению собственности посредством купли и обмена; я также никогда не желал того, чтобы государство запретило или уничтожило ипотеки или процент с капитала. Я держусь того мнения, что эти проявления человеческой деятельности должны быть предоставлены свободному желанию каждого; они вовсе не должны быть изменены, приостановлены или подавлены при помощи таких средств, которые не вытекали бы сами по себе и с необходимостью из общего применения установленного мною синтетического закона взаимности. В этом мое по-

¹ De la justice 1, S. 302—303.

² Contradictions 2, S. 528.

³ Organisation du credit et de la circulation, S. 5.

следнее желание; только тот, кто способен лгать пред лицом смерти, может сомневаться в моей искренности»¹.

6. Осуществление

Требуемая справедливостью перемена должна совершиться так, чтобы люди, которые познали истину, убедили бы других в том, что эта перемена необходима ради справедливости и чтобы таким путем само собой преобразовалось право, исчезли государство и собственность и наступил новый строй. Новый строй наступит, «как только эта идея начнет распространяться»²; для того, чтобы он наступил, мы должны «распространять эту идею»³.

I. Необходимо только убеждать людей в том, что справедливость требует перемены.

1. Прудон считает всякий другой путь негодным. Его учение находится «в согласии со строем и законами»⁴. «Нас призывают сначала к революции, просвещение же придет само собой. Но ведь революция есть не что иное, как просвещение умов!»⁵ «Золотокопатели, которые недавно очутились в Калифорнии, находились, быть может, в печальном положении, будучи вынуждены кровопролитием добыть себе права; нас же пусть счастье Франции хранит от этого!»⁶ «Несмотря на насилия, свидетелями которых мы бываем, я не верю, чтобы в один прекрасный день свобода для достижения своих прав и ради мести за причиненное оскорбление должна будет употребить насилие. Разум ока-

¹ Banque de peuple, S. 3—4.

² De la justice I, S. 515.

³ Ib. S. 515.

⁴ Confessions, S. 71.

⁵ De la justice I, S. 515.

⁶ Ib. S. 466.

жет нам лучшие услуги; терпение, равно как и революция, непреодолимы»¹.

2. Как же нам убедить людей, «как сделать распространенной идею, раз буржуазия борется с нами, раз вследствие рабства оглупевший народ со своими предрассудками и злыми намерениями остается равнодушным, когда кафедра, академия и пресса клеветают на нас, суды свирепствуют против нас, правительство связывает нам язык? Мы можем быть спокойны. Подобно тому, как вследствие недостатка в идеях не удаются самые лучшие предприятия, так, с другой стороны, борьба против идей только способствует скорейшему росту революции. Кто не видит того, что состояние опекунов, неравенства, привилегированности, государственной мудрости и вечного блаженства сделалось для господствующих классов, совесть и разум которых оно мучает, еще более несносным, чем для черни, которая терпит от этого голод?»²

3. Самое лучшее средство для того, чтобы убедить людей, согласно Прудону, заключается в том, чтобы показать народу в государстве, не нарушая его прав, «пример свободной, независимой и всесторонней централизации» и тогда же дать применение основным принципам будущего общественного устройства³. «Это кладет начало общественной деятельности, без которой народ всегда томится в бедности и бесплодно мучается, и учит его без правительственной помощи создать себе благосостояние и порядок»⁴.

Дать такой пример Прудон думал основанием народного банка⁵.

¹ De la justice I, S. 470—471.

² Ib. S. 515.

³ Confessions, S. 69.

⁴ Ib. S. 72.

⁵ Ib. S. 69.

Народный банк должен был организовать производителей одновременно, как начальный и конечный пункт производства, как капиталистов и как потребителей, и этим самым обеспечить для всех труд и благосостояние¹.

«Народный банк должен быть собственностью всех граждан, которые пользовались бы его услугами, которые внесли бы, может быть, в него деньги, — полагая, что он нуждается на некоторое время в основном капитале, — и, во всяком случае, обязались бы преимущественно в этом банке учитывать векселя и брать в уплату его чеки. Таким образом, народный банк должен работать в пользу своих собственных участников и не брать процентов ни за ссуду, ни за дисконтировку векселей. Он должен взимать небольшое возмездие для покрытия расходов и на жалование служащим. Кредит должен быть беспроцентный; раз этот основной закон был бы осуществлен, отсюда вытекли бы бесчисленные результаты»².

«Таким образом, народный банк был бы примером самостоятельного проявления народа; он показал бы, что правление и хозяйство синтетически соединены в руках народа, и стал бы, таким образом, для пролетариата одновременно путеводной звездой и орудием освобождения. Он создал бы политическую и экономическую свободу. И так как всякая философия и всякая религия есть метафизическое или символическое выражение народного хозяйства, то и народный банк произвел бы посредством изменения материального фундамента общества философскую и религиозную революцию: так по крайней мере представляли его себе его основатели»³.

Все это делается ясным при изложении некоторых статуты из общественного договора о народном банке.

¹ Confession, S. 69.

² Ib. S. 69—70.

³ Ib. S. 70.

«Статья 1. Основывается торговое общество под именем Общества народного банка. Членами состоят: присутствующий гражданин Прудон и те лица, которые приобретением акций подчиняются следующим положениям.

Статья 3... Это — командитное общество; ответственный член — гражданин Прудон; другие соучастники — только акционеры, и их ответственность ни в коем случае не превышает стоимости их акций.

Статья 5... Фирма называется: Пьер Жозеф Прудон и Компания.

Статья 6. Кроме членов самого торгового общества, каждый гражданин может вступить в народный банк в качестве сотрудника. Для этой цели он должен подчиниться законам банка и признать его чеки.

Статья 7. Так как народный банк способен к неограниченному распространению, то и его возможная продолжительность также неограниченна. Принимая, однако, во внимание законные постановления, продолжительность этого банка определяется на девяносто девять лет со дня его окончательного учреждения.

Статья 9. Народный банк имеет своим необходимым основанием беспроцентный кредит и беспроцентный обмен, предметом своей деятельности не производство, а обмен ценностей, средством же — единогласие производителей и потребителей. Он может и должен поэтому работать без капитала.

Эта цель будет достигнута, как только все производители и потребители подчинятся уставу общества.

Пока же народный банк должен, принимая во внимание обычаи торговых приемов и законные предписания и с целью наиболее легкого приобретения участников, образовывать капитал.

Статья 10. Капитал банка состоит из пяти миллионов франков и распределен на один миллион акций по пяти франков каждая.

...Общество окончательно образовано и вступает в действие, как только будут подписаны десять тысяч акций.

Статья 12. Выдача акций совершается *al pari*; акции не приносят процентов.

Статья 15. Главнейшие дела народного банка: 1) увеличение капиталов кассы посредством выдачи чеков; 2) учет коммерческих бумаг за двумя подписями; 3) учет комиссий и фактур; 4) выдача под залог; 5) бланковой кредит под поручительство; 6) заем под ренты и ипотеки; 7) платежи и покрытия; 8) коммандитное участие. К этому прибавляются: 9) сберегательный, вспомогательный и пенсионные кассы; 10) страхования; 11) сохранение вкладов; 12) составление баланса.

Статья 18. В то время, как обыкновенные банковские бумаги оплачиваются деньгами, бумаги народного банка являются долгосрочными переводными расписками на общество; всякий член общества или сотрудник должен платить за них по предъявлении продуктами своего производства или ремесла.

Статья 21. Каждый сотрудник обязан всякую свою потребность удовлетворять преимущественно, поскольку она может быть удовлетворена обществом при помощи других сотрудников, и делать поручения тоже исключительно членам и сотрудникам общества.

Наоборот, свой товар он обязан уступать каждому производителю или торговцу, принимающему участие в обществе и другим сотрудникам за умеренную цену.

Статья 62. Народный банк свою главную контору имеет в Париже.

Он стремится постепенно установить в каждой префектуре другую контору, а в каждой общине иметь своего представителя.

Статья 63. Как только все это будет выполнено, произойдет превращение общества в акционерное общество,

причем эта форма делает возможным осуществление в духе основателей, во-первых, выбора должностных лиц, во-вторых, разделения и независимости должностей и в-третьих, личной ответственности каждого из участников»¹.

II. Раз только люди убедились, что справедливость требует переворота, «деспотизм падет сам собой вследствие своей бессодержательности»². Государство и собственность уничтожаются, право преобразовывается, и наступает новый строй.

«Революция не поступает согласно старым аристократическим и династическим основоположениям. Она есть право, баланс сил, равенство. Не ее это дело приобретать страны, поработать народы, защищать границы, строить крепости, содержать войска, пожинать лавры, принимать участие в европейском концерте. Сила ее экономических учреждений, безвозмездность ее кредита, великолепие ее идеи достаточны для того, чтобы мир направить на истинный путь»³. «Революция имеет своими союзниками всех угнетенных и эксплуатируемых; она должна только явиться, а вселенная раскроет ей свои объятия»⁴.

«Я хочу мирной революции. Осуществление моих требований должно предоставить в ваше распоряжение те учреждения, отмены которых я требую, а также и те правовые основоположения, восстановление которых лежит на ваших плечах. Поэтому новое общество должно быть свободным, естественным и необходимым развитием старого, и революция означает не только уничтожение прежнего порядка, но и его усовершенствование»⁵. «Если народ познал свое собственное благо и решил произвести не только реформу

¹ Banque du peuple, S. 5—20.

² Confessions, S. 72.

³ De la justice I, S. 509.

⁴ Ib. S. 510.

⁵ Idée générale, S. 196—197.

правления, но и революцию в обществе¹, то «крушение правления в экономическом организме»² произойдет в такой форме и таким образом, о которых в настоящее время можно высказывать только догадки³.

¹ *Idée générale*, S. 197.

² *Ib.* S. 277.

³ *Ib.* S. 195, 197.

ПЯТАЯ ГЛАВА

Учение Штирнера

1. Общие замечания

1. Иоанн Каспар Шмидт родился в 1806 году в городе Байрейте, в Баварии. С 1826 по 1828 год он учился в Берлине, с 1828 по 1829 год он изучал филологию и теологию в Эрлангене. В 1829 году он прервал свое учение, совершил сначала длинную поездку по Германии и жил после этого попеременно до 1832 года в Кенигсберге и в Кульме. С 1832 до 1834 года он учился опять в Берлине, а в 1835 году он там же сдал экзамен на гимназического учителя; но государственной должности он не получил, а сделался в 1839 году учителем частной женской школы в Берлине. В 1844 году он оставил эту должность, но остался жить в Берлине, где и умер в 1856 году.

Частью под именем Макса Штирнера, частью без подписи Шмидт выпустил небольшое число сочинений, по большей части философского содержания.

2. Учение Штирнера о праве, государстве и собственности изложено в его книге «Der Einzige und sein Eigentum» (1845).

Но тут поднимается вопрос, может ли вообще быть речь об учении Штирнера?

Штирнер не признает никакого долга. «Люди таковы, каковыми они должны и могут быть. Чем они должны быть?»

Конечно, не больше того, чем они могут быть! Чем же они могут быть? Опять-таки не выше того, чем могут быть, т.е. чем это им позволяют их силы»¹. «Человек ни к чему не «призван», не имеет никаких «задач», никакого «определения» так же, как растение или животное. Он не имеет призвания, но он имеет силы, которые обнаруживаются там, где они существуют, так как их существование заключается единственно в их обнаружении, и также мало могут остаться бездеятельными, как сама жизнь, которая, если бы «остановилась» хоть на одну секунду, перестала бы быть жизнью. В таком случае можно было бы сказать человеку: употребляй свою силу. И в этом императиве заключался бы тот смысл, что задача человека состоит в употреблении его силы. Но этого нет на самом деле. Наоборот, в действительности каждый употребляет свою силу, не считая ее своим призванием; каждый употребляет в каждый данный момент столько силы, сколько он ее имеет»².

Штирнер вообще не признает никакой истины: «Истины — это фразы, пустые выражения, слова (λογος); будучи поставлены в связь или приведены в порядок, они образуют логику, науку, философию»³. Поэтому нет ни истины, ни права, ни свободы, ни человечности и т.д., которые могли бы устоять предо мной и которым бы я подчинился»⁴. «Если существует хоть одна истина, которой человек должен посвящать свою жизнь и силы, потому что он человек, он подчинен правилу, господству, закону и т.д., — он раб»⁵. «До тех пор, пока Ты веришь в истину, Ты не веришь в себя и Ты раб, — Ты религиозный человек. Ты один только истина, или еще более, Ты больше истины, которая ничто по сравнению с Тобой»⁶.

¹ Der Einzige, S. 439.

² Ib. S. 435—436.

³ Ib. S. 465.

⁴ Ib. S. 464.

⁵ Ib. S. 466.

⁶ Ib. S. 473.

Если сделать отсюда поверхностное заключение, то следовало бы сказать, что книга Штирнера представляет собой личное признание, изложение мыслей без всякой претензии на всеобщее значение; Штирнер не говорит нам о том, что он считает истинным или что мы, по его мнению, должны делать, но он дает нам возможность наблюдать за игрой его представлений. Но сам Штирнер не делает такого заключения¹, и из-за формы изложения его книги, которая большей частью говорит о штирнеровском «Я», этого не следует предполагать. Он называет того «ослепленным, который хочет быть только «человеком»². Он выступает против «ошибочного сознания, будто я не имею права настолько, сколько мне необходимо»³. Он смеется над верой наших бабушек в привидения⁴. Он говорит: «наказание должно уступить место удовлетворению»⁵; человек «должен защищаться против человека»⁶. И он прибавляет к этому: «над воротами нашего времени стоит не аполлоновское «Познай самого себя», но изречение: «увеличивай свое значение»⁷. Таким образом, Штирнер хочет познакомить нас не только со своим внутренним состоянием во время издания этой книги, но он хочет нам сказать, что он считает истинным и что мы должны делать; его книга не только личная исповедь, но научная теория.

3. Свое учение о праве, государстве и собственности Штирнер не называет анархизмом. Название анархизма он применяет, наоборот, к политическому либерализму, против которого он борется⁸.

¹ Также и его приверженцы, например Макай. Штирнер, S. 164—165.

² *Der Einzige*, S. 322.

³ *Ib.* S. 343.

⁴ *Ib.* S. 45.

⁵ *Ib.* S. 318.

⁶ *Ib.* S. 318.

⁷ *Ib.* S. 420.

⁸ *Ib.* S. 189—190.

2. Основные принципы

Согласно Штирнеру, для каждого из нас самый высший закон — это наше собственное благо.

Что же это такое — собственное благо? «Мы ищем наслаждения жизни!»¹ «С этого момента вопрос не в том, как приобрести жизнь, а в том, как ее употребить, как наслаждаться ею; не в том, как установить в себе свое настоящее «Я», но в том, как развернуться и оживить свой дух»². «Для того чтобы наслаждение жизнью взяло верх над жадной или чаяниями жизни, оно должно преодолеть их в двояком отношении, которое Шиллер выводит в «Ideal und Leben»; оно должно уничтожить духовную и материальную бедность, уничтожить идеал и нужду в повседневном хлебе. Кому приходится тратить свою жизнь для того, чтобы жить, тот не может наслаждаться жизнью; кому сначала надо искать свою жизнь, тот не имеет ее и не может наслаждаться ею: оба бедны»³.

Собственное благо наш высший закон. Штирнер не признает никаких обязанностей⁴. «Какое мне дело до того, по-христиански ли то, о чем я думаю и что я делаю? Человечно ли это, либерально, гуманно или бесчеловечно, нелиберально, негуманно, — разве это меня касается? Если это только дает мне то, чего я хочу, если я этим удовлетворяю себя, тогда можете давать этому какие угодно определения, мне это безразлично»⁵. «Таким образом, мое отношение к миру такое: «я не делаю ничего «для Бога», не делаю ничего «ради человека», но все, что я делаю, это «ради Себя»⁶. «Там, где мир становится мне поперек дороги — а это он

¹ Der Einzige, S. 427.

² Der Binzige, S. 428.

³ Ib. S. 429.

⁴ Ib. S. 258.

⁵ Ib. S. 478.

⁶ Ib. S. 426.

делает повсюду, — я уничтожаю его для того, чтобы утолить голод своего эгоизма. Ты для меня не что иное, как пища, подобно тому как и Ты поедаетшь и потребляешь меня. Мы стоим друг к другу только в одном отношении — отношении пригодности, полезности, прибыли»¹. «Я тоже люблю людей, не только отдельных, но каждого. Но я люблю их с сознанием эгоизма; я люблю их потому, что любовь делает меня счастливым; я люблю потому, что любить естественно для меня, потому что мне это нравится. Я не знаю никакой «заповеди любви»².

3. Право

I. С точки зрения личного блага каждого Штирнер отвергает право без всяких ограничений, пространственных или временных.

Право основывается не на том, что каждый признает, что оно способствует его благу, но на том, что каждый признает его святым. «Кто же может говорить о «праве», если он только не стоит на религиозной точке зрения? Разве право не является религиозным понятием, т.е. чем-то святым?»³ «Когда революция возвела равенство в правовую норму, она проникла в религиозную область, в царство святости, идеала»⁴. «Я должен почитать султанское право в султанстве, народное право в республике, каноническое право в католической общине и т.д. Этим правам я должен подчиниться, должен считать их святыми»⁵. «Закон свят, и кто его нарушает, тот преступник»⁶. «Только по отношению к святому бывают преступники»⁷; «преступление исчезает,

¹ Der Einzige, S. 395.

² Ib. S. 387.

³ Ib. S. 247.

⁴ Ib. S. 248.

⁵ Ib. S. 246.

⁶ Ib. S. 314.

⁷ Ib. S. 268.

когда исчезнет святое»¹. «Наказание имеет значение только по отношению к святому»². «Что делает священник, увещающий преступника? Он ему рисует его великую несправедливость, как он осквернил своим поступком святую государственную собственность (сюда должна быть причислена и жизнь граждан)»³.

Но право также мало священно, как мало оно способствует благу каждого. «Право — призрачное построение»⁴. «Люди не стали господами идеи «права», которую они сами создали: их творение ускользает от их власти»⁵. «Пусть человек заявляет в два раза более претензий на свои права: какое мне дело до его прав и претензий»⁶. Я их не уважаю. «Ты имеешь право на то, что можешь сделать. Все права и все полномочия я произвожу от самого себя. Я имею право на все то, что я могу осилить. Я имею право низвергнуть Зевса, Иегову, Бога и т.д., если только я могу это сделать; если же я этого не могу, то эти боги навсегда останутся правыми и сильными против моего желания»⁷. «Право превращается в ничто, если оно поглощается насилием»⁸. «Но вместе с понятием свой смысл теряет также и слово»⁹. «Народ может быть против богохульников; и тогда издается закон против богохульства. Должен ли я поэтому не богохульствовать? Разве этот закон должен для меня представлять нечто большее, чем приказание»?¹⁰ «Кто имеет силу, тот «стоит над законом»»¹¹. «Земля принадлежит тому, кто может

¹ Der Einzige, S. 317.

² Ib. S. 316, 317.

³ Ib. S. 265—266.

⁴ Ib. S. 276.

⁵ Ib. S. 276.

⁶ Ib. S. 270.

⁷ Ib. S. 326—327.

⁸ Ib. S. 248—249.

⁹ Ib. S. 275.

¹⁰ Ib. S. 275.

¹¹ Ib. S. 256, 259.

взять ее, или тому, кто не позволяет отнять ее у себя. Если он присвоит ее себе, то ему принадлежат не только земля, но и права на нее. Это — эгоистическое право, т.е.: для меня так правильно, поэтому это право»¹.

2) Личное благо требует того, чтобы в будущем вместо права оно само было для всех людей законом.

Каждый из нас представляет собою «единицу»², мировую историю для самого себя³, и если он признает себя «единицей»⁴, то он индивидуален»⁵. «Бог и человечество основали все только на себе самих. И я строю все на своем Я, так как Я точно так же, как Бог, есть отрицание всего остального, Я — это мое все, Я — единица»⁶. «Прочь поэтому всякую вещь, которая не всецело принадлежит мне! Вам думается, что мои вещи должны быть по крайней мере хорошими вещами? Но что же хорошо? Что плохо? Я сам своя вещь, и Я ни хорош и ни плох. И то и другое не имеет для меня смысла. Божественное — это дело Бога, человеческое — дело «человека». Мои вещи ни божеские, ни человеческие, они ни истинны, ни хороши, ни правильны, ни свободны и т.д., они только мои вещи, они не всеобщы, но индивидуальны, как и я индивидуален. Нет ничего выше меня!»⁷

«Какая разница между свободой и индивидуальностью? Я свободен от того, от чего освобожден; собственник того, что я имею в своей власти или над чем я волен»⁸. Моя свобода тогда только совершенна, когда она обращается в мою силу; благодаря этой последней я перестаю быть только свободным человеком и становлюсь собственником»⁹. «Каждый

¹ Der Einzige, S. 220.

² Ib. S. 251.

³ Ib. S. 8.

⁴ Ib. S. 490.

⁵ Ib. S. 491.

⁶ Ib. S. 7.

⁷ Ib. S. 8.

⁸ Ib. S. 207.

⁹ Ib. S. 219.

должен себе сказать: Я для самого себя — все, и делаю все ради самого себя. Когда вам станет ясно, что Бог, заповеди и т.д. вам только вредят, что они вас умаляют и губят, вы наверно отбросите их от себя так же, как некогда христиане прокляли Аполлона, Минерву или языческую мораль»¹. «В образе «Бога» христиане изобразили то, как можно поступать только по своей собственной воле, не спрашивая никого и ни о чем. Он поступает так, «как ему угодно»².

«Власть — это красивая и полезная вещь для многих дел, так как «с одной горстью власти можно сделать больше, чем с полным мешком права». Вы жаждете свободы? Глупцы! Приобретите власть, тогда свобода придет сама по себе. Посмотрите: кто имеет власть, тот «стоит выше законов». По вкусу ли вам этот взгляд, о законопочитатели? Но ведь вы не имеете никакого вкуса!»³.

4. Государство

Одновременно с правом Штирнер должен необходимо и безусловно отрицать и правовое учреждение, которое называется государством. Без права невозможно государство. «Уважение перед законом!» — Этой уловкой держится все государство⁴.

Таким образом, и государство также основывается не на том, что каждый признает его способствующим его благу, но скорее на том, что каждый считает его святым, что «мы находимся в заблуждении, будто бы оно есть личность и как таковая присваивает себе имя «моральной, мистической или государственной личности». Эту львиную шкуру такой личности Я, которое действительно есть Я, должно

¹ Der Einzige, S. 214.

² Ib. S. 212.

³ Ib. S. 220.

⁴ Ib. S. 314.

содрать с этого гордого червя»¹. Для государства справедливо то же самое, что и для семьи. «Для того чтобы семья в ее составе признавалась и поддерживалась каждым из ее членов, кровная связь должна быть так свята для каждого члена, чувство же к ней должно быть преисполненным такого благоговения, почтения к этой связи, что каждый кровный родственник делается для него святым. Подобным же образом для каждого члена государственной общины должна быть свята эта община, и то понятие, которое для государства считается самым высшим, должно быть высшим и для него»². «Требовать» этого государство «не только вправе, но и вынуждено»³.

Но государство не свято. «Деятельность государства — это насилие; но свое насилие оно называет «правом», насилие же отдельного человека — «преступлением»⁴. Если я не делаю того, что хочет государство, «оно выступает против меня со всей силой своей львиной лапы и своих орлиных когтей; ибо оно царь зверей: и лев и орел»⁵. «Если вы и импонируете своему противнику, как сила, то вы не являетесь для него все же благодаря этому священным авторитетом; он должен стать разбойником. Но он не обязан иметь к вам почтения и уважения, хотя бы он и принимал во внимание вашу силу»⁶.

Государство не способствует и благу каждого. «Я смертельный враг государства»⁷. «Общее благо, как таковое, не есть мое благо, но, наоборот, самое крайнее проявление самоотречения. Всеобщее благо может громко торжествовать, в то время как я должен «пресмыкаться»; государство

¹ Der Einzige, S. 295.

² Ib. S. 231—232.

³ Ib. S. 231.

⁴ Ib. S. 259.

⁵ Ib. S. 337.

⁶ Ib. S. 258.

⁷ Ib. S. 339.

может блистать, в то время как я терплю голод»¹. «Каждое государство есть деспот, независимо от того, один ли или много деспотов или, как это полагают часто о республике, все господа, т.е. один властвует над другим»². «Государство, правда, позволяет личностям свободно забавляться, но только они ничего не должны предпринимать серьезно, никогда не должны забывать его. Государство имеет своей целью только ограничение свободы каждого, обуздание его, подчинение чему-нибудь общему; оно держится до тех пор, пока каждый человек еще не стал всем во всех отношениях, и государство поэтому не что иное, как ясно выраженное мое личное ограничение, мое рабство»³.

«Государство никогда не стремится к тому, чтобы сделать возможной свободную деятельность каждого, а всегда способствует только такой деятельности, которая связана с целями государства»⁴. «Государство старается парализовать каждую свободную деятельность посредством своей цензуры, своего контроля, своей полиции и считает это своей обязанностью, ибо этого в действительности требует самосохранение»⁵. «Я не имею права делать все то, что в состоянии сделать, но лишь ту только часть этого, которая мне дозволена государством; я не должен реализовать моих мыслей, извлекать пользу из моей работы, вообще я не должен делать ничего своего»⁶. Пауперизм — это продукт моей бедности, проявление того, что я не могу себя использовать. Поэтому государство и пауперизм одно и то же. Государство не позволяет мне извлечь из себя мою ценность и существует только при моей бесценности. Оно всегда старается извлечь из меня для себя пользу, т.е. экс-

¹ Der Einzige, S. 280.

² Ib. S. 257.

³ Ib. S. 298.

⁴ Ib. S. 298.

⁵ Ib. S. 299.

⁶ Ib. S. 298.

плуатировать меня, воспользоваться мною, хотя бы даже эта эксплуатация заключалась только в том, что я должен заботиться о пролетариате; оно хочет, чтобы я был каким-то орудием и для него»¹.

«Государство не может терпеть того, чтобы человек стоял к другому человеку в непосредственном отношении: оно должно быть между ними посредником, разъединять их собой. Оно отрывает человека от человека для того, чтобы стать в качестве призрака между ними. Те рабочие, которые требуют повышенной платы, признаются преступниками, как только они хотят добиться этого повышения силой. Что же они должны делать? Без принуждения они не добьются его, но в принуждении государство видит самоуправство, исходящее из Я, самоопределение, действительную, свободную реализацию своей собственности, которых оно не может допустить»².

II. Личное благо каждого требует, чтобы общественное сожительство людей, на основании только их собственных предписаний, заменило бы собой государство. Этой форме человеческого общежития Штирнер дает название «ферейна эгоистов»³.

I. Люди должны и после уничтожения государства жить обществом. «Личности будут бороться за достигаемое ими самыми единство, за союз»⁴. Но что же должно связывать людей в общество?

Во всяком случае не обещания. «Если бы вчерашним своим желанием я был связан сегодня и завтра», то «моя воля окаменела бы. Мое создание, т.е. известное волевое проявление, сделалось бы моим повелителем. На том основании, что я вчера был дураком, я на всю жизнь должен был

¹ Der Einzige, S. 336.

² Ib. S. 337—338.

³ Stirner. Der Einzige, S. 235; Wigands Vierteljahrsschrift 3, S. 192.

⁴ Einzige, S. 258.

бы им остаться»¹. «Союз — это мое собственное создание, мое творение, он не свят и не является какой-либо духовной силой над моим духом, подобно всякой ассоциации, какого бы рода она ни была. Точно так же, как я не могу быть рабом своих правил, но открыто без всякой гарантии подвергаю их своей постоянной критике и не допускаю никакого ручательства за их постоянство, даже еще более, я не обязываюсь и союзу за свою будущность и не продаю ему души, как это говорят о черте и как это действительно бывает в государстве и при всех духовных авторитетах; но я есмь и значу для себя более, чем государство, церковь, бог и т.п., следовательно, и бесконечно более, чем союз»².

Связывать людей в союз должна та польза, какую всякий извлекает в каждый момент из этого союза. Если я могу воспользоваться своим ближним, «то я сговариваюсь с ним и сближаюсь для того, чтобы благодаря этому соглашению усилить свою власть и соединенной силой достигнуть большего, чем мог бы достигнуть отдельный человек. В этом объединении я совсем не вижу ничего другого, кроме увеличения моей силы, и только до тех пор, пока оно умножает мою силу, я сохраняю его»³.

Поэтому союз этот есть нечто совершенно другое, чем «то общество, которое хочет основать коммунизм»⁴. «В союз ты вносишь всю твою силу, твое умение и добиваешься себе значения, общество же поглощает тебя вместе с твоей рабочей силой; в первом ты живешь эгоистически, во втором человечно, т.е. религиозно, как «член тела этого господина»; обществу ты должен все, что имеешь, ты обязан ему, ты окружен «социальными обязанностями»; союзом же ты пользуешься и уничтожаешь его, не будучи ничем обязан и ни в чем не верен ему, если ты не извлекаешь из него поль-

¹ Der Einzige, S. 304.

² Ib. S. 411.

³ Ib. S. 416.

⁴ Ib. S. 411.

зы. Если общество больше тебя, то оно и выше тебя; союз же только твое орудие или меч, которым ты заостряешь и увеличиваешь свою естественную силу; союз существует для тебя и через тебя, общество же, наоборот, имеет на тебя претензии в свою пользу и существует также и без тебя; коротко говоря, общество свято, союз же принадлежит тебе; общество пользуется тобою, а союзом пользуешься ты»¹.

2. Но каковы же должны быть детали такого общежития? В ответ своему рецензенту, Моисею Гессу, Штирнер приводит несколько примеров теперь уже существующих союзов.

«Может быть, в этот момент перед его окном бегают дети, занятые общей игрою, пусть он присмотрится к ним, и он увидит веселые эгоистические союзы; быть может, Моисей Гесс имеет друга, возлюбленную, — тогда он может понять, как одно сердце льнет к другому, как два сердца эгоистически объединяются для того, чтобы пользоваться друг другом, и при этом ни одно из них не «остается в проигрыше»; может быть, он встретит на улице пару хороших знакомых, которые попросят его сопровождать их в какой-нибудь винный погреб; пойдет он с ними, желая оказать им любезность, или он «поддержит с ними компанию ради собственного удовольствия?» Разве они должны его поблагодарить за принесенную жертву? Разве они не составили на один час «эгоистический союз?»² Штирнер задумывается даже о «немецком союзе»³.

5. Собственность

1. Вместе с правом Штирнер необходимо должен отрицать и правовое учреждение — собственность. «Она существует по милости права. Только в праве находит она свою

¹ Der Einzige, S. 417—418.

² Wigauds Vierteljahrsschrift 3, S. 193—194.

³ Ib. S. 305.

защиту; она недействительна, она фикция, идея. Это — собственность права, правовая собственность, гарантированная собственность; она моя, не благодаря мне, но благодаря праву»¹.

И собственность в этом смысле основана не на том, что личность признает ее способствующей благу каждого, а на том, что каждый считает ее святой. «Собственность в мещанском смысле слова означает святую собственность, так что я должен иметь уважение перед твоей собственностью. «Уважение перед собственностью!» Поэтому политики хотели, чтобы каждый владел своим кусочком собственности, и вызвали отчасти этим неимоверное деление собственности. Каждый должен иметь свою собственную кость, которую он мог бы грызть»².

Но собственность не свята. «От Твоей и Вашей собственности я не отступаю пугливо назад, но всегда считаю ее моей собственностью, в которой я ничего не должен «уважать». Делайте же то же самое с тем, что Вы называете моей собственностью!»³

Собственность не содействует и благу отдельного человека. Собственность, как понимают ее буржуазные либералы, не прочна, так как собственник-мещанин, в сущности, не что иное, как человек, не имеющий собственности, отовсюду выключенный человек. Вместо того чтобы ему принадлежал мир, ему не принадлежит даже той ничтожной точки, на которой он стоит»⁴.

II. Личное благо каждого человека требует того, чтобы разделение богатств на основании его собственных предписаний заменило бы собой собственность. Если Штирнер называет собственностью полученную каждым на основа-

¹ Wigands Vierteljahrsschrift 3, S. 332.

² Der Einzige, S. 327—328.

³ Ib. S. 326, 328.

⁴ Ib. S. 328—329.

нии этих предписаний частицу богатств, то это лишь в том переносном смысле, в котором он постоянно употребляет слово «собственность»; в прямом смысле слова собственностью может называться только на основании права полученная частица богатств¹.

Согласно требованиям своего личного блага, каждый человек должен иметь все то, чего он в состоянии достигнуть.

1. «То, над чем меня не могут лишить власти, является моей собственностью; так пусть же сила решает над собственностью, и я жду всего от силы! Чужая сила, сила, которую я допускаю у другого, делает меня крепостным; так пусть же моя собственная сила делает меня личностью!»² «На какую собственность имею я право? На всякую, для достижения которой я имею силы. Я даю себе право на собственность тем, что я создаю себе собственность, или тем, что осуществляю власть собственника, полномочие его полномочия»³. «То, что я могу иметь, — это моя собственность»⁴. «Вольные, дети, старики имеют всегда некоторые силы, они могут, например, поддерживать свою жизнь, вместо того чтобы лишать себя ее. Если они влияют на Вас так, что Вы желаете их существования, то они имеют власть над Вами»⁵. Какой силой владеет ребенок, когда он смеется, играет, кричит, словом, во всем своем существовании? В состоянии ли Ты устоять против его требований, не даешь ли Ты ему, как мать, груди своей, как отец, такую часть своего имущества, какая ему нужна? Он принуждает Вас, и поэтому он владеет тем, что Вы называете Вашим»⁶.

Таким образом, собственность не должна и не может быть уничтожена, но должна быть изъята из рук призраков

¹ С этим не согласен Zenker, который на S. 80 утверждает, что Штирнер требует собственности на основании оккупационного права.

² Der Einzige, S. 340.

³ Ib. S. 339.

⁴ Ib. S. 351.

⁵ Ib. S. 351.

⁶ Ib. S. 351—352.

и сделана моей собственностью; тогда исчезнет ошибочное убеждение, что я не имею права на столько, сколько мне необходимо. «Но чего только человеку не нужно!» Кому нужно много и кто понимает, как можно этого добиться, тот во всякое время добивался этого, как, например, Наполеон добился континента, а французы — Алжира. Все сводится поэтому только к тому, чтобы преисполненная уважением «чернь» научилась наконец брать то, что ей нужно. Если она заденет Вас слишком, то защищайтесь»¹. «То, что нужно «человеку», ни в коем случае не может быть масштабом ни для меня, ни для моих потребностей, так как я могу нуждаться и в меньшем, и в большем. Я должен иметь, скорее, столько, сколько я в состоянии взять себе»².

2. «Союзы умножат средства каждого и обеспечат оспариваемую собственность также и в следующих вещах»³. «Если мы хотим присвоить себе землю землевладельцев, не желая ее дальнейшего существования в этой форме, то объединимся для этой цели, образуем союз, *société*, который и сделается собственником; если нам посчастливится, то землевладельцы перестанут быть владельцами земли. И подобно тому как мы отняли у них землю, мы можем взять многое другое из их собственности, делая все это своей собственностью, т.е. собственностью победителей. Последние образуют союз, который, как можно предполагать, постепенно может охватить все человечество. Но и так называемое человечество, как таковое, есть не что иное, как идея (Призрак), в действительности существуют только отдельные люди. И эти отдельные люди в виде объединенной массы будут не менее произвольно обращаться с землей, чем индивидуализированная личность»⁴.

«То, в чем все хотят принять участие, будет отнято у того отдельного человека, который хочет иметь это исключи-

¹ Der Einzige, S. 343—344.

² Ib. S. 349.

³ Ib. S. 342.

⁴ Ib. S. 329—330.

тельно для себя, и делается общим достоянием. В общественном богатстве каждый имеет свою долю, и эта доля считается его собственностью; так и при старых условиях нашей жизни дом, который принадлежит пяти наследникам, представляет их общее богатство, пятая же часть дохода есть собственность каждого. Не принадлежащая еще нам собственность станет более доходной, когда будет находиться в наших руках. Объединимся же поэтому с целью такого расхищения»¹.

6. Осуществление

Согласно Штирнеру, перемена, которой требует благо каждого человека, произойдет так, что сперва совершится среди достаточного количества людей внутренний переворот и собственное благо будет признано высшим законом, а затем люди эти при помощи силы совершат внешний переворот, т.е. уничтожат право, государство и собственность, и осуществят новый строй.

I. Самое первое и важное — это внутреннее изменение людей.

«Революция и возмущение не должны быть рассматриваемы, как вещи, имеющие равное значение. Революция — это переворот в условиях, в существующем состоянии или *status'e* государства или общества, это, следовательно, политическое или социальное действие; возмущение же, хотя и имеет своим неизбежным следствием изменение порядка, но исходит не из необходимости этого изменения, а из недовольства людей собой; это не бунт, а восстание каждого в отдельности, возмущение, не считающееся с теми учреждениями, которые получают в нем свое происхождение. Революция стремится к новым учреждениям, возмущение

¹ Der Einzige, S. 330.

же ведет к тому, чтобы не допускать чужого установления учреждений для нас самих, но самим начать создавать их, и не возлагает на «учреждения» никаких блестящих надежд. Оно не представляет собой борьбы против существующего, ибо, если оно распространяется, это существующее рушится само собой. Оно есть всего лишь освобождение меня самого из существующего. Если я оставляю без внимания существующее, оно умирает и начинает гнить. Так как моя цель заключается не в низвержении существующего, а в моей победе над ним, то моя цель и моя деятельность не носят политического или социального характера, но, как направленные исключительно на меня самого и на мою индивидуальность, — характер эгоистический»¹.

«Почему основатель христианства не был ни революционером, ни демагогом, за какого его очень хотели счесть евреи, почему он не был либералом? Потому, что он не видел спасения в изменении существующего строя и был поэтому к нему равнодушен. Он вовсе не был революционером, как, например, Цезарь. Он был бунтовщиком; он не был проповедником государственного переворота, он только восстал; он не вел никакой либеральной или политической борьбы против существующей власти, но он хотел идти своей дорогой, не заботясь и не считаясь с этой властью»².

«Все святое есть обуза, цепи. Все святое будет и должно быть уничтожено при уничтожении права; потому в наше время во всех областях замечается множество случаев такого уничтожения. Они подготавливают крушение права, его исчезновение»³. Считай себя более сильным, чем признают тебя другие, и ты будешь обладать большей силой; считай себя больше, и ты будешь больше»⁴. «Бедные только тогда будут свободными и собственниками, когда они воз-

¹ Der Einzige, S. 421—422.

² Ib. S. 423.

³ Ib. S. 284.

⁴ Ib. S. 483.

мутятся, обогатятся и возвысятся»¹. «Только в эгоизме может найти чернь помощь; эту помощь она должна оказать себе сама, и она себе окажет ее. Если она не позволит устрашиться, она станет силой»².

II. Чтобы «совершить переворот»³ и на место права, государства и собственности водворить новый порядок, необходимо далее насильственное восстание против существующего строя.

1. «Государство может быть побеждено только дерзким произволом»⁴. «Преступление есть насилие отдельного человека, и только посредством преступления отдельный человек уничтожает насилие государства, когда он полагает, что не государство должно быть выше его, а они — выше государства»⁵. «Результат и здесь получается тот, что люди, мыслящие в своей борьбе против правительства, не правы, т.е. бессильны, пока борьба эта не знает иных средств против личной силы, кроме мыслей (эгоистическая сила затыкает мыслящим людям рот). Теоретическая борьба не может дать места полной победе, и святая сила мысли подчиняется насилию эгоизма. Только эгоистическая борьба, борьба эгоистов с обеих сторон, делает все ясным»⁶.

«Вопрос о собственности нельзя решить так мирно, как об этом мечтают социалисты и даже коммунисты. Он может быть решен только войной всех против всех»⁷. «Ведь я беру обратно ту силу, которую, по незнанию своих собственных сил, я предоставил другим! Я говорю себе: все, на что распространяется моя сила, это моя собственность, и я присваиваю себе все то, как свою собственность, для достиже-

¹ Der Einzige, S. 344.

² Ib. S. 343.

³ Ib. S. 422.

⁴ Ib. S. 199.

⁵ Ib. S. 259.

⁶ Ib. S. 198—199.

⁷ Ib. S. 344.

ния чего я чувствую в себе достаточно сил; я позволяю себе увеличивать мою действительную собственность до тех пор, пока я уполномочиваю себя брать, т.е. — пока я в силах»¹. «Чтобы уничтожить неимущую чернь, эгоизм не говорит: подожди, пока блюстители справедливости подарят тебе что-нибудь во имя всего общества, но говорит: хватай и бери все, что тебе нужно»².

В этой борьбе Штирнер оправдывает всякое средство. «Ни перед каким делом я не остановлюсь только потому, что в нем будто бы живет дух безбожия, безнравственности, несправедливости, точно так же, как святой Бонифаций не отказался из-за религиозных соображений от срубления языческого дуба»³. «Власть над жизнью и смертью, которую церковь и государство удерживают за собой, я называю также и своей властью»⁴. «Жизнь отдельного человека имеет для меня значение лишь постольку, насколько она ценна для меня. Его богатства, материальные и духовные, принадлежат мне, и я управляю ими по мере своей силы»⁵.

2. Штирнер рисует нам картину одного отдельного явления в этом насильственном перевороте строя. Он предполагает, что некоторые люди уже видят, что они в государстве по сравнению с другими привилегированными лицами слишком обделены.

«Обделенные задают себе вопрос: чем же застрахована ваша собственность, ваша — господа привилегированные? — и отвечают себе: тем, что мы воздерживаемся от покушения на нее. Стало быть, нашей защитой! И что же вы дадите нам за это? Пинком ноги и презрением дарите вы «простой народ»; полицейским надзором и катехизисом со следующим главным правилом: уважай то, что не прина-

¹ Der Einzige, S. 340.

² Ib. S. 341.

³ Ib. S. 479.

⁴ Ib. S. 424.

⁵ Ib. S. 326—327.

длежит тебе, но что принадлежит другому! Уважай других и особенно начальство! Мы же отвечаем вам: если хотите нашего уважения, так купите его за выгодную для нас цену. Мы оставим за вами вашу собственность, если вы дадите нам за это должное возмездие. Что дает генерал в мирное время взамен своего многотысячного годового жалованья, а другие за свой ежегодный доход в сотни тысяч или миллионы? Чем вы платите за то, что мы жуем картофель и спокойно смотрим, как вы глотаете устрицы? Платите нам за устрицы такую же цену, какую мы должны платить вам за картофель, и мы позволим вам есть их и впредь. Или вы думаете, что устрицы нам не принадлежат так же, как и вам? Вы будете кричать о насилии, если мы возьмем и станем их есть, и вы будете правы. Без насилия мы их не получим, точно так же, как и вы имеете их только потому, что употребляете над нами насилие.

Берите же себе устрицы и дайте нам дорогу к более близкой сердцу нашему собственности (ибо она-то только и есть собственность), к работе. Мы мучаемся двенадцать часов в поте лица нашего, а вы предлагаете нам за это несколько грошей. Берите же и вы за свою работу столько же. Мы уж доведем дело до конца, раз мы все сошлись на том, что никто ничего не должен дарить другому. Уже сотни лет, как мы по добродушной глупости своей подаем вам милостыню, раздаем лепту бедняков и даем господам то, что не принадлежит им; откройте же ваши кошельки — ибо с сегодняшнего дня наш товар чрезмерно повысился в цене. Мы ничего не хотим отнять у вас, только платите лучше за то, что хотите иметь. Что ты имеешь? «Я имею имение в тысячу десятин». А я пахарь и готов тебе пахать твою землю только за талер в день. «В таком случае я беру другого». Ты не найдешь никого, так как мы, пахари, дешевле не хотим; если же явится хоть один такой, который возьмет дешевле, то пусть он остерегается нас»¹.

¹ Der Einzige, S. 357—360.

ШЕСТАЯ ГЛАВА

Учение Бакунина

1. Общие замечания

1. Михаил Александрович Бакунин родился в 1814 году, в селе Прямухине Новоторжского уезда Тверской губернии. В 1834 году он поступил в петербургскую артиллерийскую школу; в 1835 году вышел из нее офицером; в этом же году оставил Петербург, после чего жил попеременно то в Прямухине, то в Москве.

В 1840 году Бакунин покинул Россию. Следующие годы он разъезжал по своим революционным делам по всей Европе. В Париже он часто встречался с Прудоном. В 1849 году он был в Саксонии присужден к смерти, но помилован; в 1850 году его выслали в Австрию, где он опять был присужден к смертной казни; в 1851 году он был выдан России, заключен в Шлиссельбургскую крепость, а в 1857 году сослан в Сибирь.

В 1865 году он бежал из Сибири через Японию и Калифорнию в Лондон. По возвращении он сейчас же взялся опять за свою революционную деятельность и жил попеременно в различных частях Европы. В 1868 году он сделался членом Интернациональной Ассоциации рабочих, а вскоре затем основал Интернациональный Союз Социалистической Демократии. В 1869 году он сблизился с фанатиком

Нечаевым, но разошелся с ним в ближайшем же году. В 1872 году за свои сепаратистские стремления он был исключен из Интернациональной Ассоциации Рабочих. Умер Бакунин в 1876 году в Берне.

Бакунин написал целый ряд сочинений философского и политического содержания.

2. Учение Бакунина о праве, государстве и собственности изложено им в «*Proposition motivée au comité central de la Ligue de la paix et de la liberté*» (1868)¹, в написанных им статутах «*Alliance internationale de la démocratie socialiste*» (1868)² и в его сочинении: «*Dieu et l'État*» (1871)³.

Здесь во внимание не приняты книги, про которые нельзя с уверенностью сказать, что они написаны Бакуниным. Сюда относятся «*Принципы революции*»⁴ и «*Катехизис революции*»⁵, в которых защищаются взгляды Нечаева. Они приписываются некоторыми Бакунину⁶, хотя их содержание и противоречит другим его сочинениям, а также и деятельности; ведь он неоднократно настойчиво выступал против нечаевского «макиавеллизма и иезуитства»⁷. Если бы мы даже предположили, что они принадлежат Бакунину, то они характеризуют собой все же не представлявшей значения период его развития.

¹ Печатано под заглавием: «*Fédéralisme, socialisme et autithéologisme*» в: Michel Bakounin, *Oeuvres* (1895), S. 1—205.

² Напечатано в «*L'alliance de la démocratie socialiste et l'association internationale des travailleurs*» (1873), S. 118—135.

³ Напечатаны только отрывки, один под названием: «*L'Empire knoutogermanique et la révolution sociale*» (1871), другой под названием: «*Dieu et l'État*» (1882), а третий под тем же названием в *Oeuvres* Бакунина (1895), S. 261—326.

⁴ Напечатана у Драгоманова: «*Michail Bakounins sozialpolitischer Briefwechsel mit Alexander Jw. Herzen und Ogarjow*», перевод на немецкий язык Минзеса (1895), S. 358—364.

⁵ Одна часть напечатана во французском переводе в «*L'alliance de la démocratie socialiste et l'association internationale des travailleurs*» (1873), S. 90—95, остальное у Драгоманова, стр. 371—383.

⁶ *L'alliance de la démocratie socialiste et l'association internationale des travailleurs*, S. 89, Драгоманов, S. IX.

⁷ Бакунин: «*Письма*», Драгоманов, стр. 223, 233, 266, 272.

3. Бакунин называет свое учение о праве, государстве и собственности анархизмом. «Одним словом, мы отрицаем всякое законодательство, всякий авторитет, всякое привилегированное, наделенное патентом, официальное и легальное влияние, если даже оно осуществляется на основании всеобщей подачи голосов, и именно на том основании, что все это постоянно служит господствующему меньшинству эксплуататоров и вредит поработанному громадному большинству. В этом смысле мы поистине анархисты»¹.

2. Основные принципы

Бакунин считает наивысшим для человека законом закон развития человеческого прогресса от менее совершенного бытия к возможно более совершенному.

Наука имеет своей задачей единственно явственное, по возможности систематическое, теоретическое изложение естественных законов телесной, духовной и нравственной жизни, а также физического и социального мира, которые вместе образуют один естественный мир»².

«Наука, т.е. истинная бескорыстная наука»³ учит нас следующему: «Всякое развитие означает отрицание своей исходной точки. Так как основание или исходная точка, по мнению материалистов, материальна, то ее отрицание должно быть необходимо идеальным»⁴. Другими словами, «все, что живет, имеет стремление усовершенствоваться в возможной степени»⁵.

Так, «согласно материалистическому пониманию, историческое развитие человека движется по восходящей линии»⁶. «Это — вполне естественное движение от самого

¹ Bakounine, Dieu et l'État, S. 34.

² Ib. S. 33.

³ Ib. S. 3.

⁴ Ib. S. 52.

⁵ Propositions, Oeuvres, S. 104.

⁶ Dieu et l'État, S. 52.

простого к сложному, снизу вверх, от низшего к высшему»¹. «История заключается в прогрессивном отрицании первоначальной животности человека путем развития его человечности»².

«По происхождению своему человек — зверь, двоюродный брат гориллы. Но он уже выбрался из глубокой тьмы животных побуждений, чтобы достигнуть духовного светила. Это самым естественным образом объясняет нам все его прежние заблуждения и служит для нас некоторым утешением по отношению к его настоящим ошибкам. Он отвернулся от животного рабства и идет через царство религиозного рабства, лежащее между его животным и человеческим существованием, все дальше и дальше навстречу свободе. Таким образом, наше животное существование уже позади нас, впереди же — человеческое; свет человечности, который один только в состоянии просветить нас и согреть, освободить, поднять, сделать нас свободными, счастливыми и побратать нас, никогда не лежит в начале, а всегда в конце истории»³.

Это «историческое отрицание прошлого протекает то медленно, тяжело, вяло, то страстно и могущественно»⁴. Но всегда оно совершается с законообразной необходимостью; «мы верим в конечное торжество человечности на земле»⁵. «Мы предвидим этот триумф и соединенными силами стараемся ускорить его»⁶; «мы никогда не должны обращаться назад, но всегда будем смотреть вперед; впереди нас наше солнце, впереди нас наше счастье»⁷.

¹ Dieu et l'État, S. 7.

² Ib. S. 16.

³ Ib. S. 16.

⁴ Ib. S. 10.

⁵ Proposition: Oeuvres, S. 155.

⁶ Ib. S. 155.

⁷ Dieu et l'État, S. 16.

3. Право

I. С прогрессом человечества от его животного существования к человеческому, по мнению Бакунина, прежде всего должно уничтожиться если не право вообще, то во всяком случае законом установленное право.

Законом установленное право присуще низшей ступени развития. «Политическое законодательство, создано ли оно по воле одного властелина или по согласию народных представителей, которые выбраны всеобщей подачей голосов, никогда не может соответствовать законам природы; оно уже потому вредно и враждебно свободе массы при всех обстоятельствах, что оно навязывает ей систему внешних, следовательно, деспотических законов»¹. Никакое законодательство никогда не имело «иной цели, кроме цели укрепить эксплуатацию рабочего народа господствующими классами и возвести ее в систему»². Таким образом, каждое законодательство «имеет своим следствием одновременно и порабощение общества, и испорченность законодателей»³.

Но скоро человечество будет иметь позади себя ту стадию развития, которая характеризуется существованием права. Установленное право неразрывно связано с государством; «государство есть исторически необходимое зло»⁴, «переходная форма общества»⁵, «вместе с государством должно неизбежно пасть юридическое право, так называемое законодательное упорядочение жизни народной сверху вниз посредством законодательства»⁶. Всякий чувствует, что этот момент уже приближается⁷, что переворот уже

¹ Dieu et l'État, S. 27—28.

² Programme de la section slave à Zurich: Dragomanow, S. 382.

³ Dieu et l'État, S. 30.

⁴ Oeuvres, S. 287.

⁵ Ib. S. 285.

⁶ Programme de la section slave à Zurich: Драгоманов, S. 382.

⁷ Articles: Mémoire, pièces justificatives, S. 113.

стоит перед нами¹, что его следует ожидать еще в этом столетии².

II. На ближайшей ступени развития, которой человечество должно скоро достигнуть, не будет, конечно, законом установленного права, а будет только право вообще. Все, что Бакунин предполагает относительно этой стадии развития, указывает на то, что, согласно его ожиданиям, в будущем будут существовать только такие нормы, «которые будут опираться на волю всех»³, но повиновение которым все же будет в необходимых случаях принудительное⁴; которые, таким образом, будут правовыми нормами.

Из таких правовых норм нашей ближайшей стадии развития Бакунин упоминает ту, в силу которой существует «право на самостоятельность»⁵. Для меня, как отдельного лица, это значит, «что я, как человек, имею право не слушаться никого другого и действовать по своему усмотрению»⁶. Также и «каждый народ, каждая провинция, каждая община имеют неограниченное право на полную самостоятельность, обуславливая это тем, чтобы их внутреннее устройство не угрожало самостоятельности и свободе соседних областей»⁷.

Равным образом Бакунин считает правовой нормой ближайшей ступени развития то, что договоры должны быть соблюдены. Понятно, что обязательство по отношению к этим договорам имеет свои границы. «Человеческая справедливость может и не признавать вечных обязательств. Все права и обязанности основаны на свободе. Право свобод-

¹ Statuts: L'alliance, S. 125.

² *Ib.* S. 125.

³ Dieu et l'État: Oeuvres, S. 281.

⁴ Statuts l'alliance, S. 129—131.

⁵ Proposition, Oeuvres, S. 17—18.

⁶ Dieu et l'État, Oeuvres, S. 281.

⁷ Proposition, Oeuvres, S. 17—18.

ного объединения и отложения есть самое первое и самое главное из всех политических прав»¹.

Дальнейшей затрагиваемой Бакуниным правовой нормой ближайшей стадии развития является та норма, в силу которой «земля, орудия производства, а также и всякий другой капитал, образуя коллективную собственность всего общества, будут служить исключительно на пользу земледельческих и ремесленных союзов»².

4. Государство

I. С прогрессом человечества, от его животного существования к человеческому, по мнению Бакунина, вскоре уничтожится и государство. «Государство — это исторически временное учреждение, переходная общественная форма»³.

1. Государство относится к низшей ступени развития.

«Первый шаг от своего животного бытия к человеческому дикий человек делает посредством религии. Но до тех пор, пока он будет религиозен, он ни за что не достигнет своей цели, так как всякая религия осуждает его на бессмысленное существование, выводит его на фальшивый путь и заставляет его искать божественное вместо человеческого»⁴. «Все религии с их богами, полубогами, пророками, с их мнениями и святыми представляют собой продукт легкомысленной человеческой фантазии тех, которые еще не достигли полного развития и полной власти над своими духовными силами»⁵. «Это справедливо и по отношению к христианству, которое представляет собой полное извращение человеческого рассудка и разума»⁶.

¹ Proposition, Oeuvres, S. 18.

² Status: L'alliance, S. 133.

³ Dieu et l'État, Oeuvres, S. 285.

⁴ Proposition, Oeuvres, S. 134.

⁵ Dieu et l'État, S. 19.

⁶ Ib. S. 87.

Государство есть продукт религии. «Оно рождено во всех странах бракосочетанием силы, разбоя, грабежа, коротко говоря, войны и покорения с богами, которых постепенно создала религиозная фантазия народов»¹. «Кто говорит об откровении, тот этим самым говорит о божественных носителях, мессиях, пророках, пастырях и законодателях; но коль скоро они являются представителями Бога на земле, самим Богом избранными учителями человечества, то само собой разумеется, что они получают неограниченную власть. Все люди обязаны им слепо поклоняться, так как по сравнению с божественным разумом человеческий разум не имеет никакого значения, по сравнению с божественной справедливостью земная справедливость лишена всякой ценности. Будучи рабами Бога, люди должны стать также и рабами церкви, а поскольку последняя освящает государство, и рабами государства»².

«Нет государства без религии и не может быть. Возьмем самые свободные государства земного шара, например, Соединенные Штаты Северной Америки, или Швейцарский Союз, и мы увидим, какую важную роль играет во всех официальных речах божественное Провидение»³. «Правительства не без основания считают важным условием своей силы веру в Бога»⁴. «Существует класс таких людей, которые, если они даже не веруют в Бога, должны делать вид, будто они веруют. В этот класс входят все мучители, угнетатели и эксплуататоры человечества. Пастыри, монархи, государственные мужи, солдаты, финансисты, чиновники всех родов, полицейские, жандармы, тюремщики и палачи, капиталисты, ростовщики, предприниматели, домовладельцы, адвокаты, экономисты, политики всех оттенков, — все эти люди до последнего мелкого торговца хором всегда

¹ Dieu et l'État, Oeuvres, S. 287.

² Dieu et l'État, S. 20.

³ Ib. S. 97.

⁴ Ib. S. 9.

повторяют слова Вольтера: если бы не было Бога, нужно было бы изобрести его, «так как, не правда ли, народ должен же иметь свою религию». Она-то именно и есть предохранительный клапан»¹.

2. Свойства, характеризующие государство, соответствуют низшей ступени развития.

Государство поработывает своих подданных. «Государство — это насилие, глупое хвастовство насилием. Оно не хочет любви к себе, не стремится направить на истинный путь; если оно во что-нибудь вмешивается, то делает это неприязненно, так как сущность его состоит не в увещевании, но в приказании и принуждении. Сколько бы оно ни старалось, ему никогда не удастся скрыть того, что оно есть законный нарушитель нашей воли, постоянный отрицатель нашей свободы. Если даже оно приказывает делать что-нибудь хорошее, оно и это хорошее своим приказанием лишает ценности, так как каждое приказание есть поругание свободы; раз только добро делается по приказанию, оно становится для истинной, т.е. человеческой, не божественной морали, для человеческого достоинства и свободы злом; свобода, нравственность и человеческое достоинство состоят в том, чтобы делать хорошее не потому, что приказывают, а по собственной воле, собственному желанию, собственному убеждению»².

Государство портит также и самих правящих. «Свойства привилегированного положения таковы, что они отравляют дух и сердце человека. Кто находится в привилегированном положении в политическом и экономическом отношении, дух и сердце того отравлены. Это — закон социальной жизни, который не допускает никаких исключений и применим как к целым народам, так и к классам и отдельным лицам»³.

¹ Dieu et l'État, S. 11.

² Ib. S. 288.

³ Dieu et l'État: Oeuvres, S. 29—30.

«Могущественные государства приобретают верховенство над другими государствами путем преступления, добродетельность мелких существует только благодаря их слабости»¹. «Мы презираем монархию от всего сердца, но вместе с тем мы убеждены, что и большая республика с войском, бюрократией и политической централизацией будет заниматься завоеванием за своими пределами, эксплуатацией внутри их и нисколько не будет в состоянии сохранить для своих подчиненных, которых она называет гражданами, счастье и свободу»².

«Даже в самых чистейших демократиях, как например, в Соединенных Штатах и в Швейцарии, громадной массе порабощенного населения противопоставляется привилегированное меньшинство»³.

3. Ту ступень развития, на которой мыслимо государство, человечество скоро оставит позади себя.

«С самой минуты происхождения исторического общества и до сегодняшнего дня существовало угнетение народов государством. Следует ли из этого выводить то заключение, что угнетение неразрывно связано с существованием человеческого общества?»⁴ Понятно, нет! «Великая, истинная, единственно справедливая цель общества заключается в развитии человечности, освобождении, истинной самостоятельности и количественном умножении всех людей, живущих общественной жизнью»⁵. В триумфе человечности заключается цель и главный смысл истории, триумф же этот может быть достигнут только посредством свободы»⁶. «Подобно тому как государство в прошедшем было неизбежным историческим злом, так в будущем оно неизбежно должно, рано или поздно, сов-

¹ Proposition, Oeuvres, S. 154.

² Ib. S. 10.

³ Dieu et l'État, Oeuvres, S. 287—288.

⁴ Ib. S. 14.

⁵ Ib. S. 65.

⁶ Ib. S. 53.

сем погибнуть»¹. Что момент этот приближается, чувствует уже каждый из нас²; переворот надвигается³, и мы должны ожидать его еще в этом столетии⁴.

II. На ближайшей стадии развития, которой человечество должно скоро достигнуть, вместо государства водворится общественное сожительство людей, основанное на правовой норме, состоящей в том, что договоры должны быть выполняемы.

1. И после уничтожения государства люди будут жить общественной жизнью. Цель человеческого развития, «совершенная человечность»⁵, может быть достигнута только в свободном обществе. «Человек станет человеком, станет сознательным человеком и достигнет осуществления своей человечности только в обществе и путем деятельности, принадлежащей всему обществу. Он освобождается от ига внешней природы только при помощи общей, т.е. общественной работы; только эта последняя и в состоянии сделать поверхность земли удобной для развития человечества; без такого внешнего освобождения невозможно ни духовное, ни нравственное освобождение. Человек станет свободен, далее, от ига собственной природы только благодаря воспитанию и образованию; только они делают для него возможным подчинение побуждений и движений его тела его все более и более развивающемуся духу; но и воспитание, и образование имеют исключительно общественную природу; вне общества человек навсегда остался бы диким животным или святошей, что приблизительно сводится к тому же. Наконец, в отдельности человек не может иметь сознание свободы; свобода обозначает для человека

¹ Dieu et l'État: Oeuvres, S. 287.

² Articles: Mémoire, pièces justificatives, S. 113.

³ Statuts: L'alliance, S. 125.

⁴ Ib. S. 125.

⁵ Dieu et l'Etat, S. 11.

то, что окружающие его люди считают его свободным и относятся к нему соответствующим образом; свобода не представляет собой результата индивидуализации, а обратную сторону ее; не замкнутую в себе вещь, а связь; она является для каждого человека только отражением его человечности, т.е. его человеческого права, в сознании его братьев»¹.

Но людей в общество будет связывать уже не высшая власть, а юридически связующая сила договора. Совершенная человечность может быть достигнута только в свободном обществе. «Моя свобода или, что то же, мое человеческое достоинство состоит в том, что я, как человек, имею право никому не повиноваться и поступать только по своему усмотрению»². «Я сам лишь настолько свободен, насколько признаю свободу и человечность во всех окружающих меня людях. Уважая в них человечность, я уважаю его и в себе. Людоед, который обращается со своим пленным, как со зверем, и разрывает его, сам зверь. Рабовладелец не человек, но господин»³. «Чем больше свободных людей меня окружает и чем глубже и шире их свобода, тем глубже, шире и могущественнее становится моя свобода. С другой стороны, всякое порабощение людей одновременно ограничивает и мою свободу, или, что то же самое, отрицает мое человеческое существование благодаря их животному»⁴. Свободное же общество не может быть установлено авторитетом⁵, а только договором⁶.

2. Как же будут осуществлены частности будущего общества?

¹ Dieu et l'État, Oeuvres, S. 277—278.

² Ib. S. 281.

³ Ib. S. 279.

⁴ Ib. S. 281.

⁵ Ib. S. 283.

⁶ Proposition, Oeuvres, S. 16—18.

«Единство — вот та цель, к которой неудержимо движется человечество»¹. Люди будут, следовательно, объединяться в самые широкие союзы. «Только на место старых, сверху донизу покоящихся на силе и авторитете организаций встанет новая, которая основывается только на естественных потребностях, склонностях и стремлениях человеческих»². Таким образом, создастся свободное соединение отдельных людей в общины, общин в провинции, провинций в народы и, наконец, народов в соединенные штаты Европы, а затем и всего мира»³.

«Каждый народ, будь он велик или мал, силен или слаб, каждая провинция и каждая община имеют право на полную самостоятельность, при том условии, что их внутреннее устройство не угрожает самостоятельности и свободе соседних областей»⁴.

«Все то, что можно счесть за историческое право государств, совершенно устраняется; все вопросы относительно естественных, политических, стратегических и экономических границ должны быть отныне отнесены на счет старой истории и решительно отвергнуты»⁵.

«То, что одна какая-нибудь область некогда принадлежала государству, будь это даже на почве свободного присоединения, нисколько не обязывает ее быть постоянно соединенной с этим государством. Человеческая справедливость, которая одна только имеет для нас какое-либо значение, не может признавать вечных обязательств. Все права, все обязательства основываются на свободе. Право свободного соединения и разделения — вот первое и важнейшее из всех политических прав. Без этого права союз был бы только замаскированной централизацией»⁶.

¹ Proposition, Oeuvres, S. 20.

² Ib. S. 16.

³ Ib. S. 16—17.

⁴ Ib. S. 17—18.

⁵ Ib. S. 17.

⁶ Ib. S. 18.

5. Собственность

I. С прогрессом человечества, от животного существования к человеческому, исчезнет, по мнению Бакунина, коротко говоря, не собственность вообще, а современная форма — неограниченная частная собственность.

1. Частная собственность, поскольку она простирается на все вещи без различия, относится к той же низшей ступени развития, как и государство.

«Частная собственность в одно и то же время и следствие и фундамент государства»¹. «Всякое правительство, с одной стороны, необходимо основывается на эксплуатации, а с другой — имеет своей целью эксплуатацию и дает ей свою защиту и свой закон»². Во всяком государстве «существуют отношения двоякого рода: правительства и эксплуатации. Если править на деле значит жертвовать собой для своих подданных, то второе отношение, конечно, находится в противоречии с первым. Будем только правильно понимать свои же собственные слова! С идеальной точки зрения, будь то теологическая или метафизическая, благо народных масс, конечно, не может совпасть с их временным благосостоянием: что значат несколько десятилетий земной жизни по сравнению с вечностью? Поэтому управлять народными массами нужно, руководясь не грубым земным счастьем, а их вечным благом. Внешние страдания и лишения могут быть даже желательны с воспитательной точки зрения, так как перевес чувственного наслаждения убивает бессмертную душу. Но теперь исчезает и противоречие. Эксплуатировать и править значит одно и то же; одно по-полняет другое и служит ему в качестве и средства, и цели»³.

¹ Statuts: L'alliance, S. 128.

² Dieu et l'État, Oeuvres, S. 324.

³ Ib. S. 323—324.

2. Низшей ступени развития, на которой господствует над всеми вещами без различия частная собственность, соответствуют свойства частной собственности.

«Привилегированные представители умственного труда, которые только потому, что они сыновья привилегированного класса, а не потому, что они имеют больше рассудка, управляют обществом в настоящее время, пользуются всеми благами, а также и всей испорченностью нашей культуры, богатством, роскошью, мотовством и благосостоянием, приятностями семейной жизни, исключительным наслаждением политической свободы, а следовательно, и возможностью эксплуатировать миллионы рабочих и управлять ими как угодно в своих интересах. Что же остается на долю представителей рабочего труда, этих бесчисленных миллионов пролетариев или же мелких собственников земли? Бездна бедность, отсутствие всяких семейных радостей — так как семья является для бедных скорее обузой — невежество, воровство, почти животное существование и вместе с тем утешение, что они служат пьедесталами для культуры, свободы и испорченности немногих»¹.

Чем больше и свободнее в какой-нибудь стране развиты торговля и промышленность, «тем больше, с одной стороны, безнравственность меньшинства привилегированных, а с другой — несчастье и справедливое возмущение рабочих масс. Англия, Бельгия, Франция, Германия являются, конечно, в Европе государствами, в которых торговля и ремесло пользуются наибольшей свободой и достигли наибольшего развития. Именно в этих государствах и царит самый жестокий пауперизм; пропасть между капиталистами и помещиками с одной стороны и рабочим классом — с другой здесь больше, чем в какой-либо из других стран. В

¹ Proposition, Oeuvres, S. 32—33.

России, в Скандинавских странах, в Италии, в Испании, где торговля и ремесло еще не развиты, от голода умирают только в редких случаях, оставляя в стороне необыкновенные события. В Англии же голодная смерть — дело обыкновенное. Здесь умирают не единицы, а тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч»¹.

3. Но человечество скоро перешагнет через ту низшую ступень развития, к которой относится частная собственность.

Подобно тому как во всякое время существовало угнетение народа государством, так «существовала всегда и эксплуатация поработанных крепостных, вольнонаемных масс небольшим господствующим меньшинством»². Но подобно всякому угнетению «и эта эксплуатация связана с существованием человеческого общества неразрывно»³. Неограниченная частная собственность исчезнет «в силу самых обстоятельств»⁴. Всякий уже чувствует, что этот момент близок⁵; переворот уже навис над нами⁶; он может наступить еще в этом столетии⁷.

II. На ближайшей ступени развития, которой человечество должно скоро достигнуть, собственность будет иметь такую форму, что средства потребления будут представлять собой частную собственность, земля же, орудия труда и весь остальной капитал — только общественную собственность. Будущее общество будет коллективистическим.

Таким образом, всякому рабочему будут гарантированы плоды его труда.

¹ Proposition: Oeuvres, S. 26—27.

² Dieu et l'État, S. 14.

³ Ib. S. 14.

⁴ Programme de la section slave à Zurich, Драгоманов, стр. 382.

⁵ Articles: Mémoire, pièces justificatives, S. 113.

⁶ Statuts: L'alliance, S. 125.

⁷ Ib. S. 125.

1. «Справедливость должна лечь в основание нового мира; без нее невозможны ни свобода, ни общежитие, ни развитие, ни мир»¹.

«Справедливость, не справедливость юристов, теологов или метафизиков, а простая человеческая справедливость, повелевает»², чтобы «в будущем пользование каждого человека соответствовало бы произведенной им части богатства»³. Необходимо, таким образом, найти средство, «которое сделало бы невозможной эксплуатацию чужого труда для каждого, кто этим занимался, и которое каждого человека лишь постольку допускало бы к пользованию общественным богатством, которое является результатом единственно труда, поскольку он сам непосредственно своим трудом содействовал созданию этого богатства»⁴.

Средство это состоит в том, «что земля, орудия производства и весь остальной» капитал должны служить на пользу трудящихся, представляя коллективную собственность всего общества⁵. «Я не коммунист, а коллективист»⁶.

2. Коллективизм будущего общества «не требует учреждения какой-нибудь высшей власти. Во имя свободы, на которую может опираться экономическая, а также и политическая организация, мы постоянно будем протестовать против всего того, что хоть несколько напоминает коммунизм или государственной социализм»⁷. Я стремлюсь к организации общества и коллективной или общественной собственности снизу вверх, посредством проповеди свободного соединения, а не сверху вниз, посредством какой-нибудь власти»⁸.

¹ Proposition: Oeuvres, S. 54—55.

² Ib. S. 59.

³ Statuts: L'alliance, S. 133.

⁴ Proposition: Oeuvres, S. 55.

⁵ Statuts: L'alliance, S. 133.

⁶ Discours: Mémoire, pièces justificatives, S. 27.

⁷ Proposition: Oeuvres, S. 56.

⁸ Discours: Mémoire, pièces justificatives, S. 28.

6. Осуществление

Ожидаемый с прогрессом человечества от животного существования к человеческому переворот, т.е. уничтожение государства, преобразование права и собственности и наступление нового строя совершится, по мнению Бакунина, путем социальной революции, т.е. путем насильственного ниспровержения, который наступит благодаря силе обстоятельств; но ускорение и облегчение его — это задача тех, кто предвидит ход развития.

I. «Для того чтобы избегнуть своей нищенской участи, народ имеет три средства: два воображаемых, одно реальное. Первые два средства — это кабак и церковь, третье — социальная революция»¹. «Спасение возможно только путем социальной революции»², т.е. посредством «уничтожения всех учреждений неравенства и установления экономического и социального равенства»³. Революция не может быть сделана кем-нибудь. Революции не производятся никогда ни отдельными людьми, ни тайными обществами. Они происходят до некоторой степени сами; их рождает сила самих обстоятельств, ход событий и фактов. «Революции долго подготавливаются в глубине темного сознания народных масс, пока не прорываются внезапно наружу, нередко благодаря мнимым, пустым причинам»⁴. В настоящее время революция стоит уже перед нами⁵; каждый чувствует ее близость⁶; она может наступить еще в этом столетии⁷.

1. «Под революцией мы понимаем взрыв страстей, считаемых в настоящее время злыми, и уничтожение всего того,

¹ *Dien et l'État*, S. 10.

² *Ib.* S. 18.

³ *Ib.* S. 45.

⁴ *Statuts: L'alliance*, S. 132.

⁵ *Ib.* S. 125.

⁶ *Articles: Memoire, pièces justificatives*, S. 113.

⁷ *Statuts: L'alliance*, S. 125.

что на современном языке называется «общественным порядком»¹.

Революция разражается не против людей, а против условий и вещей². «Кровавые революции часто становятся необходимы благодаря человеческой глупости, но они всегда представляют собой зло, страшное зло и великое несчастье, не только из-за жертв, но и вследствие чистоты и совершенства той цели, во имя которой они совершаются»³. «Нечего удивляться, когда народ в первый момент своего возмущения убивает многих из угнетателей и эксплуататоров — от этого несчастья, которое имеет такое же значение, как и причиняемые грозой убытки, быть может, нельзя освободиться. Но этот сам по себе естественный факт не только не нравственен, но и не необходим. Политическая резня никогда не уничтожала партий; она всегда оказывалась бессильной по отношению к привилегированным классам: ибо власть покоится долгое время не столько на самих людях, сколько на том положении, которое досталось привилегированным в силу каких-либо учреждений, особенно благодаря государству и частной собственности. Если желают, следовательно, произвести основательную революцию, то необходимо напасть на самое положение вещей и отношения, разрушить государство и собственность; в таком случае нет надобности убивать людей и подвергаться неизбежной неудаче, которая вызывала и будет вызывать всегда и во всяком обществе массовые человеческие избиения. Поэтому люди вправе, без опасности для революции, относиться к людям по-человечески и должны быть неумолимы к положению вещей и отношениям, должны все разрушать и сначала и прежде всего разрушить собственность

¹ Statuts: L'alliance, S. 129.

² Ib. S. 126.

³ Die Volkssache: Dragomanow, S. 309.

и ее неизбежное следствие, государство. В этом вся тайна революции»¹.

«Революция, как это выясняется для нас в настоящее время силой обстоятельств, должна быть не национальной, а интернациональной, т.е. универсальной. Ввиду грозного союза всех привилегированных интересов и всех реакционных сил Европы, ввиду плодотворности тех средств, которые предоставляет им разумная организация, ввиду той глубокой пропасти, которая разверзается ныне повсюду между буржуазией и рабочими, никакая революция не в силах рассчитывать на успех, если она не распространится тотчас же с одного народа на все другие народы. Но революция никак не может перейти границы отдельной страны и стать всеобщей, если она не несет в себе самой основания этой всеобщности, т.е. если она не социалистична, не разрушает во имя равенства и справедливости государства и не строит фундамента для свободы.

Ибо ничто не может лучше объединить, воодушевить и поднять единственную, действительную силу настоящего столетия — рабочих, как полное освобождение труда и уничтожение всех учреждений, предназначенных для защиты наследственной собственности и капитала»². «Политическая и национальная революции не могут, таким образом, достигнуть победы, если политическая революция не станет социальной, а национальная революция, благодаря своему социалистическому и антигосударственному характеру, — универсальной революцией»³.

2. «Революция, как мы ее понимаем, должна с первого дня уничтожить окончательно государство и все государственные учреждения. Это уничтожение будет иметь следующие естественные и необходимые последствия: а) госу-

¹ Statuts: L'alliance, S. 127—128.

² *Ib.* S. 125.

³ *Ib.* S. 131.

дарственное банкротство; б) прекращение государственного взыскания частных долгов, уплата которых на будущее время предоставляется самим должникам; в) прекращение уплаты податей и отмена прямых и косвенных налогов; г) уничтожение войска, суда, бюрократии, полиции и духовенства; д) прекращение официального судопроизводства, уничтожение всего того, что называется юридическим правом, и отмена его применения; из этого вытекает полнейшее обесценивание и *autodafé* всех собственнических титулов, только что сделанных постановлений, купчих, дарственных записей, тяжёбных дел, одним словом, всех бумажных дел чисто правового характера, так как повсюду на место права, установленного и защищаемого государством, станут революционные факты; е) превращение капиталов и орудий труда в коллективную собственность рабочих организаций, которые употребляют их для коллективного производства; ж) превращение всей государственной и церковной собственности, а также драгоценных металлов, принадлежащих частным лицам, в собственность коммуны, образованной из союза рабочих обществ. За свое конфискованное имущество частные лица получают от коммуны все безусловно необходимое; частные лица и потом будут в состоянии приобрести больше посредством своего труда»¹.

После уничтожения государства последует введение нового строя. Для этого: з) «Организация коммуны путем образования постоянного союза баррикад, а также и ее органа, совета революционной коммуны, в который каждая баррикада, каждая улица, каждый квартал или два квартала посылает двух ответственных, могущих быть отозванными представителей с обязательным поручением. Совет коммун может из своей среды избрать исполнительный комитет для отправления различных обязанностей революционного пра-

¹ Staluts: L'alliance, S. 129—130.

вительства; и) заявление восставшей, организованной в коммуны столицы о том, что она после действительного уничтожения царствования авторитета и опекунов отказывается от прав или, скорее, притязаний на управление провинциями и руководство ими; к) призыв ко всем провинциям, общинам и союзам, — всем последовать примеру столицы, тотчас же произвести в своих пределах революционную реорганизацию, послать затем в одно определенное место собрания ответственных, могущих быть отозванными представителями с мандатом, образовать таким образом союз восставших штатов, общин и провинций и организовать способную к преодолению реакции революционную власть. Посылка не официальных революционных комиссаров с каким-либо шарфом, а революционных агитаторов во все провинции и общины — особенно к крестьянам, которые могут быть революционизированы не научными данными и не постановлениями какой-нибудь диктатуры, а только самими революционными фактами, т.е. постоянным влиянием уничтожения официальной государственной деятельности во всех общинах. Отмена национального государства также и в том смысле, что все чужие страны, провинции, общины и союзы и даже отдельные личности, восставшие во имя одинаковых принципов, не принимая во внимание современных государственных границ, их политической системы и их национальности, находят здесь свое место, между тем как провинции, общины, союзы и отдельные личности собственной страны, которые станут на сторону реакции, будут исключены. Таким образом, всемирная революция, именно благодаря объединению восставших стран для общей обороны, будет неудержимо двигаться к победе через уничтоженные границы и развалины прежнего государства»¹.

¹ Statuts: L'alliance, S. 130—131.

II. «Служение революции, которая везде должна быть созданием народа»¹, «ее организация и ускорение»² — вот единственная задача тех, кто предвидит ход развития. Мы должны стать «повивальной бабкой»³ нового времени, должны «способствовать рождению революции»⁴.

Для этой цели мы должны, «во-первых, распространять среди масс те идеи, которые соответствуют их массовым инстинктам»⁵. «Что же препятствует быстрейшему проникновению в рабочие массы тех идей, которые являются спасительными для них? Их невежество и особенно их политические и религиозные предрассудки, которые благодаря усилиям господствующих классов теперь еще затемняют естественное мышление и здоровое чувство рабочего»⁶. «Поэтому наша цель заключается в том, чтобы заставить его осознать вполне то, чего он хочет, чтобы вызвать в нем ту идею, которая соответствует его побуждениям. Как только идея эта в рабочих массах стала действующей силой, их воля определена и их мощь несокрушима»⁷.

Далее мы должны «образовать не армию революции — армию может образовать только народ, — но нечто в роде революционного генерального штаба. Для этого должны быть преданные, деятельные и талантливые люди, которые прежде всего должны без всякого честолюбия и тщеславия любить народ и обладать способностью согласовать революционную идею с народными инстинктами. Для этого не надо слишком большого числа таких людей. Для международной организации всей Европы достаточно сотни крепко и добросовестно объединенных революционеров.

¹ Statuts: L'alliance, S. 131.

² Ib. S. 125.

³ Die Volkssache: Dragomanow, S. 309.

⁴ Statuts: L'alliance, S. 132.

⁵ Ib. S. 132.

⁶ Articles: Mémoire, pièces justificatives, S. 103.

⁷ Ib. S. 103.

Двести — триста революционеров достаточно для организации самой большой страны»¹.

Вот тут-то и открывается поле деятельности для тайных обществ². «Для служения, организации и ускорения общей революции»³ Бакунин основал: Alliance internationale de la démocratique socialiste. «Союз должен был иметь двоякую цель: а) распространение среди народных масс всех стран правильных взглядов на политику, народное хозяйство и философские вопросы всех родов, деятельную пропаганду при помощи газет, брошюр и книг, а также посредством организации общественных союзов; б) привлечение на свою сторону умных, деятельных, конспиративных, добросовестных и искренно преданных идее людей; распространение на всю Европу, а если возможно, и на Америку сети готовых на жертвы и сильных единством революционеров»⁴.

¹ Statuts: L'alliance, S. 132.

² Ib. S. 132.

³ Ib. S. 125.

⁴ Ib. S. 125—126.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

Учение Кропоткина

1. Общие замечания

1. Князь Петр Алексеевич Кропоткин родился в 1842 году в Москве. С 1862 до 1867 года он был офицером амурских казаков; за это время он объехал большую часть Сибири и Маньчжурии. С 1867 по 1871 год он изучал в Петербурге математику; в то же время он был секретарем Географического общества, по поручению которого он в 1871 году исследовал глетчеры Финляндии и Швеции.

В 1872 году Кропоткин ездил в Бельгию и Швейцарию, где он присоединился к Интернациональной Ассоциации Рабочих. В том же году он вернулся в Петербург и стал видным членом тайного кружка чайковцев. В 1874 году общество это было открыто; Кропоткин был арестован и посажен в тюрьму. Ему удалось, однако, в 1876 году бежать в Англию.

Из Англии Кропоткин в 1877 году переехал в Швейцарию, откуда был выслен в 1881 году. С того времени он жил попеременно то во Франции, то в Англии. Во Франции он был арестован в 1883 году за принадлежность к тайному обществу и осужден на пять лет тюремного заключения; он отбывал свое наказание до 1886 года, когда был помилован. С того времени Кропоткин живет в Англии.

Кропоткин выпустил описание путешествий и географические сочинения, а также книги из области философии права, политической экономии и политики.

2. Для понимания учения Кропоткина о праве, государстве и собственности наиболее важное значение имеют его мелкие сочинения, журнальные статьи и доклады. Статьи, которые он с 1879 по 1882 год печатал в женевской газете *Le révolté*, вышли в 1885 году отдельным изданием под заглавием *Paroles d'un révolté*. Единственным большим сочинением, в котором изложено его учение, является: *La conquête du pain* (1892).

3. Кропоткин называет свое учение анархизмом. «Когда внутри Интернационала образовалась партия, не признававшая авторитета ни внутри этого союза, ни где бы то ни было, она называла себя сначала федералистической, а потом антиавторитетной или антигосударственной. Она не называлась тогда еще анархической. Слово ан-архия (так это слово писалось в то время) слишком напоминало Прудона, против реформатских идей которого Интернационал боролся. Но именно из-за этого противники называли их анархистами для того, чтобы вызвать путаницу понятий. Кроме того это название делало возможным утверждение, что анархисты стремятся создать только беспорядок и хаос, не задумываясь ни над чем более. Анархическая партия, однако, не замедлила принять это название. Сначала она еще настаивала на разделении ан и архия, ссылаясь на то, что слово ан-архия греческого происхождения обозначает в этой форме отсутствие правления, а не беспорядок; вскоре, однако, она отказалась от бесполезного труда и поучений из области греческого языка и начала употреблять для себя это название без всяких поправок и разъяснений»¹. И в самом деле, «слово “анархия”, отрицающее современный так называемый “порядок” и напоминающее самый кра-

¹ Kropotkine, *Paroles d'un révolté*, S. 99.

сивый момент в жизни народов, вполне подходит к партии, стремящейся создать лучшее будущее»¹.

2. Основные принципы

По мнению Кропоткина, наивысшим законом для человека является закон развития человеческого прогресса от менее счастливой жизни к возможно более счастливой; из этого закона он выводит требование справедливости и требование активной деятельности.

1. Для людей высшим законом является закон развития человеческого прогресса от менее счастливого существования к существованию более счастливому. Существует «только один научный метод, метод естествознания»²; этот метод мы употребляем также и «в науках, занимающихся человеком»³, а особенно в «науке об обществе»⁴. Во всех науках совершается теперь могущественный переворот⁵ благодаря «эволюционной философии»⁶. «Старая идея, что все в природе постоянно, умерла, разрушена и оставлена. Все в природе изменчиво, ничто не остается, ни утес, который нам кажется неподвижным, ни континент, который мы называем «твердой землей», ни житель с его потребностями, привычками и идеями. Все, что мы видим вокруг себя, есть проходящее явление и должно перемениться, потому что неподвижность равносильна смерти»⁷. У организмов это развитие прогрессивно благодаря «их удивительной способности приспособиться к жизненным условиям. Они развивают такие свойства, посредством которых весь орга-

¹ Paroles d'un révolté, S. 104.

² Les temps nouveaux, S. 39.

³ Ib. S. 39.

⁴ Ib. S. 8, 39.

⁵ Ib. S. 5.

⁶ Anarchist communism, S. 4.

⁷ Revolutionary studies, S. 9.

низм все совершеннее и совершеннее приспособляется к своей среде, а каждая часть организма к потребностям свободной взаимной деятельности»¹. Это и есть «борьба за существование», которая, таким образом, не должна быть понимаема только в узком смысле «борьбы за средства к существованию»².

«Развитие никогда не совершается с такой медленностью и постепенностью, как это полагали. Эволюция и революция попеременно уступают друг другу место, и революции, т.е. периоды ускоренной эволюции, точно так же отвечают единству природы, как и эпохи более медленной эволюции»³. «Порядок — это свободное равновесие всех сил, действующих на одну и ту же точку; если некоторые из этих сил задержаны в своей деятельности человеческой волей, они не перестают из-за этого действовать, но их действия накапливаются для того, чтобы в один прекрасный день прорвать искусственную плотину и совершить переворот»⁴.

Эти общие положения Кропоткин применяет к общественной жизни людей⁵. «Общество есть скопление организмов, которые стараются удовлетворять потребности каждого отдельного человека и содействовать сообща благу всего рода»⁶; общество — это «целое, служащее тому, чтобы осуществить возможно наибольшее количество счастья при наименьшей потере человеческих сил»⁷. Человеческие общества развиваются⁸, и можно попытаться определить это развитие⁹. Человеческие общества развиваются от низших форм организации к высшим¹⁰; но цель этого

¹ Anarchist communism, S. 8—9.

² Ib. S. 9.

³ Les temps nouveaux, S. 13.

⁴ Ib. S. 12.

⁵ Ib. S. 7.

⁶ Anarchist communism, S. 4.

⁷ Revolutionary studies, S. 24.

⁸ Anarchist communism, S. 7.

⁹ Ib. S. 4.

¹⁰ Ib. S. 7.

развития, т.е. тот пункт, к которому оно стремится, состоит «в осуществлении лучших условий для достижения величайшего счастья человеческого»¹. То, что мы называем прогрессом, есть истинный путь к этой цели²; человечество может временами отклоняться от этого пути, но в конце концов оно постоянно снова попадает на путь прогресса³.

Но и здесь эволюция совершается не без революций. То, что имеет значение для взглядов человека, климата страны, для свойств вида, тоже имеет значение и для обществ; «они развиваются медленно, но иногда наступает время самых быстрых переворотов»⁴. Случается, что перед стремлением человеческих обществ к достижению возможно большего количества счастья вырастают препятствия⁵. «Всюду рождаются новые мысли, которые стремятся выйти наружу и найти свое применение в жизни, но они задерживаются инерцией всех тех, которые заинтересованы в сохранении старого порядка; они задыхаются под тяжестью состарившихся предрассудков и традиций»⁶. «Политические, экономические и социальные учреждения превращаются в развалины, а здание, ставшее необитаемым, мешает развитию всего того, что произрастает в его щелях и вокруг него»⁷. «Тогда необходимы крупные события, которые мгновенно порвали бы нити истории, выбросили бы человечество из его старой колеи и дали бы ему новое направление»⁸; «революция становится настоящей необходимостью»⁹. «Человек узнал свое положение в природе, он узнал, что его учреждения — суть его создания, что один только он

¹ Anarchist communism, S. 4.

² L'anarchie dans l'évolution socialiste, S. 28.

³ Paroles d'un révolté, S. 17.

⁴ Les temps nouveaux, S. 59.

⁵ Anarchist communism, S. 4.

⁶ Paroles d'un révolté, S. 275—276.

⁷ Ib. S. 277—278.

⁸ Ib. S. 17.

⁹ Ib. S. 275.

может их преобразовать»¹. «На что только не отваживалась техника, и чего только не совершают в настоящее время литература, образовательное искусство, драма, музыка!»² Поэтому и там, где какие-нибудь учреждения задерживают общественный прогресс, мы должны «начать борьбу для того, чтобы создать для всех богатую и обильную жизнь»³.

2. Из закона развития человеческого прогресса от менее счастливой жизни к более счастливой Кропоткин выводит требование справедливости и требование активной деятельности.

В борьбе за существование человеческие общества развиваются по направлению к такому состоянию, в котором осуществляются наилучшие условия для достижения наибольшего счастья человечества⁴. Если мы что-нибудь считаем хорошим, то мы этим говорим, что это хорошее способствует достижению цели, т.е. приносит пользу обществу, в котором мы живем, плохим же мы называем то, что, по нашему мнению, препятствует достижению цели, т.е. вредит обществу, в котором мы живем⁵.

Взгляды на то, что способствует установлению наилучших условий для достижения наибольшего человеческого счастья и что этому препятствует, т.е. взгляды на то, что полезно и что вредно для общества, могут, конечно, меняться⁶. Но при всем различии мнений всегда должно быть признано одно основное требование для достижения цели. Его «можно кратко выразить положением: делай другим то, что ты хочешь, чтобы в подобном случае другие делали по отношению к тебе»⁷. Но это положение есть «не что иное,

¹ Revolutionary studies, S. 9.

² Ib. S. 10.

³ La morale anarchiste, S. 74.

⁴ Anarchist communism, S. 4.

⁵ La morale anarchiste, S. 24, 31.

⁶ Ib. S. 30.

⁷ Ib. S. 30—31.

как основное положение равенства»¹; равенство же, в свою очередь, «обозначает то же самое, что солидарность»², «справедливость»³.

Однако существует еще другое основное требование для достижения цели. Это «нечто более высокое, красивое и сильное, чем простое равенство»⁴. Его можно выразить следующим образом: «Будь силен, будь страстен в мышлении и действии, и тогда твой разум, твоя любовь и сила твоих действий передадутся другим»⁵.

3. Право

I. С прогрессом человечества, от жизни менее счастливой к жизни более счастливой, по мнению Кропоткина, должно исчезнуть не право, а законом установленное право.

1. Законом установленное право представляет собой препятствие для прогресса человечества по направлению к возможно наибольшему счастью.

«Уже тысячи лет твердят правители: уважение перед законом»⁶; «в современных государствах на новый закон смотрят как на средство против всякого зла»⁷. «Но закон не может претендовать на уважение людей»⁸. «Закон есть искусственное смешение тех обычаев, которые полезны обществу и могут быть уважаемы также и без закона, с теми, которые полезны только для господствующего меньшинства, для масс же вредны и потому поддерживаются только страхом и боязнью»⁹. «Закон, сначала представлявший со-

¹ La morale anarchiste, S. 41.

² Ib. S. 38; La conquête du pain, S. 296.

³ Paroles d'un révolté, S. 129, 342.

⁴ La morale anarchiste, S. 57.

⁵ Ib. S. 61—62.

⁶ Paroles d'un révolté, S. 215.

⁷ Ib. S. 214.

⁸ Ib. S. 227.

⁹ Ib. S. 227.

бой соединение обычаев, поддерживающих общество, теперь является только орудием, которое способствует эксплуатации и господству богатых лентяев над рабочими массами. Закон не имеет в настоящее время никакой культурной задачи. Его единственной задачей является защита эксплуатации»¹. «На место прогрессивного развития он ставит окаменелую неподвижность»², «он стремится к тому, чтобы увековечить обычаи, полезные для господствующего меньшинства»³.

«Рассматривая те миллионы законов, которым повинуются человечество, можно наметить среди них три обширных класса: законы для защиты собственности, законы для защиты правительства и законы для защиты личности. При анализе этих трех классов всегда приходишь к одному и тому же результату: к бессмысленности и вредности закона. Насколько ценна защита собственности, это социалисты знают хорошо. Законы о собственности существуют не для того, чтобы обеспечить отдельным лицам или обществам доход с их труда, а, наоборот, для того, чтобы лишить производителя части его продукта и защитить меньшинство в его пользовании тем, что оно похитило у производителя или всего общества»⁴. Что касается законов для защиты правительства, то «мы знаем прекрасно, что все правительства без исключения имеют своей задачей сохранение при помощи насилия привилегий имущих классов, аристократии, духовенства и буржуазии. Нужно только проанализировать все эти законы, наблюдать их ежедневное действие для того, чтобы убедиться в том, что ни один из них не стоит того, чтобы его сохраняли»⁵. Точно так же «излишни и вредны, наконец, и законы, предохраняющие личность, налагающие наказание и пре-

¹ Paroles d'un révolté, S. 235.

² *Ib.* S. 219.

³ *Ib.* S. 226.

⁴ *Ib.* S. 236.

⁵ *Ib.* S. 239.

пятствующим «преступлениям». Страх наказания не удержал еще ни одного убийцу. Кто желает убить своего ближнего из мести или нужды, тот не задумывается над последствиями, и до сих пор каждый убийца еще был твердо убежден в том, что он избегнет преследования. Если бы убийство было объявлено безнаказанным, то количество убийств не только не увеличилось бы, но скорее уменьшилось бы, так как теперь многие убийства совершаются рецидивистами, испорченными в тюрьме»¹.

2. Человечество уже прошло ту ступень развития, которой соответствует установленное законом право.

«Закон сравнительно юное образование. Человечество многие столетия жило без всяких писаных законов. Тогда отношения людей между собою регулировались простыми привычками и обычаями, которые старина сделала священными и которые всякий усваивал себе с малолетства, как, например, охоту, скотоводство или хлебопашество»². Но когда общество стало все больше и больше распадаться на два враждебных класса, на класс господствующих и класс лишенных власти, временный победитель старался каждый раз упрочить законченный факт и во всех отношениях осветить его с той стороны, которую побежденный считал священной. Тогда-то явился закон, освященный церковью и защищаемый кулаком солдата»³.

Однако дни закона уже сочтены. «Везде существуют бунтовщики, не желающие больше повиноваться закону, пока они не узнают, откуда он произошел, в чем его польза, по какому праву он требует повиновения и что за основание для того, чтобы уважать его. Они подвергают своей критике все то, что до сих пор считалось основанием общества, и прежде всего фетиш, закон»⁴. Момент его исчезновения,

¹ Paroles d'un révolté, S. 240—242.

² *Ib.* S. 221.

³ *Ib.* S. 226.

⁴ *Ib.* S. 218—219.

который мы должны постараться ускорить¹, близок² и, может быть, наступит еще в конце девятнадцатого столетия³.

II. На ближайшей ступени развития, которой человечество должно вскоре достигнуть, законное право не будет существовать; будет существовать лишь право вообще. «Законы будут отменены совершенно»⁴; «неписаных обычаев»⁵, «обычного права», как выражаются юристы⁶, «будет достаточно для того, чтобы сохранить добрый мир»⁷. Эти нормы ближайшей ступени развития основываются на общей воле⁸, а их исполнение будет достаточно гарантировано «потребностью каждого человека в содействии, помощи и расположении»⁹, равно как и боязнью исключения из общества¹⁰. В необходимых же случаях исполнение норм будет вынуждено вмешательством отдельного гражданина¹¹ или массы¹²; они будут, следовательно, правовыми нормами.

Из правовых норм ближайшей ступени развития Кропоткин упоминает прежде всего те, в силу которых должны быть выполняемы договоры¹³.

Затем, согласно Кропоткину, на ближайшей ступени развития будет существовать такая правовая норма, в силу которой не только средства производства, но и все вещи вообще будут представлять собой общественную собственность¹⁴.

¹ La morale anarchiste, S. 74.

² Paroles d'un révolté, S. 264—265.

³ Ib. S. 235; L'anarchie dans l'évolution socialiste, S. 28—29.

⁴ Paroles d'un révolté, S. 227, 235.

⁵ Anarchist communism, S. 29.

⁶ Paroles d'un révolté, S. 221.

⁷ Ib. S. 221.

⁸ La conquête du pain, S. 229, 109.

⁹ Anarchist communism, S. 24.

¹⁰ La conquête du pain, S. 202.

¹¹ Revolutionary studies, S. 30.

¹² Paroles d'un révolté, S. 110, 134—135; La conquête du pain, S. 109.

¹³ La conquête du pain, S. 169, 128—129, 203—205.

¹⁴ Paroles d'un révolté, S. 136—137.

Дальнейшей же правовой нормой ближайшей ступени развития будет, по мнению Кропоткина, такая норма, в силу «которой каждый участник производства будет иметь право не только на жизнь, но также и право на покойную жизнь»¹.

4. Государство

I. С прогрессом, от менее счастливой жизни к жизни более счастливой, государство, по мнению Кропоткина, скоро должно исчезнуть.

1. Государство есть препятствие для развития человечества по направлению к возможно большему счастью.

«Чему же служит эта огромная машина, которую мы называем государством? Служит ли оно тому, чтобы помешать эксплуатации рабочего капиталистом, мужика землевладельцем? или тому, чтобы укрепить за нами работу? чтобы защитить нас от ростовщичества? чтобы дать нам пищу, если мать имеет только воду для своего ребенка? Нет, тысячу раз нет!»² «Государство вмешивается во все наши дела и держит нас в своих объятиях от колыбели до гроба. Оно определяет все наши поступки, накопляет горы законов и распоряжений, в которых не в силах разобраться самый ловкий адвокат. Оно создает целую армию чиновников, которые сидят, как пауки в паутине, и видят мир только сквозь грязные стекла своей канцелярии. Громадные, постоянно возрастающие суммы, беспрестанно взимаемые государством с народа, никогда не бывают достаточны; государство живет на счет будущих поколений и все более и более приближается к банкротству. «Государство» обозначает то же самое, что и «война»; одно государство старается ослабить другие и уничтожить их для того, чтобы

¹ La conquête du pain, S. 229.

² Paroles d'un révolté, S. 14.

навязать ему свои законы, свою политику, свои торговые договоры и обогатиться на его счет. Война является теперь в Европе обыкновенным состоянием; поводов к войне имеется в запасе хоть на тридцать лет. Одновременно с внешней войной свирепствует и внутренняя война. Государство, которое в начале должно бы было быть защитой для всех, в особенности для слабых, теперь стало орудием богатых против эксплуатируемых, орудием обладателей против немущих»¹.

При этом нет никакой разницы между различными формами государства. «В конце прошлого века французский народ низвергнул монархию и последний неограниченный король поплатился за свои преступления и преступления своих предшественников своей головой на эшафоте»². «Позднее все страны континента прошли то же самое развитие — они низвергнули свои неограниченные монархии и усвоили себе систему парламентаризма»³. «Теперь замечают, что парламентаризм, на который возлагались столь большие надежды, стал повсюду орудием интриг и средством для личного обогащения и вредных для народа стремлений»⁴. «Подобно всякому деспоту, каждое народное представительство — называйся оно парламентом, конвентом или чем-нибудь другим, будь оно создано префектами Бонапарта или выбрано восставшим городом на основании всевозможных свобод, — всегда будет стремиться к тому, чтоб расширить свое ведомство, увеличить свою власть всякого рода добавлениями и подавить самодеятельность личности или группы путем закона»⁵. «Только сорокалетнее движение, охватившее пламенем страну, заставило английский парламент обеспечить за арендаторами значение завоеванных ими улучшений.

¹ Paroles d'un révolté, S. 11—14.

² *Ib.* S. 172.

³ *Ib.* S. 173.

⁴ *Ib.* S. 175.

⁵ *Ib.* S. 181—182.

Если же события развернулись так, что интересам капиталистов угрожает падение путем ли восстания или только подстрекательства, — о! тогда каждое народное представительство готово на все меры, тогда оно действует беспощаднее и трусливее любого деспота. Безымянное животное с шестьюстами головами превзошло Людовика Одиннадцатого и Ивана Четвертого»¹. «Парламентаризм внушает отвращение каждому, кто видел его вблизи»².

«Господство людей, называющих себя «правительством», несовместимо с нравственностью, основанной на солидарности»³. Это доказывается лучше всего «так называемыми гражданскими правами, значение и ценность которых буржуазная пресса восхваляет каждодневно на все лады»⁴. «Но разве права эти созданы только для тех, которые нуждаются в них? Конечно, нет. Всеобщее избирательное право может иной раз защитить буржуазию от вмешательства центральной силы, оно может установить равновесие двух сил, в то время как раньше для этого обе стороны вынуждены были употребить насилие друг против друга. Но оно лишено ценности, когда речь идет о том, чтобы низвергнуть или хотя бы только ограничить насилие. Для господствующих классов это — прекрасное средство при решении своих споров; но какую же пользу может оно принести поработенным? Так же дело обстоит и со свободой печати. Что говорит в пользу свободы печати, по мнению буржуазии? Ее бессилие. «Посмотрите, — говорит, — на Англию, Швейцарию, Соединенные Штаты. Там пресса свободна, и нигде, однако, господство капитала не достигает такого могущества, как там». То же самое думают и о праве союзов. «Почему нам не дать полной свободы сою-

¹ Paroles d'un révolté, S. 183—184.

² Ib. S. 190.

³ Ib. S. 19.

⁴ Ib. S. 33.

зов?» — говорит буржуазия. — Она не причинит вреда нашим привилегиям. Мы должны бояться только тайных обществ; открытые фереины наилучшее средство для того, чтобы парализовать их». «Неприкосновенность жилища? — говорит хитрая буржуазия. — Разве мы не должны охранять ее, и неужели полиция должна повсюду совать свой нос? В нужный момент мы не посмотрим на эту неприкосновенность и арестуем людей в постелях». «Тайна писем? Пусть будет провозглашена их неприкосновенность, при ней мы тоже будем иметь возможность сохранять наши маленькие тайны. В случае комплота против наших привилегий мы не будем больше церемониться. А если кто-нибудь будет противоречить, то мы скажем то, что недавно один английский министр кратко высказал, при одобрении всего парламента, в следующих словах: «Да, господа, с тяжелым сердцем и глубоким отвращением вынуждены мы вскрыть письма, но отечество (т.е. аристократия и буржуазия) в опасности!» Вот они, политические права. Свобода печати и союзов, неприкосновенность жилища и все остальное терпимо лишь до тех пор, пока народ ими не пользуется против привилегированных классов. Но в тот день, когда народ начнет пользоваться ими для уничтожения привилегий, все эти «права» будут выброшены за борт»¹.

2. Человечество скоро пройдет ту ступень развития, которой соответствует государство. Государство осуждено на смерть².

Государство «сравнительно юного происхождения»³. «Государство — это историческая формация, ставшая в известное время в жизни всех народов постепенно на место свободных союзов. Церковь, закон, военная сила и богатство, добытое грабежом, стали столетия тому назад общими

¹ Paroles d'un révolté, S. 35—39.

² L'anarchie dans l'évolution socialiste, S. 30.

³ Anarchist communism, S. 7.

фактами; камень за камнем, посягательство за посягательством были созданы они и осуществили чудовищный порядок, который проник в конце концов во все уголки общественной жизни и который мы называем государством»¹.

Теперь государство находится в состоянии разложения. «Народы, особенно латинской расы, хотят уничтожить его могущество, которое только препятствует их свободному развитию; они хотят самостоятельности провинций, общин и рабочих групп, они не желают нести на себе такого господства и стремятся образовать между собой свободные союзы»². «Разложение государства подвигается вперед с ужасающей быстротой. Государства стали слабыми стариками, с морщинистой кожей и трясущимися ногами, разъедаемыми внутренними болезнями и лишенными понимания новых идей. Они расточают свои небольшие силы, которые еще сохранились, живут на счет своих сочтенных уже дней и ускоряют свой конец, набрасываясь друг на друга, как старые бабы»³. Момент исчезновения государства, следовательно, близок⁴. По мнению Кропоткина, он наступит через несколько лет⁵, или в конце девятнадцатого века⁶.

II. На ближайшей ступени развития, которой человечество должно скоро достигнуть, место государства займет совокупное общежитие людей на почве правовой нормы, состоящей в том, что договоры должны быть выполняемы. Анархизм «неизбежно»⁷ является «ближайшей высшей формой общественного развития»⁸.

¹ Les temps nouveaux, S. 49—50.

² Paroles d'un révolté, S. 10.

³ Paroles d'un révolté, S. 9—10.

⁴ Ib. S. 264—265.

⁵ Ib. S. 139.

⁶ Ib. S. 235. L'anarchie dans l'évolution socialiste, S. 28—29.

⁷ L'anarchie dans l'évolution socialiste, S. 30.

⁸ Anarchist communism, S. 4, 7.

1. И после уничтожения государства люди будут жить общественной жизнью, но не правительственное насилие, а правовой договор будет связывать их между собой. «Свободное единение отдельных личностей в группы, групп в союзы, свободное развитие от простого к сложному, смотря по желанию и по симпатии»¹, — вот будущая форма общества.

Мы можем уже в настоящее время заметить рост анархического движения, т.е. движения, «имеющего своей целью ограничение правительственной деятельности. После того как человечество испробовало все формы правления, оно хочет теперь сбросить все правительственные оковы, жить лучше сообща и в полной свободе»². «Свободные союзы начинают завоевывать себе все поле человеческой деятельности»³. «Громадные организации, основывающиеся единственно на соглашениях, становятся все многочисленнее и многочисленнее. Примером служат: сеть железных дорог по Европе, которая основывается на соединении сотен самостоятельных обществ, Голландские общества корабле-хозяев уже начали вытеснять немецкое речное судоходство и озерную торговлю на Восточном Озере, многочисленные торговые союзы и синдикаты во Франции. Более благородным целям служит общество для спасения потерпевших кораблекрушение, госпитальное общество и сотни подобных организованных союзов. Особенное внимание обращает на себя общество Красного Креста: задачей государства остается умерщвление людей на поле битвы, но это самое государство показывает себя неспособным помогать своим раненым и передает это дело по большей части частным лицам»⁴. «Эти стремления получают свободное разви-

¹ L'anarchie dans l'évolution socialiste, S. 26.

² Anarchist communism, S. 23.

³ Paroles d'un révolté, S. 117—118.

⁴ Anarchist communism, S. 25—27.

тие, найдут новые области применения, разрастаясь колоссально, и образуют основы будущего общества»¹.

«Соглашение между сотнями обществ, которым принадлежат в Европе железные дороги, установилось непосредственно, без вмешательства какой-нибудь центральной силы, которая предписывала бы различным обществам законы. И это обоюдное согласие поддерживается конгрессами, на которые съезжаются делегаты, чтобы сообща вести переговоры и предложить затем своим доверителям не законы, а планы. Это совершенно новый порядок, чуждый, безусловно, всякого правительства, будь то монархическое или республиканское, абсолютное или конституционное правительство. Это новшество сначала проникает в Европу медленным шагом, но ему принадлежит зато будущее»².

2. «Как разовьется в будущем обществе общественная жизнь, над этим было бы бессмысленно сейчас ломать голову. Но относительно основных черт мы уже теперь должны согласиться»³. «Мы не должны забывать, что мы, может быть, через один или через два года будем призваны решать все вопросы социального устройства»⁴.

Будут существовать общины; но «эти общины вовсе не представляют из себя группировки людей в определенной области; они не знают границ и стен; община есть группировка единомыслящих и не является строго отграниченным целым. Различные группы одной общины будут чувствовать себя связанными с подобными же группами других общин; они будут с ними связаны такой же надежной связью, как и со своими согражданами; таким образом, получают осуществление сообщества по одинаковости интересов, члены которых будут рассеяны в тысячах городов и деревень»⁵.

¹ Paroles d'un révolté, S. 118.

² La conquête du pain, S. 174.

³ Revolutionary studies, S. 25.

⁴ Ib. S. 26.

⁵ Paroles d'un révolté, S. 117.

Люди будут соединяться в такие общины посредством «договоров»¹. Они «примут на себя обязанности по отношению к обществу»², которое со своей стороны по отношению к ним будет иметь свои обязательства³. Не нужно будет принуждать к исполнению этих договоров⁴, не будет надобности ни в наказаниях, ни в судьях⁵. Исполнение договоров будет достаточно гарантировано «потребностью каждого в сотрудничестве, помощи и расположении»⁶; кто не исполнит своих обязанностей, того можно будет исключить⁷.

В общинах всякий «сам будет делать все нужное, не ожидая приказов правительства»⁸. «Община уничтожит государство не для того, чтобы его опять восстановить»⁹. «Люди поймут, что можно пользоваться наибольшей свободой и наибольшим счастьем, если и не иметь никаких депутатов и так же мало надеяться на народных представителей, как на провидение»¹⁰. Не будет темниц и никаких других карательных учреждений¹¹; «наилучшим средством против немногочисленных антисоциальных поступков, которые должны еще будут происходить, будет хорошее обращение, нравственное влияние и свобода»¹².

Общины, в свою очередь, соединяются между собой точно так же, как и члены отдельных общин, при помощи договоров¹³. «Община будет признавать для себя интересы только того союза, с которым она свободно заключила до-

¹ La conquête du pain, S. 169, 203.

² Ib. S. 128—129, 136, 145.

³ Ib. S. 203—205.

⁴ Anarchist communism, S. 29—30; La conquête du pain, S. 188.

⁵ Leg prisons, S. 49.

⁶ Anarchist communism, S. 24.

⁷ La conquête du pain, S. 202.

⁸ Paroles d'un révolté, S. 139.

⁹ Ib. S. 111.

¹⁰ Ib. S. 175.

¹¹ Les prisons, S. 49.

¹² Ib. S. 58—59.

¹³ La conquête du pain, S. 44—45.

говор»¹. «Ввиду многочисленности наших потребностей один союз вскоре не будет более достаточен; община почувствует необходимость образовать еще иные связи, присоединиться к тому или другому союзу иного порядка. В целях добывания средств к существованию она сделалась сочленом одной группы. Теперь она должна присоединиться к другой для того, чтобы получить другие предметы, в которых она нуждается, например, металл, а потом и к третьей и четвертой, которые доставят ей материи и произведения искусств. Если взять в руки экономический атлас какой-нибудь страны, то станет ясно, что для этого не существует экономических границ: области производства и обмена различными предметами проникают друг в друга, уничтожают собственные границы и взаимно покрываются. Таким образом, союзы общин, если бы они последовали своему естественному развитию, скоро получили бы такое же, лишенное взаимных границ, распространение и образовали бы бесконечно частую сеть и совсем иное «единство», чем государства, отдельные части которых лежат друг подле друга единственно, как прутья около топора ликтора»².

3. Будущее общество будет в состоянии легко выполнить все те задачи, которые теперь выполняет государство.

«Предположим, что необходимо устроить улицу. В таком случае жители соседних общин могут взаимно соединиться, и они сделают это дело лучше, чем министр общественных работ. Или, предположим, необходима железная дорога. И тут также заинтересованные общины соорудят нечто совсем иное, чем предприниматель, который построит небольшое расстояние и заработает на этом миллионы. Или нужны школы. Их можно самим устроить, и по меньшей мере так же хорошо, как это делают господа в Париже. Предположим, что враг напал на страну. В таком случае мы защитим

¹ Paroles d'un révolté, S. 108.

² Ib. S. 115—116.

себя сами, вместо того чтобы полагаться на генералов, которые могут изменить нам. Или крестьянин должен добыть себе орудия производства и машины. Тогда он вступает в союз с городскими рабочими, и эти последние будут доставлять ему их в виде натуральной платы за его произведения; в таком случае предприниматель, который теперь обкрадывает и рабочего, и крестьянина, станет лишним»¹. «Или положим, что возникли небольшие раздоры или сильный желает поработить слабого. В первом случае народ сам устроит третейский суд, во втором же случае каждый гражданин вменит себе в обязанность самому вмешаться и не ждать полиции; полицейские будут так же не нужны, как и судьи и тюремные сторожа»².

5. Собственность

I. С прогрессом человечества, от менее счастливой жизни к жизни более счастливой, скоро исчезнет, согласно Кропоткину, не собственность вообще, а ее современная форма, т.е. частная собственность.

1. Частная собственность стала препятствием для развития человечества по направлению к высшему счастью.

Каковы же в настоящее время результаты частной собственности? «Кризис, который раньше обострялся, теперь стал хроническим; кризис в хлопчатобумажном производстве, кризис в горной промышленности, кризис в часовом деле — все эти кризисы свирепствуют теперь одновременно, и им конца не видно. Безработных теперь считают в Европе многими миллионами; десятками тысяч считают тех, которые нищенствуют по городам и собираются массами для того, чтобы с угрозами требовать «работы или хлеба». Большие отрасли промышленности уничтожаются,

¹ Paroles d'un révolté, S. 166.

² Revolutionary studies, S. 30.

большие города, как, например, Шеффилд, пустеют. Все затихает там, где царствуют нужда и бедность: дети бледны, женщины за одну зиму стареют на пять лет, болезнь и смерть свирепствуют среди рабочих, — и начинают поговаривать о перепроизводстве!»¹ Можно было бы признать, что по крайней мере на крестьянское земельное владение частная собственность оказывает благодетельное влияние². «Но золотой век миновал для мелкого крестьянства. Оно вряд ли сознает, как оно должно нынче пробиваться. Оно вязнет в долгах, становится жертвой скотопромышленников, кулаков и ростовщиков; вексель и ипотека губят всякую деревню еще более, чем ужасающие государственные и общественные поборы. Положение мелкой собственности отчаянное, и если мелкий деревенский землевладелец еще по имени остается собственником, то на самом деле он уже не что иное, как оброчник капиталистов и ростовщиков»³.

Но частная собственность имеет еще и другие, косвенные результаты. «Пока мы имеем касту лентяев, которые могут питаться от нас под тем предлогом, что они должны руководить нами, до тех пор эти лентяи будут рассадником заразы для общей нравственности. Кто живет лениво и глупо, заботится постоянно только о новых удовольствиях, кто уже по существу своего существования не может понимать солидарности и образом своей жизни развивает в себе низкий эгоизм, — тот будет всегда предаваться низким и самым грубым наслаждениям и все кругом себя унижать для своего удовольствия. Он будет жить своим кошельком, полным талерами, и своими животными потребностями, будет бесчестить и женщин, и детей, унижать искусство, театр, прессу, продаст свое отечество и его защитников, и так как у него не хватит смелости покончить с собой, он

¹ Paroles d'un révolté, S. 5—6.

² Ib. S. 322—323.

³ Ib. S. 326.

допустит умерщвление выборных своего народа, если только хоть один день будет бояться за целостность своей мощны»¹. «Год за годом растут тысячи детей в телесной и нравственной нечистоте наших больших городов, среди испорченного борьбой за насущный хлеб населения, причем каждый день они видят безнравственность, праздность, расточительность и блеск, которыми полны эти самые города»². «Так порождает постоянно общество такие существа, которые неспособны к честной и трудолюбивой жизни и полны антисоциальных чувств. Оно чтит их, когда они успевают в своих преступлениях, и сажает их в смиренный дом, если они несчастливы»³.

«Частная собственность нарушает справедливость». «Все накопленное богатство создал общественный труд, труд настоящего и прошедших поколений. Дом, в котором мы собираемся, имеет ценность только потому, что он находится в Париже, который занимает господствующее положение и в котором труд накапливался двадцатью поколениями. Если бы его перенести на снежные поля Сибири, он сделался бы почти лишенным ценности. Вот эта машина, тобою изобретенная и для тебя патентованная, заключает в себе труд пяти или шести поколений; она имеет ценность, как часть того огромного целого, которое мы называем индустрией девятнадцатого столетия. Дать твою кружевную машину папуасам из Новой Гвианы — и она потеряет значение»⁴. «Наука и промышленность, теория и практика, изобретение и исполнение, которое ведет опять к новым изобретениям, умственная и физическая работа, — все это связано между собой. Всякое открытие, всякий прогресс, всякое увеличение наших богатств вытекает из

¹ Paroles d'un révolté, S. 24.

² Les prisons, S. 47.

³ Ib. S. 49.

⁴ L'anarchie dans l'évolution socialiste, S. 10.

общей физической и духовной деятельности прошлого и настоящего. По какому праву кто-либо может присвоить себе хоть малейшую частицу этого целого и сказать: это принадлежит мне, а не вам»¹. Но это несправедливое присвоение того, что принадлежит обществу, тем не менее происходит. «С течением времени немногие присвоили себе все то, что делает возможным для людей производство товаров и рост их производительной силы. В настоящее время земля, которая своей ценностью обязана потребностям постоянно увеличивающегося населения, принадлежит меньшинству, которое может препятствовать народу в ее обработке и в действительности препятствует ему в этом или по меньшей мере не позволяет обрабатывать ее соответственно потребностям нового времени. Рудники, представляющие собой труд поколений, ценность которых основывается единственно на потребностях индустрии и на плотности населения, тоже принадлежит немногим, и эти немногие ограничивают добывание угля или запрещают его совершенно, если находят лучшее применение своим деньгам. И машины представляют собой собственность горстки людей, и даже, если машина до нынешнего своего совершенства доведена, несомненно, тремя поколениями рабочих, она тем не менее принадлежит немногим работодателям. Дороги, которые без густого населения, индустрии, торговли и сношений были бы железным хламом, принадлежат двум-трем акционерам, которые, быть может, совсем не знают тех расстояний, из которых они извлекают княжеские доходы»².

2. Степень развития, к которой относится частная собственность, будет скоро перейдена человечеством. Частная собственность осуждена на гибель»³.

¹ La conquête du pain, S. 8—9.

² Ib. S. 9—10.

³ L'anarchie dans l'évolution socialiste, S. 30.

Частная собственность — это историческое образование; оно «развилося, как паразит, среди свободных учреждений наших предков»¹ в самой тесной связи с государством. «Политическое устройство общества есть постоянное выражение и освящение его экономического строя»². «Происхождение и право на существование государства заключается в том, что оно все делает в пользу имущих и во вред неимущим»³. «Всемогущество государства — это фундамент, на котором зиждется сила буржуазии»⁴.

Но частная собственность уже пошла навстречу своему разложению. «Экономический хаос не может долго поддерживаться. Народ утомлен кризисами, которые вызываются алчностью господствующих классов. Он хочет работать и жить, а не мучиться два-три года из-за скудной платы для того, чтобы затем на многие годы стать жертвой нищеты и объектом благотворительности. Рабочий видит праздность господствующих классов, он видит, что они не способны ни понять его стремлений, ни руководить производством и обменом товаров»⁵. «Характерной чертой нашего века является рост социализма и неудержимое распространение социалистических воззрений среди рабочего класса»⁶. Момент исчезновения частной собственности, следовательно, близок; произойдет ли он через несколько лет⁷ или в конце девятнадцатого столетия⁸ — все равно он скоро наступит⁹.

II. На ближайшей ступени человеческого развития, которая согласно этому скоро должна наступить, собствен-

¹ Anarchist communism, S. 11.

² Paroles d'un révolté, S. 169.

³ Les temps nouveaux, S. 45.

⁴ Revolutionary studies, S. 17.

⁵ Paroles d'un révolté, S. 7—8.

⁶ Anarchist communism, S. 44.

⁷ Paroles d'un révolté, S. 139; L'anarchie; Sa philosophie -- son idéal, S. 25.

⁸ Paroles d'un révolté, S. 235; L'anarchie dans revolution socialiste, S. 28—29.

⁹ Paroles d'un révolté, S. 264—265.

ность будет так преобразована, что превратится в общественную собственность. «Ближайшей, высшей формой общественного развития»¹ будет, и притом «неизбежно»², не только анархизм, но «анархический коммунизм»³. «Стремление к экономической и стремление к политической свободе суть выражения одной и той же потребности в равенстве, на которой основывается всякая историческая борьба»⁴; «наше столетие характеризуется той силой, с которой выступают оба эти стремления»⁵.

Таким образом, всякому человеку, участвующему известным образом в производстве, будет гарантирована приятная жизнь.

1. На ближайшей ступени человечества будет известна только общественная собственность.

Во все современные учреждения постоянно проникает коммунистический дух. Налоги на мосты уничтожаются, и проезд по ним становится свободным; шлагбаумы исчезают, и улицы становятся открытыми для проезда. Тот же дух проникает собой тысячи других учреждений. Музеи, библиотеки, общественные школы, парки и места для игр, вымощенные и освещенные улицы открыты для всех. По отношению к водопроводу все сильнее и сильнее обнаруживается стремление оставлять без внимания количество употребляемой в каждом хозяйстве воды. Железные и конные дороги уже вводят расписания и единые тарифы и пошли бы еще дальше в этом направлении, если бы они не представляли собой частной собственности⁶.

Будущее общество будет, таким образом, коммунистическим. «Первым делом общины девятнадцатого столетия

¹ Anarchist communism, S. 4, 7.

² L'anarchie dans revolution socialiste, S. 30.

³ Paroles d'un révolté, S. 88; L'anarchie dans revolutions socialiste, S. 30.

⁴ Anarchist communism, S. 8.

⁵ Ib. S. 8.

⁶ Ib. S. 21.

будет то, что она овладеет всем общественным капиталом, накопленным в ее недрах»¹. «Это справедливо «по отношению к средствам потребления точно так же, как и к средствам производства»². «Существует стремление различать капитал, который служит обществу для производства, и капитал, который удовлетворяет жизненные потребности, и утверждать, что машины, фабрики и сырой продукт, средства передвижения, а также земля должны стать общественной собственностью, тогда как жилища, обработанный материал, платья и съестные припасы должны, наоборот, оставаться частной собственностью. Это различие ошибочно и неосуществимо. Дом, нас предохраняющий своими стенами, уголь и газ, которые мы зажигаем, пища, согревающая наше тело, одежда, покрывающая нас, и книга, из которой мы поучаемся, равно как и удовольствия, которыми мы наслаждаемся, — все это представляет важность для нашего существования и настолько же необходимо для успешного производства и дальнейшего развития человечества, как и машины, фабрики, сырые продукты и иные факторы производства. При существовании частной собственности на них останутся существовать и неравенство, угнетение и эксплуатация; частичное уничтожение частной собственности было бы с самого начала бесполезно»³.

Нечего при этом опасаться одиночества коммунистических общин⁴. «Если бы в настоящий момент какой-нибудь большой город преобразовался в коммунистическое сообщество и была бы осуществлена общность не только орудий труда, но и средств потребления, то вскоре бы на его рынках появились обозы, а из дальних портов прибыли бы сырые продукты, конечно, в том случае, если он не был

¹ Paroles d'un révolté, S. 110.

² Ib. S. 137.

³ Ib. S. 136.

⁴ Ib. S. 114.

бы обложен кругом вражескими войсками; но продукты производства, удовлетворив потребности населения, стали бы искать покупателей во всех концах света; чужестранцы устремились бы сюда и изблизи, и издалека толпами, а потом дома рассказывали бы об удивительной жизни свободного города, где все работают, где нет ни бедных, ни угнетенных, где каждый пользуется плодами трудов своих и никто не причиняет благодаря этому ущерба другим людям»¹.

2. Коммунизм будущего общества не будет «монастырским или казарменным коммунизмом, как его раньше проповедовали, а будет свободным коммунизмом, который предоставит общее производство во всеобщее распоряжение, причем каждый будет иметь свободу пользоваться им по своему усмотрению»². Выяснить себе все детали коммунизма теперь, конечно, еще невозможно: «однако же мы должны держаться одного мнения относительно его основных пунктов»³.

Какую форму примет производство богатств?

Прежде всего должно быть произведено то, что «необходимо для удовлетворения первичных потребностей людей»⁴. Для этого достаточно того, «чтобы все взрослые, за исключением тех женщин, на которых лежит обязанность воспитывать детей, обязались бы с двадцати или двадцати пяти лет до сорока пяти или пятидесяти ежедневно посвящать пять часов по собственному выбору одной из тех работ, которая признана необходимой»⁵. «Так, например, каждое общество заключит со своим членом такого рода договор: Мы предоставим тебе пользование нашими домами, амбарами, улицами, путями передвижения, школами, музеями и т.д. под условием, что ты с двадцати лет до сорока пяти

¹ Paroles d'un révolté, S. 113—114.

² L'anarchie dans l'évolution socialiste, S. 12.

³ Revolutionary studies, S. 25.

⁴ La conquête du pain, S. 239.

⁵ Ib. S. 128—129.

или пятидесяти ежедневно будешь употреблять пять часов на одну из необходимых работ. Ты всегда можешь выбрать себе ту группу, к которой ты хочешь примкнуть, или же образовать другую под условием, что она готова будет делать необходимые работы. В свободное от обязательных занятий время ты можешь с кем тебе угодно составить общество для научного или эстетического отдыха. Таким образом, мы требуем от тебя не более 1200 или 1500 часов ежегодной работы в одной из групп, которые производят пищу, одежду, жилище, или заботятся о гигиене, о путях сообщения и т.д., и за это мы доставляем тебе все то, что эти группы производят или должны производить»¹.

Таким образом, остается достаточно времени для того, чтобы выработать и продукты, необходимые для удовлетворения менее настоятельных потребностей. «Если в поле или на фабрике та работа, которая налагается обществом, уже закончена, то другую часть дня, недели или года можно посвятить удовлетворению художественных или научных потребностей»². «Любитель музыки, который захотел бы иметь рояль, мог бы вступить в союз фортепьянных мастеров; он отдал бы сюда часть своего дня и скоро получил бы желанный рояль. Тот же, кто тяготеет к астрономии, вошел бы в союз исследователей неба с его философами, наблюдателями, счетчиками и оптиками, его учеными и любителями; и он получил бы желаемый телескоп, если бы сделал только какую-нибудь работу общего характера, так как для обсерватории необходима целая масса грубой работы, труд каменщика, столяра, литейщика, механика; последняя отделка измерительных инструментов лежит, конечно, только на артисте своего дела. Одним словом, пяти — семи часов, которые каждый имеет свободными после того, как он предварительно несколько часов посвятит выработке

¹ La conquête du pain, S. 203—204.

² Ib. S. 136.

необходимого, вполне достаточно для того, чтобы доставить ему возможность производства роскоши всякого рода»¹.

«Не будет больше разъединения между земледелием и промышленностью. Фабричные рабочие будут одновременно и земледельцами»². «Будучи главным образом периодическим занятием, которое требует в известное время, особенно во время жатвы, а еще более во время удобрения почвы, увеличения рабочей силы, земледелие создаст единение между деревней и городом»³. Равным образом «будет положен конец разделению между духовной и физической работой»⁴. «Поэты и ученые не найдут ни одного бедняка, который за тарелку супа продал бы им свои силы; они должны будут соединиться, чтобы самим отпечатывать свои сочинения. В таком случае писатели, а также и их почитатели и почитательницы скоро освоятся с техникой типографского дела; они научатся понимать то наслаждение, которое доставляется самостоятельной отпечаткой для общества того произведения, которое они ценят»⁵. «Каждая работа будет приятна»⁶. «Если теперь существует неприятная работа, то это потому, что люди науки никогда не задумывались над тем, чтобы сделать ее более приятной; они всегда знали, что существует достаточно голодающих, которые за пару грошей будут работать и так»⁷. «Фабрики, заводы, рудники, могут быть так же гигиенично устроены, как и самые лучшие лаборатории наших университетов; и чем совершеннее они будут устроены, тем больший доход будет от них получаться»⁸. Плоды такой работы будут «бес-

¹ *La conquête du pain*, S. 150—151.

² *Ib.* S. 96.

³ *Paroles d'un révolté*, S. 330—331.

⁴ *La conquête du pain*, S. 195—196.

⁵ *Ib.* S. 137.

⁶ *Ib.* S. 153.

⁷ *Anarchist communism*, S. 31.

⁸ *La conquête du pain*, S. 156.

конечно лучше и многочисленнее, чем богатства, которые до сего времени добывались под игом рабства, крепостничества и эксплуатации труда»¹.

Как же будет распределено богатство?

Каждый, кто вносит свою часть в производство, получит также и свою часть продукта. Но этот надел продукта не будет соответствовать участию в производстве. «Каждому по его силам, каждому по его потребностям»². «Потребность поставят выше участия каждого в труде; будет признано, что каждый человек, который в некоторой степени участвовал в производстве, имеет право на жизнь, и даже на приятную жизнь»³; «каждый независимо от того, слаб он или силен, способен или неспособен, должен иметь право на жизнь и именно «право на приятную жизнь; далее, ему предоставляется право самому решать, что считать приятной жизнью»⁴.

Запас богатства общества даст полнейшую возможность для этого. «Когда, с одной стороны, видишь ту быстроту, с какой возрастает продуктивная сила культурных народов, с другой же стороны — границы, которые поставлены, косвенно или непосредственно, их производительности существующими условиями, то приходишь к тому заключению, что даже мало-мальски осмысленное экономическое законодательство даст возможность культурным народам в течение немногих лет накопить столько полезных предметов, что придется воскликнуть: «Достаточно! достаточно угля! достаточно хлеба! достаточно платья! Мы хотим отдохнуть, с большою пользою употребить наши силы и наше время»⁵.

Но как же поступить, если потом запас богатств окажется недостаточным для всех потребностей? «Решение гласит:

¹ La conquête du pain, S. 193.

² L'anarchie dans l'évolution socialiste, S. 12.

³ La conquête du pain, S. 229.

⁴ Ib. S. 26.

⁵ Ib. S. 28.

свободное пользование всем тем, что имеется в избытке, разделение того, в чем может оказаться недостаток, причем разделение это будет производиться по потребностям, но будет оказано преимущество детям, старым и вообще слабым. Так происходит теперь уже в деревне. Какая община думает об ограничении свободы и пользования лугами, пока она имеет их достаточно? Какая община препятствует своим членам, пока у нее достаточно хворосту и каштанов, употреблять их столько, сколько ей угодно? И что предпринимает крестьянин, когда топливо на исходе? Разделение по порциям»¹.

6. Осуществление

Переворот, ожидаемый с прогрессом человечества, от менее счастливой к более счастливой жизни, т.е. исчезновение государства, преобразование права и собственности и наступление нового строя произойдет, согласно Кропоткину, путем социальной революции, т.е. посредством насильственного ниспровержения старого строя, которое хоть и совершится само собой, но подготовка к которому есть обязанность тех, которые предвидят ход развития.

I. Мы знаем, что мы «без сильных потрясений не достигнем будущего строя»². «Чтобы справедливость победила и чтобы новые идеи сделались действительностью, необходима ужаснейшая буря, которая унесла бы с собой всю гниль, оживила бы своим дыханием уставшие души и возвратила бы устаревшему, разложившемуся и падающему обществу способность жертвовать собою, самоотречение и геройский дух»³. Необходима, далее, «социальная революция, т.е. конфискация народом всего общественного бо-

¹ L'auarchie dans l'évolution socialiste, S. 13.

² Ib. S. 28.

³ Paroles d'un révolté, S. 280.

гатства и уничтожение всякой власти»¹. «Социальная революция уже стучится в дверь»²; «мы можем ожидать ее еще в конце этого столетия»³. «Она может произойти через несколько лет»⁴. Она является «нашей исторической задачей»⁵. «Она произойдет независимо от нашей воли, хотим ли мы ее или нет»⁶.

1. «Социальная революция представляет собой не восстание нескольких дней — она может продлиться три, четыре года, пять лет, пока не закончится преобразование общественных и материальных отношений»⁷. «В течение этого времени взойдет все то, что мы теперь сеем, и принесет плоды, а тот, кто пока еще равнодушен к новому учению, сделается его убежденным приверженцем»⁸. Социальная революция не ограничится также какой-нибудь одной местностью. «Незачем, конечно, предполагать, что она начнется одновременно во всех частях Европы»⁹. «В Германии революция ближе, чем это думают»¹⁰. «Но где бы она ни началась, во Франции ли, Германии, Испании или России, она в конце концов распространится на всю Европу; она разгорится с такой же быстротой, как революция наших предков, героев 1848 года, и охватит огнем всю Европу»¹¹.

2. Первым действием социальной революции будет разрушение¹². «Страсть к разрушению, которая так естественна и справедлива, потому что она является одновременно и

¹ Paroles d'un révolté, S. 261.

² La conquête du pain, S. 22.

³ L'anarchie dans l'évolution socialiste, S. 28.

⁴ Paroles d'un révolté, S. 139.

⁵ Un siècle d'attente, S. 32.

⁶ L'anarchie dans l'évolution socialiste, S. 29.

⁷ Paroles d'un révolté, S. 90; Revolutionary studies, S. 23.

⁸ Ib. S. 90—91.

⁹ La conquête du pain, S. 85.

¹⁰ L'anarchie. Sa philosophie — son idéal, S. 26.

¹¹ L'anarchie dans l'évolution socialiste, S. 28—29.

¹² Ib. S. 263.

страстью обновления, получит полное оправдание. Сколько старого хлама надо выбросить! Разве не все нуждается в преобразовании: дома, города, ремесленные и сельские производства и все общественные учреждения»¹. «Немедленно должно быть разрушено все то, что необходимо уничтожить: остроги, тюрьмы, крепости, в городах вредные для здоровья кварталы, очумленным воздухом которых мы так долго дышали»².

И тем не менее социальная революция не будет страшным временем. «Понятно, что борьба потребует жертв. Легко понять, что народ в Париже, раньше чем отправился сражаться на границу, перебил в тюрьмах всех дворян, которые вместе с неприятелями рассчитывали подавить революцию. Того, кто будет порицать его за это, следует спросить: страдал ли ты вместе с народом и так, как он? В противном случае стыдись и молчи»³. Но народ никогда не станет, подобно королям и царям, возводить страх в систему. «Он имеет жалость к жертвам, он слишком добросердечен для того, чтобы жестокость ему скоро не надоела. Общественный прокурор, катафалк, гильотина возбуждают скоро отвращение. Через некоторое время узнают, что подобное время ужасов подготавливает только диктатуру; и гильотина будет уничтожена»⁴.

Сначала будет ниспровергнуто правительство. «Его силы бояться нечего. Правительства только кажутся страшными; первый напор возмущившегося народа повергает их наземь; некоторые из них могут быть разрушены в два часа»⁵. «Народ поднимается, и государственная машина уже стоит; чиновники в замешательстве не знают, что им делать; войско потеряло доверие к своим предводителям»⁶.

¹ Paroles d'un révolté, S. 342.

² Ib. S. 342.

³ Les prisons, S. 57.

⁴ Revolutionary studies, S. 16.

⁵ Paroles d'un révolté, S. 166.

⁶ Ib. S. 246.

Но с этим еще не все кончено. «В тот день, когда правительство будет ниспровергнуто народом, должна быть уничтожена и частная собственность путем насильственной экспроприации, не дожидаясь никаких распоряжений сверху»¹. «Крестьяне прогонят крупных землевладельцев, а их имения объявят общественной собственностью; они уничтожат закладные и провозгласят всех свободными от долгов»². В городах «народ овладеет всем накопленным там богатством, отстранит фабрикантов и возьмет производство в свои руки»³. Уничтожение частной собственности должно быть общим; и только уничтожение ее в широких размерах в состоянии будет начать преобразование общества, экспроприация же в небольших размерах будет походить на обыкновенный грабеж»⁴. Она распространится не только на средства производства, но и на средства потребления; «первое, что народ сделает после переворота, будет то, что он приобретет себе здоровые квартиры, достаточное количество пищи и платья»⁵. Тем не менее экспроприация будет иметь «свои границы»⁶. «Предположим, что бедняк выгнан из-за бедности из того дома, в котором он жил со своей семьей. Что же, его выбросить на улицу? Конечно, нет! Если дом для него и его семьи достаточно велик, он должен в нем остаться и продолжать разрабатывать сад под своими окнами. Наши парни должны необходимо прийти к нему на помощь. Если же он наймет одну комнату у кого-нибудь другого, то народ должен ему сказать: знаешь ли, брат, ты по возрасту более ничем уж не обязан? Живи в своей комнате даром; перед исполнителями судебных приговоров тебе бояться теперь нечего — ведь мы представляем новое общество!»⁷ «Экспроприация рас-

¹ Paroles d'un révolté, S. 134—135.

² *Ib.* S. 167.

³ *Ib.* S. 135.

⁴ *Ib.* S. 337.

⁵ La conquête du pain, S. 63.

⁶ *Ib.* S. 56.

⁷ *Ib.* S. 109.

пространится только на то, что кому-либо дает возможность эксплуатировать чужой труд»¹.

3. «За разрушением последует создание нового общества»².

Большинство представляет себе революцию «с революционным правительством»³ во главе и в двойной форме. Одни считают это правительство выборным. «Выставляется требование того, чтобы народ был призван к выборам, как можно быстрее было избрано правительство и ему было доверено то дело, которое должен делать каждый из нас по собственной охоте»⁴. «Но каждое правительство, которого достигает восставший народ при помощи выборов, необходимо должно стать свинцовой гирей на его ногах, особенно при таком чудовищном экономическом, политическом и моральном перевороте, как социальная революция»⁵. Это понимают другие; «они отказываются благодаря этому от идеи «закономерного» правительства, по крайней мере на время возмущения против закона, и проповедают «революционную диктатуру». «Партия, низвергнувшая правительство», говорят они, «насильственно должна стать на его место. Она должна присвоить себе власть и действовать революционно. Для каждого, кто ее не признает — гильотина, для каждого, кто отказывает ей в повиновении — тоже гильотина». Так говорят маленькие Робеспьеры. Но мы, анархисты, знаем, что мысль эта есть только больной плод правительственного фанатизма и что всякая диктатура, даже самая лучшая, есть смерть революции»⁶.

«Мы сами сделаем все нужное, не ожидая приказа правительства»⁷. «Как только государство станет разлагать-

¹ Paroles d'un révolté, S. 56.

² Ib. S. 263.

³ Ib. S. 246.

⁴ Ib. S. 248—249.

⁵ Ib. S. 253.

⁶ Ib. S. 253—255.

⁷ Ib. S. 139.

ся, а механизм угнетения портиться, начнут образовываться совершенно самостоятельно свободные союзы. Вспомним только добровольные союзы вооруженной буржуазии во время Великой революции. Вспомним об обществах, добровольно образовавшихся в Испании и сохранявших независимость страны, когда государство было до основания разрушено войсками Наполеона. Как только государство не принуждает более к сотрудничеству, естественные потребности сами вводят тотчас же добровольное сотрудничество. Раз только государство разрушено, на его обломках должно сейчас же возникнуть свободное общество»¹.

«Реформу в производстве богатств нельзя будет сделать в несколько дней»², тем более что революция, вероятно, не вспыхнет одновременно по всей Европе³. Народ поэтому должен будет принять предусмотрительные меры для того, чтобы обеспечить себя всем: пищей, платьем и жилищем. Первым делом население восставшего города возьмет в свои руки запасы пищи, имеющиеся у торговцев, хлебные амбары и бойни. Добровольцы составят списки всему отобранному и распространят отпечатанные таблицы в миллионах экземпляров. При этом свободно будут присваивать все то, что существует с избытком, порционно же то, что нужно распределить строго, с предпочтением для больных и слабых. В случае недостачи пополнение сделает подвоз из деревни, который будет достаточен, если только то, в чем нуждается крестьянин, производится и отдается в его распоряжение; кроме того, для этого же послужит обработка жителями города господских парков и лугов в окрестности⁴. Подобным же образом народ экспроприрует и жилища. И тут добровольцы составят листы отобранных жилищ и

¹ Paroles d'un révolté, S. 116—117.

² La conquête du pain, S. 75.

³ *Ib.* S. 85.

⁴ *Ib.* S. 76—96.

распространят их. Люди соберутся по улицам, кварталам, участкам и объединятся относительно раздела жилищ. Недостатки, которые должны сначала существовать, быстро исчезнут; плотники должны будут работать ежедневно только несколько часов, чтобы вскоре существующие слишком обширные жилища были переделаны соответствующим образом и выстроены, кроме того, новые образцовые дома¹. То же случится и с одеждой. Народ захватит большие склады одежды, и добровольцы перепишут запасы. То, что существует с избытком, будет экспроприироваться свободно, то же, что имеется лишь в ограниченном количестве — порционно. А то, чего прямо-таки недостает — в скором времени будет выработано на фабриках с их совершенными машинами².

II. Задачей всех тех, которые предвидят ход развития, должно быть «подготовка умов»³ к предстоящей революции. Это-то и есть «задача тайных обществ и революционных организаций»⁴. Это задача «анархической партии»⁵. Анархисты «пока еще в меньшинстве, но число их растет ежедневно, будет расти все больше и больше, и оно станет накануне революции большинством»⁶. «Что печальному взору представляла Франция за несколько лет до Великой революции, и как слабо было меньшинство тех, которые мечтали о низвержении королевской власти и феодального порядка; но какая перемена три или четыре года спустя, меньшинство начало революцию и увлекло за собой массы»⁷. Однако как же подготовить умы к революции?

¹ *La conquête du pain*, S. 104—107.

² *Ib.* S. 114—116.

³ *Paroles d'un révolté*, S. 260.

⁴ *Ib.* S. 260.

⁵ *Ib.* S. 99, 254; *Les temps nouveaux*, S. 54.

⁶ *Paroles d'un révolté*, S. 90.

⁷ *Ib.* S. 92—95.

1. Раньше всего нужно разъяснить повсюду цель революции. «Необходимо проповедовать цель революции и словом и делом, пока она ко дню восстания не станет вполне популярной. Эта задача больше и виднее, чем это обыкновенно думают, ибо если цель и ясна для немногих, то с массами народа, постоянно обрабатываемыми буржуазной прессой, дело обстоит совсем иначе»¹.

Но это недостаточно. «Следует пробудить дух возмущения, нужно пробудить чувство независимости и дикую смелость, без которых никакая революция не может осуществиться»². «Между мирным разъяснением недостатков и восстанием, возмущением лежит бездна, та самая бездна, которая у большинства людей различает убеждение от действия, идею от воли»³.

2. Средством для достижения обоих этих результатов является «деятельность постоянная, непрерывная деятельность меньшинства. Мужество, преданность, самопожертвование так же заразительны, как трусость, подчиненность и боязливость»⁴.

«Какие формы должна принять пропаганда? Все формы, которые соответствуют положению вещей, способностям и склонности. Она может быть серьезна или шуточна, но всегда она должна быть отважна. Она может вестись многими или одним. Она всегда должна использовать все средства, никогда не должна оставлять без внимания фактов общественной жизни, чтобы поддерживать в душе напряжение, давать пищу и выражение недовольству, раздувать ненависть против эксплуататора, делать правительство смешным и обнаруживать его бессилие. Но прежде всего

¹ Paroles d'un révolté, S. 312.

² Ib. S. 285.

³ Ib. S. 283.

⁴ Ib. S. 284.

она должна вести проповедь примером, чтобы будить смелость и дух возмущения»¹.

«Люди чувства, которые хотят не только говорить, но и делать; светлые личности, которые предпочитают тюрьму, изгнание и смерть жизни, не соответствующей их принципам; смелые натуры, которые знают, что нужно осмелиться, чтобы достигнуть, — это все те погибшие авангарды, которые открывают сражение задолго перед тем, как народ созрел для того, чтобы поднять знамя открытого восстания, и для борьбы за право с оружием в руках. Посреди жалоб, болтовни и рассуждений появляется вдруг революционный поступок одного или многих, который воплощает страсть всех»².

«Быть может, массы останутся сначала индифферентными и поверят «разумным», которые находят действия «безумными», но скоро они тайно начнут восхищаться безумцами и станут действовать с ними заодно. В то время как одни наполняют смирительные дома, другие продолжают уже их дело. Объявление войны современному обществу, попытки восстания, акты мести учащаются. Общее внимание возбуждено, новая мысль проникает в головы и достигает сердца. Отдельный поступок в несколько дней приносит пропаганде больше пользы, чем тысяча брошюр. Правительство защищается; оно свирепствует; но этим оно вызывает только то, что одним или многими совершаются следующие акты, а в мятежниках растет геройский дух. Один акт рождает другие; противники присоединяются к восстанию; правительство не соглашается, жестокость обостряет борьбу; уступки приходят слишком поздно; революция вспыхивает»³.

¹ Paroles d'un révolté, S. 284.

² *Ib.* S. 285.

³ *Ib.* S. 285—288.

3. Для того чтобы сделать еще более ясным то средство, при помощи которого, с одной стороны, цель революции стала бы общеизвестной, с другой же — должен был бы быть пробужден дух возмущения, Кропоткин передает несколько рассказов из истории, предшествовавшей революции 1789 года. Он обращает внимание на то, что тогда тысячи пасквилей знакомили народ с порочностью двора, множество эпиграмм бичевали коронованных особ и возбуждали ненависть против знати и духовенства. Он напоминает нам о том, как королю, королеве, откупщикам-генералам грозили в плакатах, бесчестили их и осмеивали, как держали врагов народа *in effigie*, жгли их или четвертовали. Он рисует нам картины того, как мятежники приучали народ к улице и учили его сопротивляться полиции, войскам, кавалерии. Знакомит нас с тем, как по деревням тайные сообщества, жакерии жгли у господ амбары, уничтожали их жатвы и леса, убивали их самих, за увеличение или принуждение уплаты главных налогов угрожали смертью. Он показывает нам, как в один прекрасный день амбары разламывались, обозы задерживались, как сжигались пограничные таможи, умерщвлялись чиновники, как погибали в пламени оброчные листы, счетные книги, городские архивы и как революция распространялась повсюду¹.

«Что касается до выводов из этого»², то Кропоткин не считает нужным их делать. Он удовлетворяется тем, что называет сообщенные им факты «ценным для нас поучением»³.

¹ *Paroles d'un révolté*, S. 293—304.

² *Ib.* S. 292.

³ *Ib.* S. 304.

ВОСЬМАЯ ГЛАВА

Учение Толстого

1. Общие замечания

1. Лев Николаевич Толстой родился в 1828 году, в Ясной Поляне Крапивенского уезда Тульской губернии. С 1843 до 1846 года он изучал в Казани сначала восточные языки, потом право, которым он продолжал заниматься с 1847 по 1848 год в Петербурге. После довольно продолжительного пребывания в Ясной Поляне Толстой поступил в 1851 году на военную службу в один артиллерийский полк на Кавказе. Там он был произведен в офицеры и оставался до 1853 года; участвовал затем в Крымской кампании и вышел в 1855 году в отставку.

После этого Толстой жил в Петербурге. В 1857 году он совершил длинное путешествие по Германии, Франции, Италии и Швейцарии. По возвращении на родину до 1860 года он жил преимущественно в Москве. С 1860 по 1861 год путешествовал по Германии, Франции, Италии, Англии и Бельгии. В Брюсселе он познакомился с Прудоном.

С 1861 года Толстой почти безвыездно жил в Ясной Поляне, занимаясь одновременно сельским хозяйством и литературным трудом.

Перу Толстого принадлежат очень многие сочинения. До 1878 года он писал преимущественно рассказы; из со-

чинений этого периода особенно выдаются романы «Война и мир» и «Анна Каренина»; позднейшие его сочинения преимущественно философского содержания.

2. Для ознакомления с учением Толстого о праве, государстве и собственности особенно важны следующие сочинения: «Исповедь» (1879), «Краткое изложение Евангелия» (1880), «В чем моя вера?» (1884), «Что же нам делать» (1885), «О жизни» (1887) и «Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» (1893).

3. Толстой не называет свое учение о праве, государстве и собственности анархизмом. Этим именем он называет учение, ставящее целью жизнь без правительства и стремящееся достигнуть этой цели путем насилия¹.

2. Основные принципы

По мнению Толстого, высшим законом для нас является любовь; отсюда он выводит заповедь непротивления злу насилием.

1. Толстой говорит, что в основе его учения лежит «христианство»²; но под христианством он понимает не учение одной из христианских церквей — православной, католической или одной из протестантских³, а чистое учение Христа⁴.

«Как ни странно это кажется, но церкви всегда были и не могут не быть не только чужды, но прямо-таки враждебны учению Христа... Церкви как церкви не есть учреждения, имеющие в основе своей христианское начало, хотя и несколько отклонившееся от прямого пути, как это думают многие; церкви как церкви — как собрания, утверждающие

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 244—245, 280, 315, 325.

² Ib. S. 263. 285—286; Darlegung des Evangeliums, S. 25; Religion und Moral, S. 14.

³ Worin besteht mein Glaube? S. 251.

⁴ Darlegung des Evangeliums, S. 13—14, 16—17.

свою непогрешимость, — суть учреждения противохристианские. Между церквами и христианством не только нет ничего общего, кроме имени, но это два совершенно противоположные и враждебные друг другу начала. Одно — гордость, насилие, самоутверждение, неподвижность и смерть; другое — смирение, покаяние, покорность, движение и жизнь»¹. Церковь «в угоду миру перетолковала учение Христа так, что из него не вытекало никаких требований для жизни, так что люди могли и дальше жить так, как они жили. Церковь тут уступила миру, а раз уступив миру, она за ним последовала. Мир делал все, что хотел, предоставляя церкви, как она умеет, попеть за ним в своих объяснениях смысла жизни. Мир вел свою, во всем противную учению Христа, жизнь, а церковь придумывала иносказания, по которым бы выходило, что люди, живя противно закону Христа, живут согласно с ним. И кончилось тем, что мир стал жить жизнью, которая стала хуже языческой жизни, а церковь стала не только оправдывать эту жизнь, но и утверждать, что в этом-то и состоит учение Христа»².

Особенно отличается от учения Христа церковное «вероучение»³, т.е. совокупность совершенно непонятных и потому бесполезных «догматов»⁴. «Бога, внешнего Творца, начала всех начал, мы не знаем»⁵. «Бог есть дух в человеке»⁶, «его совесть»⁷, «познание жизни»⁸; «каждый человек сознает в себе дух свободный, разумный и независимый от плоти. Этот-то дух... есть... то, что мы называем Богом»⁹. Христос был человеком¹⁰, «сыном неизвестного отца; не зная отца

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 96—97.

² Worin besteht mein Glaube? S. 195.

³ Vernunft und Dogma, S. 5.

⁴ Worin besteht mein Glaube? S. 196.

⁵ Darlegung des Evangeliums, S. 29—30, 51.

⁶ Ib. S. 47.

⁷ Christentum und Vaterlandsliebe, S. 118.

⁸ Darlegung des Evangeliums, S. 29.

⁹ Darlegung des Evangeliums, S. 50; Religion und Moral, S. 27.

¹⁰ Über das Leben, S. 214.

своего, он в детстве называл отцом своим Бога»¹; и он был сыном Бога по духу, как и всякий человек есть сын Бога²; он был воплощением «человека, признавшего свою сыновность Богу»³. Те, которые «проповедуют, что Христос искупил своею кровью род человеческий, павший из-за Адама, что Бог — Троица, что Св. Дух сошел на апостолов и перешел чрез рукоположение на священство, что для спасения нужны семь таинств и т.д.»⁴ «проповедуют учения, совершенно чуждые Христу»⁵. «Никогда Христос... ни одним словом не утверждал личное воскресенье и бессмертие личности за гробом»⁶; притом — это «очень низкое и грубое представление»⁷. Вознесение и воскресение из мертвых принадлежат «к самым соблазнительным чудесами»⁸.

Учение Христа признается Толстым за истину не на основании веры в откровение, а просто вследствие разумности этого учения. Вера в откровение была «сначала главной причиной непонимания учения, а потом и полного извращения его»⁹. Вера в Христа «не есть доверие к чему-либо, касающемуся Иисуса, но познание истины»¹⁰.

«Существует закон эволюции, и потому... надо жить для одной своей личной жизни, предоставляя остальное делать закону эволюции. Это — последнее слово утонченного образования нашего времени и вместе с тем того затемнения сознания, которым заняты образованные классы»¹¹. «Но жизнь человеческая есть непрерывный ряд поступков; каж-

¹ Darlegung des Evangeliums, S. 31.

² Ib. S. 31, 32, 40, 112.

³ Worin besteht mein Glaube? S. 164.

⁴ Darlegung des Evangeliums, S. 21.

⁵ Ib. S. 21.

⁶ Worin besteht mein Glaube? S. 160, 174.

⁷ Worin besteht mein Glaube? S. 166.

⁸ Bekenntnisse, S. 92.

⁹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 75—77, 79.

¹⁰ Worin besteht mein Glaube? S. 195, 272; Das Reich Gottes ist in Euch, S. 72—73; Darlegung des Evangeliums, S. 5.

¹¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 234.

дый день человек должен не переставая выбирать из сотни возможных для него поступков те, которые он хочет сделать; без руководства в выборе своих поступков человек, следовательно, не может жить»¹. Руководителем же для него может быть только разум. «Разум есть тот признанный людьми закон, согласно которому должна протекать его жизнь»². «Если нет высшего разума — а его нет, и ничто не может доказать его существование, — то мой разум есть высший судья моей жизни»³. «Все большее и большее подчинение»⁴ «животной личности разумному сознанию»⁵ есть «жизнь истинная»⁶, оно есть жизнь в противоположность простому «существованию»⁷.

«Прежде говорили: не рассуждай, а верь тому, что мы тебе предписываем. Разум обманет тебя. Только вера откроет тебе истинное счастье жизни. И человек старался верить и верил; но сношения с людьми показали ему, что другие люди зачастую верят в совершенно другое и утверждают, что это другое дает большее счастье человеку. Стало неизбежно решить вопрос о том, какая из многих вер — истинная вера; решить же это может только разум»⁸. «Если буддист, познавши магометанство, останется буддистом, он останется буддистом уже не по вере, а по разуму. Как скоро перед ним появилась другая вера и встал вопрос о том, отказаться ли от своей веры или от предлагаемой, — дать ответ на это может только разум. И если он, ознакомившись с исламом, остался буддистом, то на место прежней слепой

¹ Über das Leben, S. 48.

² Ib. S. 66, 72.

³ Bekenntnisse, S. 54.

⁴ Über das Leben, S. 101.

⁵ Ib. S. 100.

⁶ Ib. S. 100.

⁷ Ib. S. 101, 160.

⁸ Ib. S. 101, 160.

веры в Будду встало разумное убеждение»¹. «Человек познает истину только разумом, а не верою»².

«Закон разума открывается людям постепенно»³. «Тысяча восемьсот лет тому назад среди языческого римского мира явилось удивительное, не похожее ни на какое из прежних учений, новое учение, приписывавшееся человеку, Христу»⁴. Это учение содержит «самое строгое, чистое и полное»⁵ выражение закона разума, «выше которого не поднимался до сих пор разум человеческий»⁶. Учение Христа есть сам разум⁷; оно должно быть принято людьми, «потому что только оно одно устанавливает те правила жизни, без которых никогда не жил и не может жить ни один человек, если только он хочет жить как человек, т.е. разумной жизнью»⁸. Человек, «основываясь на разум, не имеет права от него отрекаться»⁹.

2. В качестве высшего закона учение Христа выдвигает любовь.

Что такое любовь? «То, что люди, не понимающие жизни, называют любовью, есть только предпочтение одних условий из личного блага перед какими-либо другими. Когда человек, не понимающий жизни, говорит, что он любит свою жену, или своего ребенка, или своего друга, он говорит этим только то, что присутствие в его жизни его жены, ребенка или друга увеличивает в его жизни его личное благо»¹⁰.

«Истинная любовь всегда имеет в основе своей отречение от личного блага»¹¹ в пользу блага ближнего. Истинная

¹ Über das Leben, S. 262—263.

² Ib. S. 263.

³ Ib. S. 263.

⁴ Religion und Moral, S. 21—22.

⁵ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 71.

⁶ Darlegung des Evangeliums, S. 25.

⁷ Ib. S. 25.

⁸ Worin besteht mein Glaube? S. 138—139.

⁹ Ib. S. 268.

¹⁰ Ib. S. 148.

¹¹ Ib. S. 159—160.

любовь «есть состояние благожелательства ко всем людям, того благожелательства, которое присуще обыкновенно детям, но которое во взрослом человеке возникает только при самоотречении»¹. «Кто из живых людей не знает того блаженного чувства умиления, хоть раз испытанного им и скорее всего в самом раннем детстве, того блаженного чувства умиления, при котором хочется любить всех: и близких, и отца, и мать, и братьев, и злых людей, и врагов, и собаку, и лошадь, и травку; хочется только одного, чтобы всем было хорошо, чтобы все были счастливы, и еще больше хочется того, чтобы самому сделать так, чтобы все были счастливы, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всем было хорошо и радостно. Это, и только это, есть та любовь, в которой заключается жизнь человеческая»².

Истинная любовь есть «идеал полного, бесконечного, божественного совершенства»³. «Божественное совершенство есть асимптота жизни человеческой, к которой она всегда стремится, к которой она все более и более приближается и которая тем не менее может быть достигнута только в бесконечности»⁴. «Истинная жизнь, согласно прежним учениям, состоит в исполнении приказаний закона; по учению же Христа, она состоит в наибольшем приближении к указанному и сознаваемому каждым человеком в себе божественному совершенству»⁵.

Любовь, по учению Христа, есть наш высший закон. «Заповедь любви есть выражение самой сущности учения»⁶. Существуют «три и только три жизнепонимания: во-первых — личное или животное, во-вторых — общественное или языческое»⁷ и «в-третьих — христианское или божест-

¹ Über das Leben, S. 165.

² Ib. S. 164.

³ Ib. S. 170—171.

⁴ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 140.

⁵ Ib. S. 139.

⁶ Ib. S. 138; Ib. S. 142; Worin besteht mein Glaube? S. 17.

⁷ Ib. S. 123.

венное»¹. Человек животного жизнепонимания, «дикарь», признает жизнь только в себе... двигателем его жизни является личное наслаждение... Человек языческий, общественный человек признает жизнь уже не только в самом себе, но в совокупности личностей, — в племени, семье, роде, государстве. Двигателем его жизни является слава... Человек божественного жизнепонимания признает жизнь уже не в своей личности и не в совокупности личностей, а — в первоисточнике вечной, не умирающей жизни — в Боге... Двигатель его жизни есть любовь»².

То, что любовь, согласно учению Христа, есть наш высший закон, означает не что иное, как то, что таково требование разума. Уже в 1862 году Толстой высказывает мысль, «что любовь и добро суть истины, и единственной истины на земле»³; а гораздо позже, в 1887 году, он называет любовь «единственной разумной деятельностью человека»⁴, тем, что «разрешает все противоречия жизни человеческой»⁵. Любовь прекращает бессмысленную деятельность, направленную на наполнение бездонной бочки животной личности⁶, она устраняет неразумную борьбу существ, стремящихся к личному счастью⁷, она дает жизни, которая без нее протекала бы бессмысленно в ожидании смерти, смысл, независимый от времени и пространства⁸.

3. Из закона любви учение Христа выводит заповедь непротивления злу насилием. «Не противься злу, что значит не противься никогда злему человеку, т.е. никогда не делай насилия над другим, т.е. не делай такого поступка, который всегда противодействует любви»⁹.

¹ Religion und Moral, S. 12.

² Das Reich Gottes ist in Euch, S. 124—125.

³ Der Morgen des Gutherrn: Werke 2, S. 70—71.

⁴ Über das Leben, S. 148.

⁵ Ib. S. 147, 148.

⁶ Ib. S. 122, 133—135, 174, 176.

⁷ Ib. S. 121, 174.

⁸ Ib. S. 26, 122—123, 196, 206.

⁹ Worin besteht mein Glaube? S. 17.

Христос явственно выводит эту заповедь из закона любви. Он дал много заповедей и особенно пять заповедей в Нагорной проповеди; «заповеди эти не составляют учения... но составляют только одну из бесчисленных ступеней в приближении к совершенству»¹; они «все отрицательного характера и показывают только то»², чего мы можем «при настоящем развитии человечества»³ уже не делать «на пути к совершенству, которого мы стоим»⁴. Первая из пяти заповедей Нагорной проповеди гласит: «Будь в мире со всеми, и если мир нарушен, то все силы употреби на то, чтобы восстановить его»⁵. Вторая заповедь говорит: «бери муж только одну жену и жена только одного мужа и не покидайте друг друга ни под каким предлогом»⁶; третья заповедь: «не давай никаких обетов»⁷; четвертая: «неси обиды, а не делай зла за зло»⁸; пятая заповедь: «не нарушай мира ни с кем во имя твоего народа»⁹.

Из этих заповедей четвертая самая важная; она дана в пятой главе от Мф., ст. 38—39: «Вам сказано: око за око, зуб за зуб. — А я вам говорю: Не противьтесь злу»¹⁰. Толстой рассказывает, как место это сделалось для него «ключом всего»¹¹. «Стоило только мне понять эти слова просто и прямо — так, как они сказаны, и тотчас же во всем учении Христа, не только в Нагорной проповеди, но во всех Евангелиях, все, что казалось запутанным, стало понятно, что было противоречивым, стало согласно, и, главное, что казалось излишне, сделалось необходимым. Все слилось в одно целое и несом-

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 144.

² Ib. S. 142—143.

³ Ib. S. 160.

⁴ Ib. S. 144.

⁵ Worin besteht mein Glaube? S. 122.

⁶ Ib. S. 123.

⁷ Ib. S. 123.

⁸ Ib. S. 123.

⁹ Ib. S. 123.

¹⁰ Ib. S. 12.

¹¹ Ib. S. 12.

ненно дополняло одно другое, как куски разбитой статуи, составленные правильным образом»¹. Принцип непротивления «есть положение, связывающее все учение в одно целое, но только в том случае, когда он не изречение, а обязательное правило, закон»². «Он действительно представляет собою ключ, отпирающий все, но только тогда, когда ключ этот просунут во внутренность замка»³.

Заповедь непротивления злу насилием с необходимостью вытекает из закона любви, так как закон этот требует или того, чтобы был найден верный, неоспоримый критерий зла, или того, чтобы мы совершенно отказались от сопротивления злу насилием⁴. «Решающее определение относительно того, что должно было считаться злом и чему нужно противиться насилием, давал то папа, то император, то король, то собрание выборных, то весь народ. Но как внутри, так и вне государства всегда существовали люди, не признававшие для себя обязательными ни постановлений, выдаваемых за божественные веления, ни постановлений людей, облеченных святостью, ни учреждений, должествовавших представлять волю народа, люди, которые считали добром то, что существующие власти считали злом, и боролись против власти тоже насилием... Люди, облеченные святостью, считали злом то, что люди и учреждения, облеченные светской властью, считали добром, и борьба становилась все обостреннее и обостреннее. Так дело дошло до того состояния, в каком они находится теперь, — до совершенной очевидности того, что внешнего, обязательного для всех определения понятия зла нет и не может быть»⁵. Отсюда необходимость принять решение вопроса, данное Христом⁶.

¹ Worin besteht mein Glaube? S. 15.

² Ib. S. 21—22.

³ Ib. S. 22.

⁴ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 68—69.

⁵ Ib. S. 269—270.

⁶ Ib. S. 282.

По мнению Толстого, заповедь о непротавлении не следует понимать так, «как будто она запрещает всякую борьбу со злом»¹. Она запрещает лишь насилие в борьбе со злом², но запрещает его безусловно. Это запрещение относится, таким образом, не только ко злу, причиняемому нам самим, но и ко злу, причиняемому нашим ближним³; когда Петр отсек слуге первосвященника ухо, он защищал «не себя, но своего любимого, божественного учителя. Но Христос прямо запретил ему это, сказав, что поднявший меч от меча да погибнет»⁴. Заповедь о непротавлении злу не означает также и того, что только одна часть людей обязана «без борьбы покоряться тому, что предписывается им известными авторитетами»⁵; заповедь эта распространяется «на каждого, следовательно, и на тех (и преимущественно на тех), которые властвуют, и запрещает употреблять насилие против кого бы то ни было и в каком бы то ни было случае»⁶.

3. Право

I. Во имя любви, именно на основании заповеди непротавления злу насилием, Толстой отрицает право, конечно не безусловно, но по крайней мере для современных народов, стоящих на более высокой ступени развития. Он, правда, говорит только о законе, но имеет в виду всякое право, так как он отрицает принципиально всякие нормы, покоящиеся на человеческой воле⁷, поддерживаемые насилием⁸ и в частности судом⁹, допускающие отклонение от нрав-

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 63.

² Worin besteht mein Glaube? S. 17, 20; Das Reich Gottes ist in Euch, S. 268.

³ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 49—50.

⁴ Ib. S. 50.

⁵ Ib. S. 268—269.

⁶ Ib. S. 269.

⁷ Ib. S. 268, 300—301.

⁸ Ib. 361—362.

⁹ Worin besteht mein Glaube? S. 29, 32.

ственного закона¹, неодинаковость в разных странах² и произвольные перемены во всякое время³.

Быть может, прежде когда-нибудь существование права было лучше его несуществования. Право «должно быть поддерживаемо насиліем»⁴; с другой стороны, оно не допускает насилия, совершаемого отдельными личностями друг над другом⁵; может быть, и «было время, когда насиліе государства было меньше насилия личностей друг над другом⁶. Теперь же это время во всяком случае миновало для нас; нравы стали мягче, люди нашего времени, «исповедуя заповеди человеколюбия и сострадания к ближним, желают только возможности спокойной и мирной жизни»⁷.

Право нарушает заповедь о непротивлении злу насиліем⁸. Это было сказано и Христом. Слова: «не судите, да не судимы будете» (Мф. VII, 1), «не осуждайте, да не будете осуждены» (Лк. VI, 37), значат: «не только не судите ваших ближних на словах, но и не судите их на деле — не судите согласно своим человеческим законам в ваших судах»⁹. Здесь Христос говорит не только о «личном отношении каждого отдельного человека к судам»¹⁰, но отрицает «самое правосудие»¹¹. «Он говорит: вы думаете, что ваши законы исправляют зло, — они только увеличивают его. Есть только один путь пресечения зла — делайте добро за зло всем без всякого различия»¹². И то же самое, что говорит Христос, говорят мне «мое сердце и мой разум»¹³.

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 172, 361—362.

² Ib. S. 172.

³ Ib. S. 300.

⁴ Ib. S. 361.

⁵ Ib. S. 241.

⁶ Ib. S. 240.

⁷ Ib. S. 256.

⁸ Worin besteht mein Glaube? S. 29.

⁹ Ib. S. 28—29.

¹⁰ Ib. S. 32.

¹¹ Ib. S. 32.

¹² Ib. S. 45—46.

¹³ Ib. S. 29.

Но это еще не все, что может быть сказано в доказательство несостоятельности права. «Насилие отрицает и осуждает в неподвижной форме закона только то, что большей частью уже задолго до этого отрицалось и осуждалось общественным мнением, но с той разницей, что общественное мнение отрицает и осуждает все поступки, противные нравственному закону, закон же, поддерживаемый насилем, осуждает и преследует только известный, очень узкий круг поступков, этим самым как бы оправдывая все поступки того же порядка, не вошедшие в этот узкий круг. Общественное мнение уже со времен Моисея считает корыстолюбие, распутство и жестокость злом и осуждает их; оно отрицает и осуждает всякого рода проявления корыстолюбия, — не только приобретение чужой собственности насилем, обманом или хитростью, но и всякое пользование ею; осуждает всякого рода распутство, будь то блуд с наложницей, невольницей, разведенной женой или даже своей собственной; осуждает всякую жестокость, выражающуюся в побоях, в дурном содержании, в убийстве не только людей, но и животных. Закон же преследует только известные виды корыстолюбия, как то: воровство, мошенничество и известные виды распутства и жестокости, как то: нарушение супружеской верности, убийство, увечья, вследствие этого как бы разрешая все те проявления корыстолюбия, распутства и жестокости, которые не подходят под его узкое, подверженное лжетолкованиям определение этого понятия»¹.

«Еврею было нетрудно подчиниться своим законам, когда он не сомневался в том, что их писал Бог; или римлянину, так как он думал, что их писала нимфа Егерия; и даже — человеку вообще, пока он полагал, что цари, дающие законы, — помазанники Божии, или верил тому, что законодательные собрания имеют и желание и возможность

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 361—362.

издать наилучшие законы»¹. Но «уже во времена появления христианства люди начали понимать, что законы человеческие писаны людьми, что люди не могут быть непогрешимы, каким бы внешним величием они ни были облечены, и что ошибающиеся люди не сделаются непогрешимыми оттого, что они соберутся вместе и назовут себя сенатом или каким-либо другим именем»². «Ведь мы знаем, как создаются законы, мы все были за кулисами, все знаем, что законы суть произведения корысти, обмана, борьбы партий, — что в них нет и не может быть истинной справедливости»³. Поэтому «признание каких бы то ни было особенных законов есть признак самого дикого невежества»⁴.

II. Любовь повелевает, чтобы вместо права она сама стала для людей законом. Из этого следует, что мы должны руководствоваться не правом, а, наоборот, заповедями Христа⁵. Это-то и есть «царство Божие на земле»⁶.

«Что же касается дня и часа, когда наступит Царство Божие, то наступление этого часа зависит только от самых людей»⁷. «Стоит только каждому начать делать то, что мы должны делать, и перестать делать то, чего мы не должны делать, чтобы сейчас же обещанное Царство Божие наступило в ближайшем будущем»⁸. «Пусть только каждый человек сейчас же, по мере сил своих исповедует ту правду, которую он знает, или хотя бы по крайней мере пусть не защищает ту неправду, в которой он живет, выдавая ее за правду, и тотчас же еще в нынешнем, 1893-м году произойдут такие перемены в пользу освобождения людей и установления правды на земле, о которых мы не смеем мечтать

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 172.

² Ib. S. 268.

³ Ib. S. 172.

⁴ Worin besteht mein Glaube? S. 120.

⁵ Ib. S. 180, 235.

⁶ Ib. S. 180, 235.

⁷ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 393; Worin besteht mein Glaube? S. 121.

⁸ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 393—394.

и через столетия»¹. «Еще одно небольшое усилие, и Галилеянин победил»².

Царство Божие «не во внешнем мире, а в душе людей»³. «Царствие Божие не проявится приметным образом, вам не скажут: вот оно здесь или вон оно там. Ибо знайте: Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. XVII, 20)⁴. Царство Божие есть не что иное, как исполнение заповедей Христа, в особенности же пяти заповедей Нагорной проповеди⁵, говорящих нам, каково должно быть наше поведение на настоящей ступени нашего развития для того, чтобы как можно более соответствовать идеалу любви⁶, и повелевающих нам жить в мире со всеми и, если мир нарушен всеми силами содействовать восстановлению его, соблюдать верность друг другу в брачной жизни, не давать никаких обетов, прощать обиды, не платить злом за зло и, наконец, не нарушать мира ни с кем ради нашего народа⁷.

Как же сложится внешняя жизнь, когда осуществится Царство Божие? «Ученик Христа будет беден; это значит, что он будет не в городе, а в деревне, не будет сидеть дома, а будет работать в лесу и в поле, будет видеть свет солнца, землю, небо, животных; он не будет ломать головы над тем, что ему съесть, чтобы возбудить аппетит, и что сделать, чтобы помочь своему пищеварению, а будет голоден три раза в день; он не будет ворочаться на мягких подушках и придумывать, чем спастись от бессонницы, а будет спать. Болеть, страдать, умирать он будет так же, как и все — бедные болеют и умирают, по-видимому, лучше, чем богатые»⁸;

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 486—487.

² Russische Christenverfolgerungen, S. 47.

³ Darlegung des Evangeliums, S. 50.

⁴ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 526.

⁵ Worin besteht mein Glaube? S. 121.

⁶ Reich Gottes ist in Euch, S. 142—143, 144.

⁷ Worin besteht mein Glaube? S. 122—123, 179, 124, 219—220; Darlegung des Evangeliums, S. 59—60; Das Reich Gottes ist in Euch, S. 143—144.

⁸ Worin besteht mein Glaube? S. 225.

он будет жить «в свободном общении со всеми людьми»¹. «Царство Божие на земле есть мир между всеми людьми. Так представлялось Царство Божие пророкам, так оно представляется всякому сердцу человеческому»².

4. Государство

I. Вместе с правом Толстой должен для современных народов, достигших более высокой ступени развития, неизбежно отрицать также и государство в качестве правового учреждения.

«Если и было когда-нибудь такое время, когда при низком уровне нравственности и при всеобщей склонности людей к насилию друг над другом существование власти, ограничивающей эти насилия, было выгодно, т.е. когда насилие государственное было меньше насилия отдельных лиц, то нельзя не видеть того, что такое преимущество государственности над отсутствием ее не могло длиться постоянно. Чем более уменьшалось стремление к насилию отдельных личностей, чем более смягчались нравы и чем более развращалась власть вследствие своей безграничности, тем преимущество это становилось все менее и менее ценным. В этом-то изменении, т.е., с одной стороны, в нравственном развитии масс, с другой же — в разращении правительств и заключается вся история последних двух тысячелетий»³. «Я не могу доказать ни необходимости, ни вреда государства вообще»⁴; «знаю только то, что, с одной стороны, мне не нужно более государства, и что с другой — я не могу более совершать те дела, которые необходимы для существования государства»⁵.

¹ *Worin besteht mein Glaube?* S. 225.

² *Ib.* S. 121.

³ *Das Reich Gottes ist in Euch*, S. 240—241.

⁴ *Ib.* S. 336.

⁵ *Ib.* S. 335—336.

«Христианство, взятое в его истинном значении, отрицает государство»¹, оно отрицает всякое правительство². Государство находится в противоречии с любовью, а именно с заповедью непротivления злу насилieм³. Мало того, устанавливая свое господство⁴, государство грешит также против того, что для любви «все люди — дети Бога, и между ними существует полное равенство»⁵. Поэтому, помимо того, что, как правовое учреждение, оно основывается на насилии, существуют и другие основания для его отрицания. «Говорят, что учение христианское касается только личного спасения и не касается вопросов и дел общегосударственных. Но это только смелое и голословное утверждение»⁶. «Для каждого искреннего и серьезного человека нашего времени не может не быть очевидным, что истинное христианство — учение о смирении, прощении обид, любви — несоединимо с государством и его величием, насилиями, казнями и войнами»⁷. «Государство это — «идол»⁸; оно должно быть уничтожено во всех своих формах, будь то «абсолютная монархия, конвент, консулат, империя первого или третьего Наполеона или Буланже, конституционная монархия, коммуна или республика»⁹. Эту мысль Толстой развивает детально.

1. Государство есть господство дурных людей, доведенное до крайности.

Государство есть господство. В государстве правительство есть «собрание людей, которые насилуют других»¹⁰. «В

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 332.

² Ib. S. 211.

³ Worin besteht mein Glaube? S. 21; Russische Christenverfolgungen, S. 46.

⁴ Ib. S. 209—210.

⁵ Ib. S. 164, 167.

⁶ Worin besteht mein Glaube? S. 25.

⁷ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 332.

⁸ Worin besteht mein Glaube? S. 50.

⁹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 244, 429—430.

¹⁰ Ib. S. 209—210.

наше время все правительства, как деспотические, так и либеральные — стали тем, что так метко Герцен называл Чингисханом с телеграфами»¹. Люди, обладающие властью, «совершают насилия уже не во имя противодействия злу, а во имя своей выгоды или прихоти; другие же люди подчиняются насилию не потому, что оно, по их мнению, служит им на благо, т.е. содействует избавлению их от зла, а только потому, что они не в силах избавиться от насилия»². «Не потому присоединена Ницца к Франции, Лотарингия к Германии, Чехия к Австрии; не потому раздроблена Польша; не потому Ирландия и Индия подчиняются английскому правлению; не потому воюют с Китаем и убивают африканцев, не потому американцы изгоняют китайцев, а русские теснят евреев, что это — хорошо, нужно или полезно людям и что противное этому есть зло, а наоборот, только потому, что тем, которые имеют власть, так нравится»³.

«Государство есть господство дурных людей»⁴. «Устранение государственного насилия делает только то, что злые будут властвовать над менее злыми, говорят защитники государственного господства»⁵. Но при переходах власти в одном государстве от одних лиц к другим разве действительно власть всегда переходила к лучшим? «Когда свергнут был Людовик XVI и власть получил Робеспьер, а потом Наполеон, кто властвовал тогда? более добрые или более злые? И когда властвовали более добрые: когда власть была в руках версальцев или коммунаров? когда во главе правительства был Карл I или Кромвель? когда царем был Петр III, или когда его убили и царицей стала в одной части России Екатерина, а в другой — Пугачев? Кто же тогда был злым, кто добрым? Все люди, стоящие у власти, утвержда-

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 274.

² Ib. S. 271—272.

³ Ib. S. 271.

⁴ Ib. S. 339, 341.

⁵ Ib. S. 340.

ют, что их власть нужна для того, чтобы злые не насиловали добрых, подразумевая под этим, само собою разумеется, то, что они-то и есть те самые добрые, которые ограждают других добрых от злых»¹. В действительности же те, которые захватывают и удерживают власть, никак не могут быть более добрыми². «Для того чтобы захватить власть в свои руки и удержать ее, нужно любить власть. Властолюбие же соединяется обыкновенно не с добротой, а с противоположными качествами: с гордостью, хитростью, жестокостью. Без возвеличения себя и унижения других, без лицемерия, лжи, без тюрем, крепостей, казней, убийств не может ни возникнуть, ни существовать никакая власть»³. «Даже как-то смешно говорить о властвующих христианах»⁴. К тому же «обладание властью развращает людей»⁵. «Люди, обладающие властью, не могут не злоупотреблять ею; они должны неизбежно ошалеть от такой страшной власти»⁶. «Сколько ни придумывали люди средств для того, чтобы лишить людей, стоящих у власти, возможности подчинять общее благо своим собственным выгодам, все эти меры оказывались и оказываются до сих пор недействительными. Все знают, что люди, находящиеся у власти — будь то императоры, министры, полицмейстеры или городовые, — уже потому, что они имеют власть, более склонны к безнравственности, к подчинению общего блага своим личным интересам, чем люди, не имеющие власти; да это и не может быть иначе»⁷.

Государство есть господство дурных людей, доведенное до высшей степени. «Расчет или даже бессознательное

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 340.

² Ib. S. 339.

³ Ib. S. 339—340.

⁴ Ib. S. 342.

⁵ Ib. S. 343.

⁶ Christentum und Vaterlandsliebe, S. 91.

⁷ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 239.

стремление насилующих всегда будет состоять в том, чтобы довести насилуемых до наибольшего ослабления, так как, чем слабее будет насилуемый, тем меньше потребуется усилий для усмирения его»¹. «Теперь существует только одна область человеческой деятельности, не захваченная правительственной властью, — область семьи, хозяйства, область частной жизни и труда. Но и эта область, благодаря борьбе коммунистов и социалистов, уже понемногу начинает попадать в руки правительств, так что труд и отдых, жилище, одежда, пища, если только осуществляются желания реформаторов, будут скоро тоже определяться и назначаться правительствами»². «Самая жестокая шайка разбойников не так страшна, как ужасна такая государственная организация. Каждый разбойничий атаман все-таки ограничен тем, что люди, составляющее его шайку, имеют хоть частичку человеческой свободы и могут воспротивиться совершению противоречащих их совести дел»³. Но для государства не существует таких преград; «нет тех ужасающих преступлений, которые не совершили бы чиновники и войска по воле того, кто случайно (Буланже, Пугачев, Наполеон) может стать во главе их»⁴.

2. Господство в государстве основано на физической силе.

Всякое правительство опирается на то, что в государстве существуют вооруженные люди, готовые путем физического насилия приводить в исполнение волю правительства, на сословие людей, «воспитывающихся для того, чтобы убивать всех тех, кого велит убивать начальство»⁵. Эти люди составляют полицию⁶ и в особенности войско⁷. Войско есть

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 243.

² Ib. S. 281.

³ Ib. S. 442.

⁴ Ib. S. 442.

⁵ Russische Christenverfolgungen, S. 41.

⁶ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 327.

⁷ Ib. S. 238.

не что иное, как собрание «дисциплинированных убийц»¹, образование его есть «обучение убийству»², его победы «убийства»³. «Войско всегда было и теперь образует основание власти. Власть всегда находится в руках тех, кто повелевает войском, и всегда все властители — от римских кесарей и до русских и немецких императоров — заботились более всего о войске»⁴.

Войско служит, во-первых, защитой господству правительства от нападений со стороны внешних врагов. Оно не позволит соседним правительствам захватить власть в свои руки⁵. Война есть не что иное, как борьба между многими правительствами из-за господства над их подданными. «Поэтому-то и мир народов между собой разумным путем, при помощи соглашения или третейского суда, не может быть достигнут до тех пор, пока будет существовать подчинение народов правительствам, всегда неразумное и всегда пагубное»⁶. Ввиду такого значения войска «каждое государство чувствует необходимость увеличивать свои войска по сравнению с войсками других государств, а такое увеличение войск заразительно, как это еще сто пятьдесят лет тому назад заметил Монтескье»⁷.

Но те, которые думают, что войска содержатся правительствами только для обороны от нападений извне, забывают, «что войска нужны прежде всего правительствам для обороны себя от своих угнетенных и поработанных подданных»⁸. «Недавно в германском рейхстаге, отвечая на запрос о том, почему нужны деньги для увеличения жало-

¹ Christentum und Vaterlandsliebe, S. 120.

² Das Reich Gottes ist in Euch, S. 443.

³ Christentum und Vaterlandsliebe, S. 119.

⁴ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 238.

⁵ *Ib.* S. 248—249.

⁶ Christentum und Vaterlandsliebe, S. 91.

⁷ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 249.

⁸ *Ib.* S. 245.

ванья унтер-офицерам, германский канцлер прямо объявил, что нужны надежные унтер-офицеры для того, чтобы бороться против социализма. Каприви сказал во всеуслышание только то, что всякий знает, хотя это и скрывается старательно от народа; он указал на причину того, почему французские короли и папы нанимали себе швейцарцев и шотландцев, почему в России старательно перетасовывают рекрутов так, чтобы полки, стоящие в центрах, комплектовались рекрутами с окраин, а полки, находящиеся на окраинах, — людьми из центра. Каприви нечаянно сказал то, что каждый очень хорошо знает, а если не знает, то чувствует, а именно то, что существующий строй таков не потому, что он должен быть таким, или что народ хочет, чтобы он был таков, но потому, что его поддерживает насилие правительств, войска со своими подкупленными унтер-офицерами, офицерами и генералами»¹.

3. Господство в государстве поддерживается физическим насилием над теми, на кого это господство распространяется.

Одной из особенностей правительств является то, что они требуют от граждан того самого насилия, которое лежит в их основании, и что поэтому в государстве «все граждане суть угнетатели самих же себя»². Правительство требует от граждан как самого насилия, так и «поддержки его. Сюда относятся: обязательная для всех в России присяга при перемене царствования, так как при этой присяге дают обещание повиноваться властям, т.е. людям, совершающим насилие; затем обязательная уплата податей, так как подати употребляются на насилие; паспортная система, так как, получая паспорт, человек признает свою зависимость от насильственного государственного учреждения; далее, обязанность быть свидетелем на суде и участвовать в суде в

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 246—247.

² Ib. S. 250, 423—424.

качестве присяжного, так как всякий суд есть исполнение заповеди мести; обязательное в России для всех крестьян несение полицейских обязанностей, так как при исполнении этих обязанностей приходится употреблять насилие против своих братьев и причинять им страдания; главным же образом сюда относится всеобщая воинская повинность, т.е. обязанность быть палачом и готовить себя к этому делу¹. Во всеобщей воинской повинности нехристианская физиономия государства всего резче бросается в глаза; «всякий человек должен взять орудие убийства: ружье, нож, и если не убить, то зарядить ружье и отточить нож, т.е. быть готовым на убийство»².

Но отчего же граждане исполняют эти требования правительства, несмотря на то что последнее и держится только этим исполнением, так что в конце концов граждане сами занимаются взаимным угнетением друг друга? Это возможно только «благодаря существованию созданной с помощью усовершенствования науки чрезвычайно искусной организации, при которой все люди попадают в один и тот же круг насилия, из которого для них нет никакой возможности вырваться. Круг этот в настоящее время состоит из четырех средств воздействия на людей. Средства же эти все связаны между собой и поддерживаются одно другим, как звенья цепи»³. Первое средство всего лучше может быть «охарактеризовано, как гипнотизация народа»⁴. Эта гипнотизация заставляет людей «следовать тому ошибочному мнению, что существующий порядок неизменяем и потому нужно поддерживать его, тогда как очевидно, что, напротив, он только потому неизменен, что они-то и поддерживают его»⁵. «Гипнотизация эта производится путем

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 314—328.

² Worin besteht mein Glaube? S. 26—27.

³ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 274.

⁴ Ib. S. 276.

⁵ Ib. S. 422.

поощрения двух родов суеверия, которые называются религией и патриотизмом»¹, «и, начиная свое воздействие в детском возрасте, продолжает действовать на людей до их смерти»². Имея в виду эту гипнотизацию, можно сказать, что государственная власть покоится на обмане, вводящем в заблуждение общественное мнение³. Второе средство — это «подкуп, который состоит в том, чтобы, отобрав от трудового рабочего народа посредством денежных податей его богатства, эти богатства распределить между чиновниками, обязанными за это вознаграждение поддерживать и увеличивать порабощение народа»⁴. Чиновники «желают неизменности существующего порядка прежде всего потому, что он выгоден им»⁵. Принимая в соображение этот подкуп, можно сказать, что государственная власть покоится на эгоизме тех, кому она доставляет выгодное положение⁶. Третье средство есть «устрашение». Средство это состоит в том, чтобы выдавать существующий государственный строй — каким бы он ни был, свободным, республиканским или самым деспотическим — за нечто священное и неизменное и потому налагать самые жестокие наказания за все попытки его изменения»⁷. Наконец, четвертое средство состоит в том, «чтобы выделить из всех людей, угнетенных и скованных посредством трех предшествующих средств, еще некоторую часть людей для того, чтобы, подвергнув этих людей особенным, усиленным способам одурения, сделать из них безвольные орудия тех жестокостей и зверств, которые по вкусу правительству»⁸. Это и находит свое осу-

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 277.

² Ib. S. 276.

³ Christentum und Vaterlandsliebe, S. 40—41, 100—102; Das Reich Gottes ist in Euch, S. 429—432.

⁴ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 275.

⁵ Ib. S. 422.

⁶ Ib. S. 275—276, 420—422, 444—445.

⁷ Ib. S. 278.

⁸ Ib. S. 278.

ществование в войске, к которому в настоящее время, благодаря всеобщей воинской повинности, принадлежат все молодые люди¹. «Этим средством замыкается круг насилия. Устрашение, подкуп, гипнотизация приводят людей к тому, что они идут в солдаты; солдаты же со своей стороны содействуют возможности наказывать людей, обирать их, подкупая на эти деньги чиновников, гипнотизировать и вербовать их в те самые солдаты, которые поддерживают власть над всем этим»².

II. Любовь требует того, чтобы государство было заменено общественным устройством, основанном всецело на заповедях любви. «Каждый хоть сколько-нибудь размышляющий человек нашего времени признает невозможным продолжение жизни на прежних основаниях и необходимым установление новых форм жизни»³. «Для христианского человечества данного времени необходимо отречься от осуждаемых им языческих форм жизни и на призываемых им христианских основах построить свою новую жизнь»⁴.

I. И после уничтожения государства люди должны будут жить обществами. Но что же будет соединять их тогда в одно общественное целое?

Во всяком случае, не какие-либо обеты. Христос заповедал нам не давать «никаких обетов»⁵, «ничего не обещать людям»⁶. «Христианин не может обещать; сделать что-либо к определенному времени или в известное время воздержаться от чего-либо, так как он не может знать, чего потребует от него в это время тот закон любви, подчинение которому составляет смысл его жизни»⁷. Еще менее того

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 279.

² Ib. S. 279.

³ Ib. S. 511; Christentum und Vaterlandsliebe, S. 117.

⁴ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 189.

⁵ Worin besteht mein Glaube? S. 123.

⁶ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 143—144.

⁷ Ib. S. 300—301.

может он «обещаться исполнять чью-либо чужую волю, не зная, в чем будет состоять содержание этой воли»¹; уже таким обещанием он «заявил бы то, что внутренний закон Божий не представляет для него единственного закона его жизни»²; «нельзя служить двум господам»³.

В будущем людей должно будет соединять в одно общественное целое то духовное влияние, которое оказывают личности, опередившие других в познании истины, на менее развитых членов общества. «Духовное влияние есть такое воздействие на человека, вследствие которого изменяются самые желания человека и совпадают с тем, что от него требуется. Человек, подчиняющийся духовному влиянию, поступает соответственно своим желаниям»⁴. Сила, «благодаря которой люди могут жить обществами»⁵, заключается в духовном влиянии, оказываемом личностями, опередившими других в познании истины, на менее развитых людей, в «способности людей мыслящих мало подчиняться указаниям людей, стоящих на высшей степени познания»⁶. Благодаря этой способности «определенный круг людей подчиняется одним и тем же разумным началам, причем одни — меньшинство — сознательно, вследствие согласия их с требованиями своего разума; другие же — большинство — бессознательно, только потому, что эти начала стали общественным мнением»⁷. «В этом подчинении нет ничего неестественного и противоречивого»⁸.

2. Но каким образом должны будут исполняться в будущем обществе те задачи, которые в настоящее время ис-

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 300.

² Ib. S. 301.

³ Ib. S. 301.

⁴ Ib. S. 236.

⁵ Ib. S. 461.

⁶ Ib. S. 461.

⁷ Ib. S. 461—462.

⁸ Ib. S. 461.

полняет государство? При этом обыкновенно имеют в виду три рода задач¹.

Во-первых, защиту от злых людей, находящихся среди нас². «Но кто же эти находящиеся среди нас злые люди? Если три-четыре века тому назад, когда люди гордились своим военным искусством, вооружением, когда убивать людей считалось доблестью, — и были такие люди, то ведь теперь таких людей нет; никто не носит более оружия, и все исповедуют заповедь человеколюбия. «Если же под людьми, от нападения которых должно защищать нас государство, разуметь тех людей, которые совершают преступления, то мы знаем, что они не особенные существа, вроде волка среди овец, а такие же люди, как и все мы, и точно так же не любят совершать преступления, как не любим этого и мы. Мы знаем, что деятельность правительств со своими, не соответствующими современному уровню нравственности жестокими приемами наказаний, тюрьмами, каторгой, виселицами, гильотиной — скорее содействует одичанию народов, чем смягчению их, и потому скорее увеличивает, чем уменьшает число таких насильников»³. Если бы мы были христианами и потому полагали, что «наша жизнь должна быть отдана на служение другим, то не нашлось бы такого безумного человека, который лишил бы пропитания или убил бы тех людей, которые служат ему. Миклухо-Маклай поселился среди самых грубых, как говорят, «диких» людей, и его не только не убили, но полюбили, покорились ему только потому, что он не боялся их, ничего не требовал от них и делал им добро»⁴.

Во-вторых, спрашивается, кто же будет защищать нас в будущем обществе от внешних врагов⁵? Но ведь мы же

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 255.

² Ib. S. 255.

³ Ib. S. 255—256.

⁴ Worin besteht mein Glaube? S. 290.

⁵ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 255, 258.

знаем, «что все европейские народы исповедуют принципы свободы и братства и потому не нуждаются в защите друг от друга. Если же говорить о защите от варваров, то для этого достаточно одной тысячной доли тех войск, которые стоят теперь под ружьем. Государственная власть не только не спасает от опасности нападения соседей, а напротив, она-то и вызывает их»¹. Но «если бы существовало общество христиан, не делающих никому зла и отдающих весь излишек своего труда другим людям, то никакие неприятели — ни немцы, ни турки, ни дикари — не стали бы убивать или мучить таких людей. У них можно бы было просто брать все, что они отдавали бы с полной охотой, не делая различия между русским, немцем, турком и дикарем»².

В-третьих, спрашивается, каким образом будет возможно в будущем обществе существование путей сообщения, воспитательных, образовательных, религиозных и других общественных учреждений³. «Если и было такое время, когда люди были так разобщены друг от друга, когда средства общения и передачи мыслей были так мало выработаны, что они не могли прийти в согласие ни о каком общем, ни торговом, ни экономическом, ни воспитательном деле без государственного центра, то теперь это время уже прошло; средства общения и передачи мыслей получили широкое развитие; для образования обществ, собраний, корпораций, для созыва конгрессов, основания экономических и политических учреждений нет надобности в правительстве; правительства в большей части случаев скорее мешают, чем содействуют достижению этих целей»⁴.

3. Какие же формы примет в будущем общественная жизнь в своих частных проявлениях? «Будущее будет таким,

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 258.

² Worin besteht mein Glaube? S. 289.

³ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 255, 257.

⁴ Ib. S. 257.

каким его сделают обстоятельства и люди»¹. В настоящее время мы не в состоянии отдать себе вполне ясный отчет об этом².

«Люди говорят: «Каковы же именно и в чем будут состоять те новые порядки, которые заменят современные? До тех же пор, пока мы не будем знать, как именно сложится наша жизнь, мы не хотим идти вперед и не тронемся с места»³. «Если бы Колумб рассуждал так, он никогда не снялся бы с якоря. Сумасшествием было ехать по океану, не зная дороги, по океану, по которому никто не ездил, плыть в страну, существование которой — вопрос. Но это сумасшествие открыло новый мир. Конечно, если бы народы только переезжали из одного готового *hotel garni* в другой, еще лучший, — все было бы гораздо проще, да беда вся в том, что некому заготовлять новых квартир»⁴.

Но когда люди стараются представить себе условия жизни в будущем обществе, их не столько беспокоит «вопрос о том, что будет, сколько вопрос о том, как жить без тех привычных нам условий жизни, которые мы называем наукой, искусством, цивилизацией, культурой?»⁵. «Но ведь все это суть только различные формы проявления истины; предстоящее изменение будет только приближением к истине и ее осуществлению. Как же могут формы проявления истины быть сведены на нет приближением к ней? Они будут иными, лучшими и высшими, но ни в коем случае не уничтожатся. Уничтожится в них только то, что было ложно в прежних формах; то же, что было истинно, то лишь процветет более и усилится»⁶.

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 510.

² Russische Christenverfolgungen, S. 46—47.

³ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 372.

⁴ Ib. S. 510.

⁵ Ib. S. 512.

⁶ Ib. S. 513—514.

«Если бы жизнь отдельного человека при переходе от одного возраста к другому была бы вполне известна ему, ему незачем было бы жить. То же и по отношению к жизни человечества; если бы у него была программа той жизни, которая ожидает его при вступлении в новый возраст, то это было бы самым верным признаком того, что оно не живет, не развивается, а топчется на одном месте. Отдельные свойства нового строя жизни не могут быть известны нам, потому что они должны быть выработаны нами же. Только в том и заключается жизнь, чтобы познавать неизвестное и сообразовать с этим новым познанием свою деятельность. В этом состоят жизнь каждого отдельного человека, а также и жизнь человеческих обществ и человечества»¹.

5. Собственность

I. Вместе с правом Толстой неизбежно должен отрицать также и необходимость учреждения собственности для современных народов, стоящих на более высокой ступени развития.

Может быть, когда-нибудь и было время, когда насилие, необходимое для того, чтобы обеспечить отдельной личности исключительное обладание известными благами, было меньше того насилия, которое было бы употреблено при общей борьбе из-за обладания этими благами, так что тогда существование права собственности было лучше его отсутствия. Но этот период во всяком случае уже прошел, соответствующий же ему общественный строй «отжил свой век»²; если бы даже и не существовало никакого права собственности, то между людьми нашего времени не возгоралось бы дикой борьбы из-за обладания благами; теперь все «исповедуют заповедь человеколюбия»³, каждый из нас

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 372—373.

² *Ib.* S. 518.

³ *Ib.* S. 256.

«знает, что все люди имеют одинаковые права на блага мира»¹; «есть уже и такие богатые люди, которые вследствие особенной чуткости к зарождающемуся общественному мнению отказываются от унаследованного состояния»².

Собственность противоречит любви, и именно, заповеди непротивления злу насилем³; но, мало того, учреждая господство имущих над неимущими, собственность погрешает также и против того, что для любви «все люди дети Бога и равны друг другу»⁴. Поэтому собственность, помимо того, что, как правовое учреждение, она покоится на насиллии, должна быть отвергнута и по другим соображениям. Богачи виноваты «уже тем, что они богаты»⁵. Существование десятков тысяч «голодных, зябнущих и глубоко униженных людей в Москве, тогда как я с другими тысячами объедаюсь филеями и осетриной и покрываю лошадей и полы сукнами и коврами»⁶, «есть преступление»⁷. Я «не перестану чувствовать себя участником этого постоянного преступления до тех пор, пока у меня будет лишний кусок хлеба, а у другого совсем нечего будет поесть, пока у меня будет две одежды, а у кого-нибудь не будет ни одной»⁸.

Толстой подробно развивает эту мысль.

1. Собственность означает господство имущих над неимущими.

Собственность есть право на исключительное владение какими бы то ни было вещами, причем безразлично, пользуются ли ими в действительности или нет⁹.

«Многие люди, которые называют меня своей лошадью». — Толстой предоставляет здесь слово лошади «Хол-

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 164.

² Ib. S. 376.

³ Worin besteht mein Glaube? S. 21; Was sollen wir also thun? S. 157—158.

⁴ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 167, 164.

⁵ Ib. S. 273.

⁶ Was sollen wir also thun? S. 19.

⁷ Ib. S. 18—19.

⁸ Ib. S. 19.

⁹ Das Geld, S. 18.

стомеру», — «не ездят на мне, а ездят совсем другие. Они не кормят меня, кормят же тоже совсем другие. Хорошего тоже мне ничего не делают те, которые зовут меня своей лошастью, а добро приносят мне кучера, ветеринары и вообще чужие люди. Позднее, когда круг моих наблюдений расширился, я убедилась, что понятие «мое» имеет своим основанием только низкое и животное стремление людей, которое они называют чувством или правом собственности и не ограничивается в своем применении только нами — лошадьми. Человек говорит — «дом принадлежит мне» и никогда не живет в нем, он заботится только о постройке и сохранении дома. Купец говорит «моя лавка, моя суконная лавка», а его одежда не из лучшей материи, которую он имеет в своем магазине. Есть люди, которые называют кусочек земли «своим», хотя, быть может, и не видали и не ходили по этой земле. Люди не стремятся в жизни делать то, что они считают хорошим, а стремятся возможно больше вещей называть «своими»¹.

Значение собственности в том, что бедный, не имеющий ее, находится в зависимости от богатого, который обладает собственностью; для того, чтобы добыть себе вещи, необходимые ему для жизни, но принадлежащие другому, бедный должен делать то, что пожелает этот другой, а именно, он должен работать на него. Таким образом, собственность разделяет людей «на две касты: одну трудящуюся, угнетенную, которая терпит нужду и страдает, а другую праздную и угнетающую, которая веселится и живет в роскоши»². «Мы все братья, а между тем каждое утро мой брат или моя сестра выносит мой горшок. Мы все братья, а мне утром необходима сигара, сахар, зеркало и т.п. предметы, создавая которые мои здоровые и равные мне братья и сестры теряли и теряют свое здоровье»³. «Я всю свою жизнь провожу так: ем,

¹ *Leinwandmesser: Werke 3, S. 602—603.*

² *Das Reich Gottes ist in Euch, S. 164.*

³ *Ib. S. 168.*

говорю и слушаю; ем, пишу и читаю, т.е. опять-таки говорю и слушаю; ем и играю; ем, говорю и слушаю снова; ем и ложусь спать; и так каждый день; другого ничего я не делаю и не умею делать. И для того, чтобы я мог это делать, нужно, чтобы с утра до вечера работали дворник, мужик, кухарка, повар, лакей, кучер, прачка; не говорю уже о работе других людей, которая нужна для того, чтобы эти кучера, повара, лакеи и т.д. имели все то, в чем они нуждаются при своей работе: топоры, бочки, щетки, посуду, мебель, далее воск, ваксу, керосин, сено, дрова, говядину. Все эти люди должны с утра до вечера нести тяжелый труд каждый день, и каждый день для того, чтобы я мог говорить, есть и спать»¹.

Это значение собственности особенно ясно обнаруживается на тех предметах, которые необходимы для того, чтобы производить другие предметы, т.е. на земле и орудиях труда². «Не может быть земледельца без земли, на которой он работает, без косы, телеги и лошади; не может быть и сапожника без дома, построенного на земле, без воды, воздуха и инструментов, которыми он работает»³; собственность же означает часто то, что «у мужика нет земли, лошади и косы, у сапожника дома, воды и шила, что кто-нибудь лишил их этих вещей»⁴. Следствием этого является то, «что для большей части рабочих естественные для производства условия оказываются нарушенными, что большая их часть принуждена работать чужими орудиями труда»⁵, причем собственник орудий труда может заставить их «работать не на себя, а на хозяина»⁶. Поэтому рабочий трудится «не для себя и не по своей охоте, а из нужды, для прихоти роскошествующих и праздных людей, для наживы какого-либо

¹ Was sollen wir also thun? S. 143.

² Das Geld, S. 18.

³ *Иб.* S. 13.

⁴ *Иб.* S. 13.

⁵ *Иб.* S. 16.

⁶ *Иб.* S. 15.

богача, владельца фабрики или завода»¹. Таким образом, собственность означает эксплуатацию рабочего теми, кому принадлежат земля и орудия производства; она означает, «что произведения человеческого труда все более и более переходят от массы трудового народа в руки нетрудящихся людей»².

Значение собственности как средства, которое ставит бедных в зависимость от богатых, особенно ясно выступает в сфере денег. «Деньги есть ценность, всегда равная самой себе и считающаяся правильной и законной»³. Следовательно, как обыкновенно говорят, «кто имеет деньги, тот может вить веревки из тех, у кого их нет»⁴. «Деньги создают новую форму рабства, отличающуюся от старой формы рабства только своей безличностью, отсутствием всяких человеческих отношений между господином и рабом»⁵; ибо «сущностью всякого рабства является принудительное пользование чужим трудом, причем безразлично, основывается ли оно на моем собственническом праве на раба или на моем обладании деньгами, необходимыми другому»⁶. «Но какого это рода у меня деньги и откуда они появились у меня? Часть их я получил с земли, унаследованной мною от отца. Мужик продал свою последнюю овцу, свою последнюю корову, чтобы отдать их мне. Другая часть моего имущества — это деньги, которые я получил за мои сочинения, за книги. Если книги мои вредны, то я только соблазняю тех, кто их покупает, сделать что-нибудь нехорошее, и деньги, которые я за них получаю, дурно добытые деньги; если же книги мои полезны людям, то дело обстоит еще хуже. Я не даю их прямо людям, которые могли бы ими

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 166.

² Was sollen wir also thun? S. 139.

³ Ib. S. 152.

⁴ Das Geld, S. 6.

⁵ Was sollen wir also thun? S. 151—152.

⁶ Ib. S. 160.

воспользоваться, а говорю: «Дайте мне семнадцать рублей, и вы их получите». И как там мужик продает последнюю овцу, так здесь бедный студент, или учитель, или еще какой-нибудь бедный человек лишает себя нужного для того, чтобы дать мне эти деньги. И вот я набрал много таких денег, и что же я делаю с ними? Я привожу эти деньги в город и отдаю их бедным только под тем условием, чтобы они исполняли мои прихоти, чтобы они пришли сюда в город чистить для меня тротуары и готовить для меня на фабриках лампы, сапоги и т.д. За эти деньги я покупаю у них все, и я стараюсь как можно меньше дать им, чтобы можно больше получить от них. И вдруг я совершенно неожиданно начинаю так, просто задаром, давать эти деньги этим же бедным — не всем, но тем, кому мне вздумается»¹, что значит одной рукой отнимать у бедных тысячи рублей, а другой некоторым из них раздавать копейки².

2. Осуществляющееся в собственности господство имущих над неимущими основывается на физическом насилии.

«Если огромные богатства, накопленные рабочими, считаются принадлежащими не всем, а лишь немногим избранным лицам, если право собирать подати с труда и употреблять эти деньги на что угодно предоставлено некоторым людям, то все это происходит не потому, что народ этого хочет и что так естественно должно быть, а потому, что в этом видят свою выгоду господствующее классы и посредством физического насилия над телом человека осуществляют все это»³; все это основывается на «насилии, на убийстве и на угрозах ими»⁴. «Если люди, считая это несправедливым (как это думают теперь все рабочие), все же отдают главную долю своего труда капиталисту, землевладельцу»⁵, то дела-

¹ Was sollen wir also thun? S. 134—135.

² *Ib.* S. 135.

³ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 247—248.

⁴ *Ib.* S. 406.

⁵ *Ib.* S. 407.

ют они это «только потому, что знают, что их будут бить и убивать, если они не будут делать этого»¹. «Смело можно сказать, что в нашем обществе, где на каждого имущего, по-барски живущего человека приходится десять измученных, завистливых, жадных и со своими женами и детьми глубоко страдающих рабочих, все преимущества богатых, вся роскошь их, все то, чем в излишестве пользуются богатые, все это приобретено и поддерживаемо только наказаниями, заключениями и казнью»².

Существование собственности обеспечивается полицией³ и войсками⁴. «Нельзя нам притворяться, что мы не видим того городского, который с заряженным револьвером ходит перед окнами, защищая нас, в то время как мы едим свой вкусный обед или смотрим новую пьесу, и не думаем про тех солдат, которые каждую минуту готовы въехать с ружьями и боевыми патронами туда, где будет нарушена наша собственность. Ведь мы знаем очень хорошо, что, если мы можем спокойно есть свой обед, и смотреть новую пьесу, и гулять безопасно, быть на елке, на катанье, скачке или охоте, то только благодаря пуле городского и оружию солдата, которые готовы пробить голодное брюхо того бедняка, который из-за угла, облизываясь, глядит на наши удовольствия и тотчас же уничтожит их, как только уйдет городской с револьвером или не будет солдата в казармах, готового явиться по нашему первому зову»⁵.

3. Осуществляемое в собственности господство имущих над неимущими покоится на физическом насилии, которое совершается самими же угнетаемыми.

Те самые люди из неимущего класса, которые благодаря существованию собственности находятся в зависимости

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 407.

² Ib. S. 409.

³ Ib. S. 492.

⁴ Ib. S. 247, 447.

⁵ Ib. S. 492—493.

от имущих классов, должны нести полицейские обязанности, служить в войске, платить подати, на которые содержится полиция и войско, и так или иначе или самим участвовать в совершении того насилия, которым держится собственность, или же поддерживать это насилие¹. «Ведь если бы не было этих людей, готовых по приказанию истязать и убивать первого встречного, никто никогда не решился бы утверждать то, что с уверенностью утверждают все праздные землевладельцы, а именно, что земля, окружающая мрущих от голода крестьян, есть собственность человека, не работающего на ней»²; «не могло бы никогда прийти в голову помещику отнять у мужика лес, им выращенный»³, и никто не стал бы утверждать «что мошеннически собранные хлебные запасы должны храниться в целости среди изголодавшегося населения, потому что купцу нужны барыши»⁴.

II. Любовь требует того, чтобы собственность была заменена единственно такой формой распределения богатств, которая всецело основана на ее требованиях. «Невозможность вести прежнюю жизнь и необходимость установить новые формы жизни»⁵ тоже связаны с распределением богатств. «Уничтожение собственности»⁶ и замена ее новой формой распределения — вот один из вопросов, стоящих теперь на очереди»⁷.

По закону любви каждый человек, трудящийся соответственно своим силам, должен иметь все то, в чем он нуждается, но не более этого.

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 314—328.

² Ib. S. 424—425.

³ Ib. S. 425.

⁴ Ib. S. 425.

⁵ Ib. S. 511.

⁶ Worin besteht mein Glaube? S. 249.

⁷ Ib. S. 249.

1. То, что всякий человек, трудящийся по мере своих сил, должен пользоваться всем необходимым ему, но только необходимым, следует из двух предписаний, вытекающих из закона любви.

Первое из этих предписаний повелевает человеку «не требовать труда от других, а самому всю жизнь свою посвятить труду для других. «Человек не затем живет, чтобы на него работали, а чтобы самому работать»¹. Поэтому он не должен считаться с другими из-за своей работы и думать, «что имеет право на тем большее пропитание, чем больше и полезнее его работа»². Исполнение этого предписания доставляет каждому человеку то, в чем он нуждается. Прежде всего это относится к здоровому взрослому человеку. «Если человек работает, то работа кормит его. И если трудом этого человека пользуется другой человек, то он должен тоже кормить его, так как пользуется его работой»³. Человек обеспечивает «свое пропитание не тем, что он отнимает у других, а тем, что он становится полезен и нужен другим. Чем нужнее он для других, тем обеспеченнее будет его существование»⁴. Но исполнение предписания, требующего того, чтобы человек служил другим, доставляет пропитание также и больным, старикам и детям. Люди «не перестают кормить заболевшее животное. Они даже старую лошадь не убивают, а дают ей посильную работу; они выращивают целые семейства ягнят, поросят и щенят, ожидая от них пользы. Как же не будут они в таком случае кормить необходимого для них человека, когда он заболит? Как не постараются подыскать посильной работы и старому и малому? Как не станут растить людей, которые в свою очередь будут на них же работать?»⁵

¹ Worin besteht mein Glaube? S. 228.

² Ib. S. 227—228.

³ Ib. S. 227.

⁴ Ib. S. 229.

⁵ Ib. S. 230.

Второе предписание, вытекающее из закона любви и требующее, чтобы каждый человек, работающий по своим силам, имел то, что ему необходимо, хотя и не более того, гласит: «Делись тем, что у тебя есть, с другими, не собирай богатств»¹. «На вопрос своих слушателей о том, что делать, Иоанн Креститель просто, коротко и ясно отвечал: кто имеет две одежды, пусть даст тому, у кого нет, кто имеет пищу, пусть делает то же (Лк. III, 10, 11). То же самое, только с большей ясностью и прямоотой много раз говорил Христос. Он говорил: счастливы бедные и горе богатым. Он говорил, что нельзя сразу служить и Богу и мамоне. Он запретил своим ученикам не только брать деньги, но даже иметь две одежды. Он сказал богатому юноше, что он не может войти в царствие Божие, потому что он богат, и что легче верблюду войти в игольное ушко, чем богатому в царство небесное; он сказал, что тот, кто не оставит всего, — и дома, и детей, и поля — для того, чтобы идти за ним, тот не его ученик. Он рассказал своим слушателям притчу о богатом, который не делал ничего дурного, как и наши богатые, кроме того, что хорошо одевался, сладко ел и пил и погубил только этим свою душу, и о бедном Лазаре, который не сделал ничего хорошего, но получил спасение только оттого, что он был нищий»².

2. Каковы же будут детали такого распределения богатств?

Это можно видеть всего лучше на примере русских колонистов. Они приходят на землю, садятся на нее и начинают работать, и никому из них в голову не приходит, чтобы человек, не пользующийся землей, мог иметь какие-нибудь права на нее; напротив того, колонисты считают землю прежде всего общим достоянием и признают безусловно справедливым, чтобы каждый косил и пахал там, где только хочет. Для обработки земли, для разведения са-

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, 520.

² Was sollen wir also thun? S. 157—158.

дов и для постройки домов эти колонисты заводят орудия труда, и никому в голову не приходит, что эти орудия труда могут сами по себе приносить доход; напротив, колонисты думают, что всякий доход насчет орудий труда, всякий процент на счет ссужаемого хлеба и т.д. есть несправедливость. Они работают на вольной земле своими или ссуженными им без процента орудиями, каждый для себя или все вместе на общее дело»¹.

«Говоря о такой общине людей, я не фантазирую ни сколько, а описываю только то, что происходило всегда и происходит теперь не только у русских поселенцев, а повсюду, где еще не нарушено ничем естественное состояние людей. Я описываю то, что представляется каждому человеку естественным и разумным. Люди поселяются на земле, и каждый из них берется за свойственное ему дело, они приготавливают себе орудия труда и делают свое дело. Если же людям удобнее работать вместе, они образуют артель»². Но ни в отдельном хозяйстве, ни в артелях «ни вода, ни земля, ни одежда, ни плуг не могут никому принадлежать, кроме тех, которые пьют воду, носят одежду и работают плугом, потому что все эти вещи нужны только тем, которые ими пользуются»³. «Своим» можно называть «только свой труд»⁴, который дает человеку столько, сколько ему надо⁵.

6. Осуществление

По мнению Толстого, требуемый любовью переворот в общественном строе должен произойти таким образом, что люди, познавшие истину, убедят как можно большее число других людей в том, что перемена необходима для осущест-

¹ Das Geld, S. 10.

² Ib. S. 11.

³ Ib. S. 11—12.

⁴ Das Korn: Volkserzählungen, S. 89.

⁵ Ib. S. 89.

вления любви и что путем отказа в повиновении будут уничтожены право, государство и собственность и будет осуществлен новый строй.

I. Прежде всего необходимо, чтобы люди, познавшие истину, убедили как можно большее число других людей в том, что любовь требует переворота.

1. «Для того чтобы изменился противоречащий нашим знаниям порядок жизни и заменился другим, соответствующим им, нужно прежде всего, чтобы отжившее общественное мнение заменилось новым и более живым»¹.

Наиболее величественные и знаменательные перемены в жизни человечества вовсе не являются результатом каких-либо поступков; для этого не нужно «ни вооружения миллионов войск, ни постройки новых дорог и машин, ни устройство выставок, ни устройство рабочих союзов, ни революций, ни баррикад, ни взрывов, ни изобретений в воздухоплавании, а нужны только изменения в общественном мнении»². Освобождение достигается только «при помощи изменения нашего жизнепонимания»³; «все зависит от силы, с которой каждый отдельный человек сознает христианскую истину»⁴; «познайте истину, и истина сделает вас свободными»⁵. Освобождение должно необходимо совершиться потому, «что христианин признает закон любви, открытый ему его учителем, совершенно достаточным для всех человеческих отношений и потому считает всякое насилие излишним и незаконным»⁶.

Произвести такой переворот в общественном мнении во власти людей, познавших истину»⁷. «Общественное мне-

¹ Christentum und Vaterlandslieben, S. 116.

² Ib. S. 108—109.

³ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 301.

⁴ Ib. S. 474.

⁵ Ib. S. 302.

⁶ Ib. S. 301.

⁷ Christentum und Vaterlandsliebe, S. 116—117.

ние не нуждается для своего возникновения и распространения в сотнях и тысячах лет, а имеет свойство заразительно действовать на людей и чрезвычайно быстро овладевать многими людьми»¹. «Подобно тому, как бывает достаточно одного толчка для того, чтобы насыщенная солью жидкость мгновенно перешла в кристаллы, так, может быть, теперь достаточно самого маленького усилия для того, чтобы открытая уже людям истина охватила бы сотни, тысячи, миллионы людей, — чтобы установилось соответствующее познаниям общественное мнение и чтобы благодаря этому изменился весь строй существующей жизни. Сделать это усилие в нашей власти»².

2. Наилучшее средство для того, чтобы произвести необходимый переворот в общественном мнении, состоит в том, что люди, познавшие истину, должны свидетельствовать о ней своими делами.

«Христианин знает истину только для того, чтобы свидетельствовать о ней перед теми, которые не знают ее»³, и притом свидетельствовать «делом»⁴. «Истина передается людям только делами истины. Только дела истины, внося свет в сознание каждого человека, разрушают сцепление обмана»⁵. Поэтому, собственно, ты должен, «если ты земледелец — сейчас же отдать свою землю бедным, если же капиталист — сейчас же отдать свои деньги или фабрику рабочим; если ты князь, министр, чиновник, судья или генерал, ты должен тотчас же отказаться от своего положения, а если солдат, то, несмотря на всю опасность, тотчас же отказаться от повиновения»⁶. Конечно, «может случиться — это весьма вероятно, — что ты не в силах будешь сделать

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 358.

² Ib. S. 508.

³ Worin besteht mein Glaube? S. 290.

⁴ Ib. S. 290.

⁵ Ib. S. 293.

⁶ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 523.

этого: у тебя связи, семья, подчиненные, начальники, — соблазны так велики, и твои силы оставляют тебя»¹.

3. Но есть еще другое, хотя и не столь действительное средство произвести необходимый переворот в общественном мнении; применять это средство «ты всегда можешь»². Оно состоит в том, что люди, познавшие истину, «откровенно высказывают» ее³.

«Если бы люди, хотя бы небольшое количество людей, стали это делать, тотчас же само собой пало бы отжившее общественное мнение и родилось бы молодое, живое и настоящее»⁴. «Никакие миллиарды рублей, миллионы солдат, никакие учреждения, войны и революции не произведут того, что может произвести простое выражение свободным человеком того, что он считает справедливым или несправедливым. Если один свободный человек скажет правдиво то, что он думает и чувствует, среди тысяч людей, своими поступками и словами поддерживающих совершенно противоположное, то, казалось бы, он должен остаться одиноким, а между тем по большей части дело обстоит иначе; все или большинство уже давно думают и чувствуют втихомолку то же самое; и благодаря этому то, что было вчера новым мнением одного человека, быть может, станет завтра общим мнением большинства»⁵. «Только бы мы перестали лгать и притворяться, что мы не видим истину; только бы мы признали ту истину, которая зовет нас, и смело исповедали ее, и мы тотчас же поняли бы, что сотни, тысячи, миллионы людей находятся в том же положении, как и мы, что, как и мы, они видят истину, подобно нам боятся остаться одинокими и подобно нам только и ждут от других ее признания»⁶.

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 523.

² Ib. S. 523.

³ Christentum und Vaterlandsliebe, S. 116.

⁴ Ib. S. 109.

⁵ Ib. S. 112—113.

⁶ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 509.

II. Чтобы переворот совершился и на место права, государства и собственности стал новый общественный строй, нужно, далее, чтобы люди, познавшие истину, устроили свою жизнь соответственно их познанию и в особенности отказались бы повиноваться государству.

1. Люди сами должны произвести общественный переворот. Они не должны более «ожидать, что кто-то придет и поможет им; будь то Христос в облаках и с трубным гласом, или исторический закон, или закон дифференциации или интеграции сил. Нам никто не поможет, если мы сами себе не поможем»¹.

«Мне рассказывали случай, происшедший с храбрым становым, который приехал в деревню, где бунтовали крестьяне и куда были вызваны войска, и хотел усмирить бунт в духе Николая I, один, своим личным влиянием. Он велел привезти несколько возов розог и, собрав всех мужиков в ригу, с ними вместе вошел туда, заперся и так напугал сначала мужиков своим криком, что они стали по его приказанию сечь друг друга. И так они секли друг друга до тех пор, пока не нашелся один дурачок, который не дался сам и закричал товарищам, чтобы они не секли друг друга. Только тогда прекратилось сечение и становой убежал из риги. Вот этому-то совету дурачка и должны бы последовать люди нашего времени»².

2. Но люди должны произвести этот переворот не насильственным путем. «Революционеры извне борются с правительством. Христианство же вовсе не борется, но изнутри разрушает все его основания»³.

«Некоторые люди утверждают, что освобождение от насилия или хотя бы ослабление его может произойти вследствие того, что угнетенные люди силою свергнут уг-

¹ Worin besteht mein Glaube? S. 147—148.

² Das Reich Gottes ist in Euch, S. 306—307.

³ Ib. S. 326.

нетающее их правительство, а другие люди стараются поступать согласно этому учению: эти люди только обманывают себя и других. Деятельность их только усиливает деспотизм правительства. Попытки освобождения с их стороны дают только удобный предлог правительствам для усиления своей власти»¹.

Если даже и допустить, что вследствие особенно благоприятного стечения обстоятельств, как, например, во Франции в 1870 году, удалось бы свергнуть какое-нибудь из правительств, то партия, восторжествовавшая путем насилия, «чтобы остаться у кормила правления и для введения в жизнь своих порядков, должна употребить не только все существующие средства насилия, но и придумать новые. Порабощены будут другие люди, и их будут принуждать к другому; будет не только то же, но более жестокое насилие и порабощение; вследствие борьбы усилятся ненависть человеческая друг против друга, и вместе с тем усилятся и выработаются новые средства порабощения. Так всегда и было после всех революций и всех попыток революции, всех заговоров и всяких насильственных перемен в правительствах. Всякая борьба только усиливает средства порабощения тех, которые в данное время находятся у власти»².

3. Люди, чтобы произвести перемену в общественном строе, должны устроить свою жизнь так, чтобы она находилась в соответствии с познанной ими истиной. «Христианин освобождается от всякой человеческой власти благодаря тому, что считает для своей жизни и жизни других божественный закон любви, вложенный в душу каждого человека и доведенный до его сознания Христом, единственным руководителем жизни своей и других людей»³.

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 279—280.

² Ib. S. 280—281.

³ Ib. S. 298.

Это значит, что надо платить добром за зло¹, отдавать ближнему все, что есть лишнего, и не брать от него ничего, в чем нет надобности², в особенности же не приобретать денег и раздавать те, какие есть³, не покупать и не отдавать в наем⁴ и, не боясь никакой работы, самому делать все, что необходимо для удовлетворения своих потребностей⁵; и, главным образом, это значит то, что следует не повиноваться требованиям государственной власти, противным христианству⁶.

Случаи отказа в повиновении государственной власти в настоящее время представляют нередкое явление в России. Отказываются от уплаты податей, от общей присяги, от присяги в судах, от несения полицейских обязанностей, от участия в суде в качестве присяжных, от воинской повинности⁷. «Правительства при таких отказах со стороны христиан находятся в отчаянном положении»⁸. Они могут убить, казнить, запереть в тюрьму и сослать на каторгу всякого, кто желает насильем свергнуть их; могут засыпать золотом половину людей и подкупить их; могут подчинить миллионы вооруженных людей, готовых погубить всех врагов правительств. Но что могут они сделать против людей, которые, не желая ничего ни разрушать, ни учреждать, желают только для себя не делать ничего противного христианскому закону и потому отказываются от исполнения самых общих и потому самых необходимых для правительств обязанностей?⁹ «Как бы ни поступало правительство по отношению к этим людям, оно неизбежно будет

¹ Worin besteht mein Glaube? S. 292.

² Was sollen wir also thun, S. 164; Worin besteht mein Glaube? S. 291.

³ Was sollen wir also thun, S. 162.

⁴ Ib. S. 161.

⁵ Ib. S. 161.

⁶ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 314.

⁷ Ib. S. 327—328.

⁸ Ib. S. 330.

⁹ Ib. S. 328.

содействовать только своему собственному уничтожению»¹, а вместе с тем и уничтожению права и собственности и установлению нового общественного строя. «Ведь если правительство не будет преследовать таких людей, как, например, духобора, штундиста и т.д., то выгоды христианского, мирного образа жизни этих людей будут привлекать к себе не только искренно убежденных христиан, но и людей, которые под личиной христианства хотят освободиться от своих обязанностей по отношению к государству. Если же правительство будет, наоборот, жестоко относиться к таким людям, то самая эта жестокость к людям, которые виноваты только в том, что они стараются вести более нравственную жизнь, самая жестокость эта будет все более и более создавать ему врагов. И в конце концов придет момент, когда правительства не будут находить людей, готовых насилием поддерживать их»².

4. Жизнь сообразно познанной истине должна быть начата отдельными личностями. Нет надобности ждать, чтобы все или многие изменили свою жизнь одновременно с ними.

Отдельный человек не должен думать, что будет бесполезно, если он один будет вести жизнь, согласно учению Христа³. «Люди в своем настоящем состоянии уподобляются сройвшимся пчелам, висящим кучей на ветке. Положение пчел на ветке временное и неизбежно должно быть изменено. Они должны подняться и найти себе новое жилище. Каждая пчела знает это и хочет переменить свое положение и положение других, но ни одна не может этого сделать до тех пор, пока не сделают того же и остальные. Все же они не могут вдруг подняться, потому что одна висит на другой и мешает ей отделиться от роя, и потому все про-

¹ Russische Christenverfolgungen, S. 44.

² Ib. S. 44.

³ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 293.

должают висеть. Казалось бы, пчелам нет из этого положения никакого выхода»¹; и выхода действительно не было бы, если бы каждая пчела не была самостоятельным существом. Стоит только «одной пчеле раскрыть крылья, подняться и полететь, а за ней второй, третьей, десятой и сотой для того, чтобы висевшая неподвижно кучка стала свободно летящим роем пчел. Точно так же стоит только одному человеку понять жизнь так, как учит его понимать ее христианство, и начать жить согласно этому пониманию, а за ним сделать то же другому, третьему и сотому, как тот заколдованный круг, из которого, казалось, не было выхода, будет побежден»².

Отдельные личности не должны отказываться от проведения в жизнь своих убеждений также из страха перед страданиями. «Если я один среди мира людей, не следующих учению Христа», говорят обыкновенно, «стану следовать ему, буду отдавать то, что имею, буду подставлять щеку, не защищаясь, буду не соглашаться на присягу и на военную службу, меня оберут как липку, и если я не умру с голода, меня изобьют до смерти, посадят в тюрьму или расстреляют и я напрасно погублю счастье своей жизни и пожертвую собственной жизнью»³. Пусть будет так. «Я не интересуюсь тем, больше ли у меня будет неприятностей, раньше ли я умру, исполняя учение Христа; об этом может спрашивать только тот, кто не видит, как бессмысленна и несчастна жизнь для самого себя, и воображает, что он «не умрет». Я же знаю, что жизнь для личного, собственного счастья есть величайшая глупость и что за такой глупой жизнью непременно последует и глупая смерть. Поэтому я ничего не боюсь. Я умру так же, как все; так же, как те, что не исполняют учения Христа; но моя жизнь и смерть будут иметь

¹ Das Reich Gottes ist in Euch, S. 302—303.

² Ib. S. 303—304.

³ Worin besteht mein Glaube? S. 148.

смысл и для меня, и для других. Моя жизнь и смерть будут содействовать спасению и жизни других людей, — а этому-то и учил Христос»¹.

Раз достаточное число отдельных личностей устроит свою жизнь сообразно познанию, то вскоре за ними последует и толпа. «Переход людей от одного устройства жизни к другому совершается не всегда так, как пересыпается песок в песочных часах, песчинка за песчинкой от первой до последней, а скорее так, как вливается вода в опущенный в воду сосуд, который сначала только одной стороной медленно и равномерно набирает в себя воду, а потом от тяжести уже влившейся в него воды вдруг быстро погружается и почти сразу принимает в себя всю ту воду, которую он может вместить»². Таким образом, данный отдельными личностями толчок вызовет движение, которое будет идти все быстрее и быстрее, все расширяясь и расширяясь, подобно лавине, до тех пор, пока не повлечет за собой всю массу и не создаст нового уклада жизни. Тогда наступит время, «когда все люди, преисполненные Богом, избавятся от войны, перекуют мечи в плуги и копья в серпы, т.е. на нашем языке, когда все тюрьмы и крепости опустеют, а все виселицы, ружья и пушки останутся без употребления»³. Тогда то, что казалось мечтой, найдет осуществление в новых формах жизни»⁴.

¹ *Worin besteht mein Glaube?* S. 179—180.

² *Das Reich Gottes ist in Euch*, S. 253.

³ *Ib.* S. 356.

⁴ *Ib.* S. 392.

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА

Учение Тукера

1. Общие замечания

1. Венъямин Р. Тукер родился в 1854 году в Дартмуте около Нью-Бедфорда в Массачусетсе. С 1870 по 1872 год он изучал в Бостоне технологию. Там он познакомился в 1872 году с Ж. Варреном. В 1874 году он путешествовал по Англии, Франции и Италии.

В 1877 году Тукер принял редакцию выходившего в Принстоне, в Массачусетсе, журнала «Word»; в 1878 году он издавал в Нью-Бедфорде раз в три месяца выходивший журнал «The radical review», которого вышло всего только четыре номера. В 1881 году он основал в Бостоне двухнедельный журнал «Liberty», который вскоре появился также и в немецком издании под названием «Libertas». В Бостоне он был десять лет сотрудником «Globe». С 1892 года он живет в Нью-Йорке; с этих пор «Liberty» выходит здесь каждую неделю.

2. Учение Тукера о праве, государстве и собственности превосходно изложено в его статьях, помещенных в «Liberty». Собрание этих статей он издал под заглавием «Instead of a book. By a man too busy to write one. A fragmentary exposition of philosophical anarchism» (1893).

3. Тукер называет свое учение анархизмом. «Стечение обстоятельств сделало меня до некоторой степени известным последователем учения новейшего анархизма»¹. «Анархия не обозначает простого противоположения *agchos*, т.е. политическому предводителю. Она означает противоположность к *agche*. Прежде всего *agche* значит начало; затем принцип, основное положение; потом первое место, верховенство, господство, правительство, высочайшее повеление, начальство; наконец, высшая власть, государство, королевство, высшая должность, государственная должность. Таким образом, этимологически слово анархия может иметь различный смысл. Употреблять же слово анархия как философское выражение, а слово «анархизм» как обозначение известного философского направления стали для того, чтобы отметить противоположность господству и верховенству; теперь же по привычке твердо держатся этого обозначения, так что всякое другое употребление этого слова неуместно и вводит в заблуждение»².

2. Основные принципы

Тукер считает личную выгоду высшим законом для каждого из нас; но отсюда же он выводит и закон одинаковой для всех свободы.

1. Для каждого человека его личная выгода есть высший закон. «Анархисты признают не только утилитаризм, но и эгоизм в самом полном смысле этого слова»³.

Что же значит личная выгода? Моя выгода — это все то, что целесообразно для меня⁴. Она охватывает не только низшие, но «высшие формы себялюбия»⁵. Таким образом,

¹ Tucker, S. 21.

² Ib. S. 122.

³ Ib. S. 24.

⁴ Ib. S. 24, 84.

⁵ Ib. S. 64.

выгода общества есть одновременно и выгода каждого в отдельности человека; «жизнь общества неотделима от жизни отдельного лица; кто разрушает общественную жизнь, тот должен неизбежно разрушить и личную»¹.

Для каждого человека высшим законом является его личная выгода. «Анархисты абсолютно отрицают идею нравственной зависимости, естественного права и обязанностей»². «Сила — единственное мерило для наших естественных потребностей. Каждый человек, зовут ли его Билл Сикес или Александр Романов, и каждый круг людей, будет ли это китайский тайный союз или конгресс Соединенных Штатов, имеет право убивать или поработать других людей и подчинять себе весь мир, если только он имеет нужную для этого силу»³. «Общество имеет право принуждать отдельных лиц, личность же имеет право принуждать общество, — соответственно тому, насколько сильна для этого каждая из этих сторон»⁴.

2. Из этого высшего закона Тукер выводит «закон одинаковой для всех свободы»⁵. Этот закон основан на выгоде каждого отдельного человека, ибо «свобода есть основное условие человеческого счастья, следовательно, самая важная вещь в мире, и я стараюсь взять от нее столько, сколько мне возможно»⁶. «С другой стороны, равенство есть условие жизни общества»⁷; жизнь же общества «неотделима от жизни личности»⁸. Следовательно, выгода каждого человека требует одинаковой свободы для всех.

«Одинаковая свобода для всех означает наивысшую меру свободы, которая совместима с тем, чтобы живущие

¹ Tucker, S. 35.

² *Иб.* S. 24.

³ *Иб.* S. 24.

⁴ *Иб.* S. 132.

⁵ *Иб.* S. 42.

⁶ *Иб.* S. 14.

⁷ *Иб.* S. 64.

⁸ *Иб.* S. 35.

в обществе личности уважали взаимно и в равной степени область деятельности каждого»¹. «Забиться о своих делах, — вот единственный нравственный закон анархизма»². «Мы обязаны уважать права других, т.е. их ограниченную одинаковой общей свободой власть»³. Таким образом, «благодаря закону одинаковой свободы для всех власть каждой личности находит свою логическую границу»⁴. На законе одинаковой для всех свободы основано «различие между нарушением прав и сопротивлением, между господством и защитой; свобода имеет значение основного закона; без нее немыслима никакая прочная общественная философия»⁵.

«Нарушить права кого-нибудь — значит вторгнуться в область отдельной личности; область же эта отграничена линией, в пределах которой свобода деятельности одного лица не сталкивается со свободой деятельности других»⁶. Эта пограничная линия отчасти не подлежит сомнению; так, например, угроза не есть нарушение прав, если поступок, которым грозят, не является таким нарушением; я с правом могу грозить тем, что я вправе сделать»⁷. Но граница эта может быть и сомнительной; «так, например, нельзя сказать с уверенностью, представляет ли собой плохое обращение родителей со своим ребенком нарушение свободы третьего лица или нет»⁸. При помощи опыта нам удастся с каждым днем все точнее и точнее проводить эту линию»⁹. «Для сущности нарушения безразлично, совершается ли оно одним против другого, подобно обыкновенному преступлению, или одним против всех в форме неограничен-

¹ Tucker, S. 65.

² *Ib.* S. 15.

³ *Ib.* S. 59.

⁴ *Ib.* S. 59.

⁵ *Ib.* S. 23.

⁶ *Ib.* S. 67.

⁷ *Ib.* S. 153.

⁸ *Ib.* S. 135.

⁹ *Ib.* S. 78.

ного властелина, или всеми против одного в виде современной демократии»¹.

«С другой стороны, сопротивление чужому нарушению есть не нарушение, а защита»². «Каждая личность имеет право сопротивляться вторжению в область своей гибели»³ и даже употребить против него силу⁴, «если только она целесообразна»⁵. Справедливо не только требовать воздаяния за нарушения, но и препятствовать им; наоборот, было бы неправильно препятствовать таким, не влекущим за собой нарушения, поступкам, которые, подобно продаже крепких напитков на вынос, только увеличивают возможность каких-либо нарушений вообще⁶. «Также и для сущности сопротивления безразлично, совершается ли оно одним против другого, так, например, если я защищаюсь от преступника, или один против всех, если, например, я отказываюсь исполнять тиранический закон, или всеми против одного, если, например, народ восстает против своего деспота, если члены общества добровольно соединяются для обезоруживания преступника»⁷.

3. Право

По мнению Тукера, с точки зрения личного блага каждого человека и одинаковой для всех свободы против права возразить нельзя ничего. Правовые нормы, т.е. такие нормы, которые основаны на общей воле⁸, должны быть признаны⁹ и исполнение их должно быть вынуждено всеми

¹ Tucker, S. 23.

² *Ib.* S. 23.

³ *Ib.* S. 59.

⁴ *Ib.* S. 81.

⁵ *Ib.* S. 80.

⁶ *Ib.* S. 167.

⁷ *Ib.* S. 23.

⁸ *Ib.* S. 52, 60, 104, 158, 167.

⁹ *Ib.* S. 25.

средствами¹, даже тюрьмой, пыткой и смертной казнью. Но право должно быть «настолько гибким, что могло бы приспособляться ко всякому случаю и не нуждаться ни в каком изменении; оно должно быть признаваемо справедливым по степени своей гибкости, а не как теперь, по степени своей окаменелости»². Средство для этого заключается в том, «чтобы суды присяжных принимали решение не только относительно фактов, но и относительно права»³, тогда не нужны будут учреждения для изменения права⁴. В особенности должны быть действительными следующие правовые нормы, правильность которых Тукер старается вывести из закона одинаковой для всех свободы.

Прежде всего должна существовать правовая норма, которая защищала бы личность от оскорбления. «Мы непримиримые враги всякого оскорбления личности и стремимся главным образом к устранению причин таких оскорблений; но нас нисколько не пугает никакой насильственный закон против них, поскольку он согласуется с разумностью и с данными условиями»⁵. Смертная казнь вполне согласуется с защитой личности против нарушения ее права, так как такое наказание по своей сущности есть не насильственный поступок, а акт защиты⁶.

Затем должна быть признана правовая норма, в силу которой «собственность основывается на труде»⁷. «Такая форма собственности гарантирует каждому владение своими собственными произведениями и теми чужими произведениями, которые он приобрел без обмана и насилия»⁸.

¹ Tucker, S. 60.

² *Ib.* S. 312.

³ *Ib.* S. 312.

⁴ *Ib.* S. 312.

⁵ *Ib.* S. 52.

⁶ *Ib.* S. 156—157.

⁷ *Ib.* S. 131.

⁸ *Ib.* S. 60.

«Анархическая собственность распространяется, таким образом, только на производство. Производство же составляет все то, на что употребляется человеческий труд. Следует, однако, заметить, что при ограниченном количестве каких-нибудь предметов в данное время анархизм будет защищать только такие права, которые будут вытекать из владения и пользования этими предметами в данный момент»¹. Подобно тому, как при нарушении прав личности, при нарушении прав собственности анархизм тоже не останавливается «ни перед какими насильственными законами, которые диктуются разумом и данными обстоятельствами»².

Далее, признание должна получить та правовая норма, в силу которой договоры должны быть выполняемы. «Если кто-нибудь сознательно и добровольно берет на себя какое-нибудь обязательство, то этим создается для него обязанность³, а для другой стороны «право»⁴. Конечно, обязывающая сила договора имеет свои пределы. «Договор — это очень ценное и удобное орудие, но полезность его не безгранична. Никто не может пользоваться им для отречения от себя, как человека⁵; образование союза при общем отказе от права выйти из него было бы поэтому пустой формой»⁶. «Далее, никто не может им воспользоваться для нарушения прав третьего лица; поэтому обещание, исполнение которого является нарушением прав третьего лица, должно быть недействительным»⁷. «Исполнение договора такое важное дело, что только в исключительных случаях нарушение его может быть оправдано. Доверие членов союза друг к другу имеет такую важность, что хорошо делают, если ни одним

¹ Tucker, S. 61.

² *Ib.* S. 52.

³ *Ib.* S. 24.

⁴ *Ib.* S. 146, 350.

⁵ *Ib.* S. 48.

⁶ *Ib.* S. 48.

⁷ *Ib.* S. 158.

поступком не подрывают этого доверия, если бы даже того и потребовали более высокие соображения»¹. «Неисполнение какого-нибудь обещания есть обман по отношению к тому, кому дано обещание, произвольное нарушение его свободы, его прав»². «Каждое лицо, которому по какой-либо причине что-нибудь обещано, имеет поэтому право даже силой заставить исполнить обещанное, пусть даже обещание будет таким, выполнение которого будет содержать в себе нарушение прав третьего лица. И если тот, кому дано обещание, имеет право сам приложить для этого силу, то он имеет равным образом и право соединиться с другими людьми, дабы воспользоваться их силами, предоставленными в его распоряжение. Другие же, в свою очередь, имеют право решать, окажут ли они и в какой степени ему помощь в деле принуждения к выполнению обещания. При этом решении дело касается единственно лишь вопроса целесообразности. Вероятнее всего придут к заключению, что исполнение договоров вернее будет в том случае, если договаривающееся лицо заранее знает, что исполнение не будет принудительное»³.

4. Государство

I. Принимая во внимание личное благо каждого, основанного на законе одинаковой для всех свободы, Тукер отрицает государство вообще, независимо от каких-либо временных и местных условий. Ибо «государство есть олицетворение идеи нарушения права»⁴.

1. «Все учреждения, которые когда-либо были названы государством, имеют сходство между собой в двух отноше-

¹ Tucker, S. 51.

² *Иб.* S. 158.

³ *Иб.* S. 157—158.

⁴ *Иб.* S. 25.

ниях. Во-первых, в общем им всем нарушении права»¹, или, что то же, пренебрежении к правам, в господстве², подчинении не производящего нарушений человека чужой воле»³. «Во-вторых, в присвоении исключительной власти над известной областью и всем тем, что в ней находится, и употреблении этой власти вообще для двойной цели: более совершенного угнетения ею угнетаемых и распространения ее собственных границ»⁴. Поэтому «анархическое определение понятия государства следующее: государство есть воплощение идеи нарушения права в лице одного или многих отдельных людей, которые дерзают присвоить себе власть и господство над всем населением известной области»⁵.

«Всякое господство есть зло; оно не лучше и тогда, когда оно является господством большинства»⁶. «Теократический деспотизм королей и демократический деспотизм большинства должны быть одинаково отставлены»⁷. «Что представляет собой избирательная записка? Она не более и не менее, как бумажный представитель сабли, дубины, пороха и пули. Она изобретена для того, чтобы с возможно наименьшей затратой работы определить, какая часть владеет властью и какая должна повиноваться. Голос большинства сокращает кровопролитие, но он такой же произвол власти, как и приказание неограниченного властелина, имеющего за собой сильнейшее войско»⁸.

2. «Все действия правительства заключают в себе прежде всего косвенное нарушение права, так как они основываются на первоначальном нарушении, которое называется

¹ Tucker, S. 22.

² *Ib.* S. 23.

³ *Ib.* S. 23.

⁴ *Ib.* S. 22.

⁵ *Ib.* S. 23.

⁶ *Ib.* S. 169.

⁷ *Ib.* S. 115.

⁸ *Ib.* S. 426—427.

податью»¹. «Первое дело государства — обязательное установление и насильственное взыскание податей — есть уже нарушение, пренебрежение всеобщей равной свободой, и этим самым всякая дальнейшая деятельность становится несправедливой, даже и та, которая была бы чисто предохранительной деятельностью, если бы расходы на нее покрывались только добровольными взносами. Но как же можно совместить с законом всеобщей свободы то, если с меня взыскивают деньги для уплаты за защиту, которой я не требовал и не желаю?»² «И если это уже насилие, то как же назвать то взыскание податей, жертвы которого получают камень вместо хлеба, угнетение вместо защиты? Заставлять кого-либо платить за нарушение своей собственной свободы — это значит в действительности, нанося ущерб, еще и надсмехаться. А это-то и делает государство»³. Затем действия правительства содержат в себе также и прямое нарушение права, так как они имеют своей целью не уничтожение нарушения, а создание для народа различных ограничений в его торговле и производстве, в его хозяйственной, общественной и личной жизни»⁴.

«Таким образом, то утверждение, что современное государство представляет из себя учреждение чисто оборонительного характера, представляет полнейшую бессмыслицу»⁵. «Защита — это служба, и как все другое, подчиняется поэтому закону предложения и спроса; она была бы при свободе рынка покупаема, таким образом, по ценам ее установленной стоимости. Но государство в настоящее время сделало поставку и продажу этого товара своей монополией. Как почти что каждый монополист, оно поставляет лишённые или почти лишённые ценности товары за чрез-

¹ Tucker, S. 57.

² *Ib.* S. 25.

³ *Ib.* S. 25—26.

⁴ *Ib.* S. 57.

⁵ *Ib.* S. 26.

мерные цены. Подобно тому как обладатель монополии на средства пропитания поставляет часто отраву вместо пищевого продукта, государство свою монополию на защиту пользуется так, чтобы вместо защиты сделать нападение; совершенно так же, как покупатели одного получают отраву, заказчики другого подвергаются порабощению; но низкие стремления государства гораздо шире, чем стремления всех других монополистов, так как оно, и только оно одно, имеет своей привилегией принуждать нас к пользованию его товаром, безразлично, хотим ли мы этого или нет»¹.

3. Нельзя также сказать в пользу государства и того, что существование его необходимо для борьбы с преступлениями². «Государство само есть самый большой преступник. Оно создает преступников гораздо скорее, чем наказывает их»³. «Наши тюрьмы полны преступников, которых наше добродетельное государство своими несправедливыми законами, своей угнетающей монополией и своими ужасающими преследованиями, которые основываются на них, сделало тем, что они есть. Мы имеем целую массу законов, рождающих преступления, и только незначительное число законов их наказывающих»⁴.

Точно так же нельзя защитить государство тем заявлением, «что оно необходимо для смягчения нищеты. Если в настоящее время государство поддерживает бедняков и голодающих — жертв наводнения Миссисипи, то это, конечно, лучше, чем то, если оно кует для народа новые цепи, но эта помощь не стоит того, что за нее заплачено. Народ не может позволить поработить себя для того, чтобы быть обеспеченным. Если бы не было иной возможности, то было бы самое лучшее подвергаться естественным опасностям, считаться с их последствиями, каковы бы они ни были. Но

¹ Tucker, S. 33.

² Ib. S. 54.

³ Ib. S. 53.

⁴ Ib. S. 26—27.

свобода заключает другую возможность и доставляет лучшее и более дешевое обеспечение. Взаимно обеспечивая себя, можно отвратить опасность и смягчить и уничтожить неблагоприятное влияние явлений природы в значительной степени»¹.

II. Личное благо каждого отдельного человека, в особенности одинаковая для всех свобода, требует вместо государства общежития людей на основе правовой нормы, состоящей в том, что договоры должны быть исполняемы. Место государства должен занять «свободный союз лиц, заключивших договор»².

1. «Желания уничтожить общество нет ни в намерениях, ни в стремлениях анархистов. Они знают, что жизнь общества неотделима от жизни личности и что нельзя уничтожить первой, не уничтожая второй»³. «Общество является самую дорогую собственностью человека. Чистый воздух — вещь хорошая, но никто не может долго дышать только им одним. Независимость хороша, но вместе с объединением она становится гораздо дороже»⁴.

Но людей должна связывать не высшая сила, а только юридически связующая сила договора⁵. Формой общества должно быть «свободное соединение»⁶, «установление»⁷ которого должно основываться единственно на договоре.

2. Но как же должны быть осуществлены все детали такого свободного соединения?

Прежде всего оно не должно связывать своих членов пожизненно. «Образование союза, при общем отрицатель-

¹ Tucker, S. 158—159.

² *Ib.* S. 44.

³ *Ib.* S. 35.

⁴ *Ib.* S. 321.

⁵ *Ib.* S. 32.

⁶ *Ib.* S. 44.

⁷ *Ib.* S. 342.

ном взгляде на право выхода, было бы пустой формой, и ни один порядочный человек, к нему принадлежащий, не задумался бы нарушить эту форму и растоптать ее ногами, как только он понял бы свою чрезвычайную глупость, так как такой отрицательный взгляд на право выхода имел бы тот смысл, что люди сами себя делают рабами; но никто не может стать рабом настолько, чтобы потерять право считать себя свободным»¹.

Затем, добровольный союз как таковой совершенно не должен господствовать над какой-либо областью. «Внутри области или отдельных ее частей, которые были объединены их членами на основании личного владения, он уполномочен, конечно, принуждать к выполнению всех предписаний, относительно которых вступили в соглашение сочлены, и ни один человек, не принадлежащий к союзу, не имеет права преступить границы этой области или оставаться в ней иначе, как только на условиях, установленных обществом. Но предположим, что внутри этих областных частей кто-либо еще до образования союза имел свое родное пристанище и уклонился по какой-либо причине, сообразительности или глупости, от вступления в союз; в этом случае члены союза не имеют права изгнать его, или принудить к вступлению в союз, или допустить с него получку какой-либо уплаты, которая появляется для него из соседства с союзом, или ограничить его в каких-либо, ранее принадлежавших ему, правах, или препятствовать ему пользоваться этими преимуществами. Ведь раз в свободном союзе необходимо существует право выхода из него, то каждый вступающий в него член находится, конечно, в том же положении и правовом состоянии, как и тот, кто вообще к нему не принадлежит. То, как будет стоять отдельный человек по отношению к охватывающему его свободному союзу и должен ли он ему подчиняться — это зависит, сле-

¹ Tucker, S. 48.

довательно, исключительно от того, признает ли он или отвергает цели союза, насколько он считает союз способным достигнуть этих целей и насколько вредным и нехорошим кажется ему присоединение, выход или отстранение от союза»¹.

Для членов свободного союза из их объединенности возникают некоторые обязанности. Союз может поставить «условием своей взаимообъединенности» участие в различного рода деятельности, например «в суде присяжных»². «Не исключается и возможность того, что свободный союз поставит своим условием голосование ввиду того, что существует право выхода. Если решенный большинством вопрос имеет такое значение, что меньшинство считает поведение по собственному решению более важным, чем дальнейшее союзное сожительство, то меньшинство может выйти из союза. Ни в каком случае нельзя решать против воли меньшинства, даже если оно самое незначительное»³. Свободный союз вправе принуждать своих сочленов к выполнению их обязательств. «Если кто-либо — сосед другим, то эти другие могут действовать сообща для того, чтобы сделать его ответственным»⁴; свободный союз поэтому «уполномочивается принуждать к выполнению всех обязательств, относительно которых согласились его сочлены»⁵. Конечно, нужно помнить о том, что «несомненно выполнение договора будет лучше всего тогда, когда обещавший с самого начала знает, что его не будут принуждать к этому»⁶.

Среди обязанностей членов свободного союза особенную важность представляет податная повинность; но подать

¹ Tucker, S. 44—45.

² *Ib.* S. 56.

³ *Ib.* S. 56—57.

⁴ *Ib.* S. 24.

⁵ *Ib.* S. 44.

⁶ *Ib.* S. 157—158.

при этом свободна, ибо она основывается на договоре¹. «Свобода подати не ослабляет кредита союза, она даже усиливает его»²; ибо, во-первых, союз не имеет надобности, или имеет очень редко в займе денег, благодаря несложности своих задач; во-вторых, он не может, подобно современному государству, приостанавливать платежи или продолжать их дальше, что государство делает на основании своей принудительной подати; и в-третьих, он должен более, чем государство, стремиться уплатой своих долгов сохранять свой кредит³. Свобода подати, кроме того, является «для союза постоянным напоминанием о том, что нужно воздержаться от захвата, так как в таком случае союз должен опасаться уменьшения добровольных взносов; таким образом, для него осуществляется постоянное стремление согласовать свою деятельность с желаниями народа»⁴.

«Почти совершенной анархической организацией, в размере до сих пор еще не виданном, является удивительная ирландская земельная лига. Бесчисленные массы местных групп распространяются на широкую область обоих полушарий, между которыми лежат две тысячи миль океана. Каждая группа имеет самостоятельное управление и пользуется полной свободой. Каждая группа состоит из меняющегося числа одинаково самостоятельных и свободных людей различного возраста, рода и имени. Каждая группа существует единственно благодаря свободному содействию и следует только своему собственному благоусмотрению. Каждая группа руководится в своем суждении и поведении взглядами общего правительства из выбранных людей, которое в состоянии осуществить повиновение своим установлениям только при помощи логики оснований. Все

¹ Tucker, S. 32.

² *Ib.* S. 36—37.

³ *Ib.* S. 37.

⁴ *Ib.* S. 43.

такие группы объединяются самым простым образом и без жертвования своей самостоятельностью в один большой союз равных, перед непреодолимой силой которого трепещут тираны и бесполезны войска»¹.

3. Среди свободных союзов нового общества будут занимать видное место общества страхования и банки взаимного кредита², в особенности же общества покровительства.

«Общества покровительства должны будут, после уничтожения государства, вместо него³ оказывать покровительство это против всех тех, «кто нарушает по отношению к своим согражданам закон одинаковой для всех свободы»⁴. Но надобность в этом будет только временная. «Мы приближаемся к тому времени, когда не нужно будет больше насилия для борьбы против преступления»⁵. «Необходимость защиты от поповзновений со стороны отдельных лиц основывается в большинстве случаев, а в конце концов, пожалуй, и всецело, на подчинении лиц, путем государственного вмешательства. Раз государство уничтожено, преступления сразу начнут исчезать»⁶. Масса покровительствующих обществ может существовать рядом друг с другом. «В Англии существует много страховых обществ, и нет ничего необыкновенного в том, что члены одного и того же семейства страхуют свою жизнь и собственность против несчастья и огня у различных обществ. Почему бы не образоваться в Англии также многим покровительственным обществам, в которых население будет страховать свою жизнь и собственность против убийства и воровства, и почему члены одного семейства не могут быть и здесь застрахованы в различных обществах? Охранение есть такая же служба, как и всякая

¹ Tucker, S. 414.

² Ib. S. 159.

³ Ib. S. 25.

⁴ Ib. S. 25.

⁵ Ib. S. 52.

⁶ Ib. S. 40.

другая»¹. «Под влиянием конкуренции лучший и самый подходящий охранитель будет работать, без сомнения, прекрасно подобно тому, как и лучший и самый дешевый портной. Возможно даже, что только он и будет иметь работу. Но если бы это случилось, то причиной тому была бы его полезность, как охранителя, а не его сила, как тирана. Страх конкуренции постоянно принуждал бы его делать лучший товар. Власть никогда бы не попала в его руки, она была бы в руках его заказчиков, а эти последние пользовались бы ею не таким образом, чтобы путем голосования или насильственно отстранять его, а так, чтобы лишать его заказчиков»². Если же оскорбитель и оскорбленный принадлежали бы к различным обществам охранения, то из этого не должно было бы возникать спорам. «Вероятно, это было бы предотвращено при помощи договоров, может быть, даже путем установления высшего союзного суда; при этом среди различных обществ нашла бы свое осуществление одна и та же идея свободного взаимодействия, которая лежит в основе каждого из них»³.

«Покровительствующие общества своей задачей имеют как принуждение к вознаграждению за открытые ими правонарушения, так и препятствование их осуществлению»⁴. Для выполнения этой задачи они могут употреблять всякое подходящее средство, не пользуясь при этом властью. «Власть есть подчинение неоскорбляющего индивидуума чужой воле. Подчинение же оскорбляющего индивидуума есть поэтому не власть, а сопротивление и защита против власти»⁵. «Анархизм признает право ареста, преследования, осуждения и наказания злоумышленника»⁶. «Он хочет взять

¹ Tucker, S. 32.

² *Ib.* S. 326—327.

³ *Ib.* S. 30.

⁴ *Ib.* S. 167.

⁵ *Ib.* S. 39.

⁶ *Ib.* S. 55.

из его собственности столько, сколько нужно для возмещения причиненного вреда»¹. «Если нет лучшего средства для противодействия правонарушениям, он может воспользоваться тюрьмой»². Он допускает и наказание смертной казнью. «Общество, которое присуждает к смертной казни, не делает убийства. Убийство есть бесправный поступок; к действию же покровительства это слово не может иметь никакого отношения. Жизнь правонарушителя теряет святость, и нет в нашей общественной жизни такой причины, которая запрещала бы нам защищать себя против нападений всяческими способами»³. «Позволительно даже пытаться нарушителя, но к этому, конечно, вряд ли станут прибегать прежде, чем смертная казнь и тяжелое заключение не окажутся недействительными»⁴. «Относительно всех спорных вопросов решают суды присяжных»⁵. «При образовании суда присяжных лучше всего, если решающее значение будет иметь жребий, причем из урны, которая содержит имена всех граждан общества, будет выниматься двенадцать имен»⁶. «Присяжные суды произносят суждение не только относительно фактов, но также и относительно права, его применимости к частным случаям и о наказаниях или вознаграждениях за его нарушение»⁷.

5. Собственность

1. Против собственности, согласно Тукеру, нельзя ничего возразить с точки зрения личного блага каждого человека и равной свободы всех людей. Тукер отвергает только

¹ Tucker, S. 56.

² Ib. S. 56.

³ Ib. S. 156—157.

⁴ Ib. S. 60.

⁵ Ib. S. 312.

⁶ Ib. S. 56.

⁷ Ib. S. 312.

разделение собственности, основывающееся на государственной монополии, как это всегда и везде бывает в государстве. Что государство по своей сущности характеризуется правонарушением, это «сказывается не только в нарушении личных склонностей, но, что еще хуже, в том, что государство берет и защищает монополии»¹ и делает, таким образом, возможным ростовщичество².

1. Ростовщичество есть получение прибавочной стоимости³. «Результатом труда рабочего является увеличение ценности того предмета, который он доставляет потребителю благодаря своему труду»⁴. «Рабочий не получает этого результата, по крайней мере не получает его в качестве рабочего; он получает только необходимый продукт для жизни»⁵. «Но кто-нибудь ведь должен же получить прибавочную стоимость. Кто же это?»⁶. «Ростовщик»⁷.

«Существуют три формы ростовщичества: процент, наем и аренда, и прибыль при обмене товаров. Кто получает один из этих доходов — уже ростовщик. Но кто же этого не делает? Вряд ли кто-нибудь; банкир — ростовщик; фабрикант — ростовщик; купец — ростовщик; помещик — ростовщик; и мастеровой, который то, что он сберег, кладет под проценты или, если он имеет дом или клочок земли, получает за них наемную плату или аренду или же за свою работу получает больше, чем она стоит — тоже ростовщик. От греха ростовщичества никто не свободен, и все несут за это ответственность. Но не всем доставляет оно прибыль, большинство страдает от этого. Только крупные ростовщики богаты: в земледельческих и густонаселенных местно-

¹ Tucker, S. 26.

² *Ib.* S. 178.

³ *Ib.* S. 177, 178.

⁴ *Ib.* S. 241.

⁵ *Ib.* S. 177.

⁶ *Ib.* S. 177.

⁷ *Ib.* S. 178.

стях — помещики, в областях промышленных и торговых — банкиры. Они-то и получают прибавочную стоимость»¹.

2. «Откуда же черпают они свою силу? Из государственной монополии. На ней покоится ростовщичество»². «Между различными современными монополиями четыре имеют особое значение»³.

«Среди них по своему вредному влиянию выдается денежная монополия. Она заключается в том, что правительство передает определенным лицам или тем лицам, которые являются обладателями определенного рода собственности, исключительное право на выделку средства обращения; это право покровительствуется им в нашей стране тем, что оно облагает всех других лиц, желающих заняться выработкой средства обращения, десятипроцентным налогом, выпуск же бумажных денег при помощи своих законов обращает в запрещенную торговлю. Можно согласиться, что обладатель этого права является господином указных процентов, наемной платы и товарных цен, в первом случае — господином непосредственным, во втором и третьем — косвенным. Если бы эксплуатация банковского дела была свободна для каждого, то ею бы занималось все больше и больше людей до тех пор, пока конкуренция не обострилась бы до того, что стоимость денежной ссуды понизилась бы до стоимости издержек на труд, т.е. согласно статистике — от трех-четырёх до одного процента»⁴. «Вместе с тем должны были бы упасть и квартирные цены, ибо никто, кто мог бы дать деньги под один процент для постройки дома, не подумал о том, чтобы взимать с хозяина дома более высокий процент»⁵. Наконец, «и прибыль при обмене уменьшилась бы, так как купцы не закупали бы более в кредит по высоким

¹ Tucker, S. 178.

² *Ib.* S. 178.

³ *Ib.* S. 11.

⁴ *Ib.* S. 11.

⁵ *Ib.* S. 12.

ценам, но брали бы в банках займы денег меньше, чем по одному проценту, закупали бы товары по дешевой цене и понижали для своих заказчиков соответствующим образом товарные цены»¹.

На второе место по своему значению должна быть поставлена земельная монополия. Ее вредное влияние особенно сказывается в таких исключительно земледельческих странах, как Ирландия. Эта монополия заключается в том, что правительство защищает претензии на землю, такие претензии, которые не покоятся на личном обладании и обработке»². «Арендная плата только потому возможна, что государство поддерживает такие претензии»³. Как только кто-нибудь получит защиту в своем личном обладании и возделывании земли, аренда исчезнет, а ростовщик потеряет всякую поддержку»⁴.

На третьем и на четвертом месте по важности стоят таможенная монополия и монополия в области творчества»⁵. «Таможенная монополия состоит в том, что находящееся в неудовлетворительных условиях производство поощряется увеличением цен, в то время как производство, находящееся в благоприятных условиях, при помощи налога наказывается понижением цен. Эта монополия скорее принуждает труд к злоупотреблению капиталом, чем к умеренному пользованию им, и помогает потому глупым ростовщикам, а не разумным»⁶. Монополия на творческую деятельность предохраняет изобретателей, писателей и художников против конкуренции до тех пор, пока для них возможно выжимать из народа пользу, далеко превосходящую стоимость их трудовой деятельности, — другими словами, определен-

¹ Tucker, S. 12.

² *Ib.* S. 12.

³ *Ib.* S. 178.

⁴ *Ib.* S. 12.

⁵ *Ib.* S. 12—13.

⁶ *Ib.* S. 12.

ные люди получают в течение ряда годов в свою собственность законы природы и явления природы и право взимать с других пошлину за пользование этим естественным богатством, которое должно бы быть свободным для всех»¹.

Таможенная монополия и монополия на творчество представляют собой то, на чем вместе с денежной монополией основывается прибыль при обмене. Если бы они были уничтожены подобно денежной монополии, то исчезла бы и эта прибыль².

II. Личное благо каждого человека, в особенности же одинаковая для всех свобода, требуют такого распределения собственности, при котором каждый получает полный доход со своего труда³.

1. «Одинаковая для всех свобода в области собственности и означает именно такое равновесие между свободой брать и свободой удерживать, означает, что обе формы свободы могут существовать рядом без столкновения и борьбы»⁴. «Единственная форма собственности, которая удовлетворяет этому требованию, это собственность, основывающаяся на труде»⁵. «Рабочий должен обладать не маленькой частью всего запаса богатств, а всем этим запасом»⁶. «Эта форма собственности означает обеспечение за каждым во владении его собственных произведений и тех чужих продуктов, которые он получает без обмана и насилия, а также осуществление и все те претензии на подобные продукты, которые будут предъявлены ему другими благодаря свободному договору»⁷.

¹ Tucker, S. 13.

² *Иб.* S. 12—13, 178.

³ *Иб.* S. 59—60.

⁴ *Иб.* S. 67.

⁵ *Иб.* S. 131.

⁶ *Иб.* S. 185.

⁷ *Иб.* S. 60.

«Анархическая собственность соответственно этому касается только продуктов. Продуктом же является все то, на что употреблен человеческий труд, будь то кусок железа или кусок земли. Следует, однако, заметить, что по отношению к земле и всем другим предметам, которые существуют в слишком ограниченном количестве для того, чтобы каждый пользовался ими без ограничения, анархизм желает защищать только такие требования, которые основываются на временном владении и пользовании»¹.

2. То распределение собственности, при котором каждому гарантирован полный доход с его труда, предполагает только то, что равная для всех свобода найдет свое применение в тех областях, в которых пока еще господствует государственная монополия².

«Раньше всего необходима поэтому свобода денег»³. «Свобода денег обозначает отсутствие всякого ограничения для того, чтобы пустить настоящие деньги в оборот»⁴. «Выпуск денег в оборот должен быть сделан таким же свободным, как шитье сапог»⁵. Деньги здесь взяты в самом широком смысле; «они означают как товарные, так и кредитные деньги»⁶, а не только одну монету; «представление о царстве благородных металлов должно быть выбито из человеческой головы, и люди должны понять, что нет никаких товаров, специально служащих по своей природе орудием ценности»⁷. «Существует достаточное число крупных и мелких владельцев, которые, если бы только они могли это сделать свободно, весьма охотно пустили бы деньги в обращение и наделали бы их гораздо больше, чем в том есть потреб-

¹ Tucker, S. 61.

² *Ib.* S. 178.

³ *Ib.* S. 273.

⁴ *Ib.* S. 274.

⁵ *Ib.* S. 374.

⁶ *Ib.* S. 272.

⁷ *Ib.* S. 198.

ность»¹. «Если бы было разрешено учреждать банки для выпуска бумажных денег под заклад какого бы то ни было имущества, причем банк, быть может, не имел бы в своем распоряжении металлической монеты и не нуждался бы в размене своих бумажных денег на монету, а покупатели банка взаимно обязались бы принимать его бумаги по номинальной цене вместо золота и серебра, размен же мог бы понадобиться только в определенное время падения бумаг под возврат бумаг и освобождение вкладов, то народ должен был бы быть очень глуп, если бы не воспользовался такой драгоценной свободой»².

Тотчас же «под влиянием конкуренции процент на капитал упал бы до величины издержек банковского дела, т.е. много меньше, чем до одного процента»³, так как никому бы не хотелось «платить капиталисту проценты, раз в банке можно получить деньги без процента для покупки орудий производства»⁴. Подобным же образом «упали бы и квартирные цены»⁵, и «прибылью с обмена для промышленника или купца была бы только их рабочая плата»⁶, поскольку этому не препятствовали бы таможенные законы и законы, регулирующие область творчества»⁷. «Легкость, с которой можно было бы получить орудия производства, дала бы обмену невиданное развитие»⁸; «если же свобода банков была бы только скромной попыткой равномерно распределить в настоящее время существующее благосостояние, то я не стал бы ни на минуту терять сил в ее интересах»⁹.

¹ Tucker, S. 248.

² *Ib.* S. 226.

³ *Ib.* S. 474.

⁴ *Ib.* S. 287.

⁵ *Ib.* S. 274—275.

⁶ *Ib.* S. 287.

⁷ *Ib.* S. 178.

⁸ *Ib.* S. 11.

⁹ *Ib.* S. 243.

Во-вторых, необходима свобода земли¹. «Земля для народа» — это значит, что всякий, желающий обрабатывать землю, должен быть защищен в своем владении всей обрабатываемой им земли, без различия между классами помещиков, арендаторов и рабочих и без поддержки взимания какой-нибудь арендной платы»². Такая «система недвижимой собственности, при которой никакая государственная власть не принуждает к уплате аренды, а наоборот, вследствие отмены государственной денежной монополии капитал будет все время находиться в распоряжении землевладельца»³, такая система «уничтожит арендную плату»⁴ и «распределит земельный доход естественным и свободным образом между его истинными собственниками»⁵.

В-третьих и в-четвертых, нужна свобода торговли и свобода духовных деятельностей⁶. Если их прибавить к свободе денег, то «доходом при обмене будет только плата за промышленный и торговый труд»⁷. Вследствие свободы торговли «цены всех, до сих пор обложенных пошлиною, товаров значительно понизились бы»⁸. Благодаря же свободе духовных деятельностей «их носители испытывали бы спасительный страх перед конкуренцией и удовольствовались бы подобно другим работникам одинаковой платой»⁹.

Если бы одинаковая для всех свобода была осуществлена во всех этих четырех областях, то ее осуществление произошло бы само собой и в области собственности, т.е. установилось бы такое распределение собственности, при котором для каждого был бы обеспечен доход с его работы»¹⁰.

¹ Tucker, S. 275.

² *Ib.* S. 299.

³ *Ib.* S. 325.

⁴ *Ib.* S. 275.

⁵ *Ib.* S. 325.

⁶ *Ib.* S. 12—13.

⁷ *Ib.* S. 178, 474.

⁸ *Ib.* S. 12—13.

⁹ *Ib.* S. 13.

¹⁰ *Ib.* S. 403.

«С уничтожением политической тирании экономические преимущества должны исчезнуть сами собой»¹. В обществе, в котором нет более господства людей над людьми, невозможны проценты на капитал, наемная плата и аренда, а также и прибыль с обмена², и доход с труда обеспечивается каждому человеку, как его собственность. «Мы не говорим: ты не должен красть; мы говорим: если все люди будут свободны, ты не будешь красть»³.

3. «Свобода может помешать тому, чтобы у рабочего были отняты продукты его труда, но она не может заботиться о том, чтобы всякий труд давал одинаковый доход»⁴. «Различие земли и одаренности своим следствием имеет известное неравенство дохода. Но это неравенство будет все более и более уменьшаться. При новых экономических условиях, при увеличении благодаря денежной и земельной свободе склонности к деятельности, классовые различия мало-помалу исчезнут; крупные способности не будут уже более развиваться только у меньшинства при захирении их у большинства. Свобода движения будет гораздо больше; рабочие не будут уже в таком количестве собираться в торговых центрах и благодаря этому перестанут быть рабами городских домовладельцев; земельные пространства и вспомогательные источники, которые теперь остаются без пользы, будут легко достигнуты и использованы. При всех этих условиях вышеупомянутое неравенство сведется на ничтожные размеры»⁵. «Конечно, всецело оно никогда не исчезнет»⁶. «Свобода этого не может сделать, и потому некоторые говорят: мы не хотим никакой свободы, так как мы должны обладать безусловной свободой. Я к ним не при-

¹ Tucker, S. 403.

² *Ib.* S. 470.

³ *Ib.* S. 362.

⁴ *Ib.* S. 348.

⁵ *Ib.* S. 332—333.

⁶ *Ib.* S. 333.

надлежу. Раз я могу прожить свою жизнь свободным и богатым, я не стану печалиться о том, что мой сосед также свободен, но более богат. В конечном счете свобода делает всех богатыми, но она не делает, конечно, всех одинаково богатыми. Высшая власть, может быть, сделала бы всех одинаково богатыми деньгами, но, без сомнения, также и одинаково бедными во всем том, что в жизни является самым ценным»¹.

6. Осуществление

Переворот, которого требует личное благо каждого отдельного лица, должен, по Тукеру, совершиться так, чтобы все познавшие истину первым делом убедили достаточное количество людей в том, что переворот необходим для их собственного блага и чтобы все они затем путем отказа в повиновении уничтожили государство, преобразовали право и собственность и установили новый строй.

I. Прежде всего необходимо убедить достаточное количество лиц в том, что их собственное благо требует переворота.

1. «Народ должен быть воспитан в учениях анархии»². «Нужно каждого отдельного человека исполнить анархических идей и учить возмущению»³. «Следует непрестанно распространять учение о равной свободе всех до тех пор, пока в конце концов большинство не признает относительно современных форм возмущения того, что оно признало уже относительно его прошлых форм — именно, что целью их является не равная для всех свобода, а подчинение другим»⁴. «Движение ирландской земельной лиги не достига-

¹ Tucker, S. 348.

² *Ib.* S. 104.

³ *Ib.* S. 114.

⁴ *Ib.* S. 77—78.

ет этих целей, так как крестьянин здесь не следует сознательно своим целям, а идет слепо за вождем, который подвергается ему в решительную минуту. Если бы народ осознал свою силу и понял экономическое положение, он не выплатил бы по желанию Парнелля арендных платежей и был бы, может быть, уже сегодня свободным. Анархисты хотят исправить эту ошибку. Поэтому они посвящают все свои силы распространению своих учений, особенно экономических. Идя этим путем твердо и неустанно вперед, посреди всех криков, они кладут надежный фундамент для успеха революции»¹.

2. Средством распространения анархических идей, по мнению Тукера, является особенно «изустное слово и пресса»². Но как же быть, если свобода слова и печати уничтожена? Тогда справедливо и насилие»³.

Но «насилие допустимо только в самых крайних случаях»⁴. «Если врач видит, что силы больного быстро падают благодаря успешному ходу болезни и что можно опасаться его смерти прежде принятия приготовленного лекарства от истощения, он приписывает наркотическое лекарство. Но хороший врач прибегает к этому только весьма неохотно, так как он хорошо знает, что наркотическое лекарство между прочим с успехом может помешать самому лекарству и уничтожить его действие. То же относится и к употреблению силы при общественных болезнях. Тот, кто предписывает его безразлично, как любимое лекарство и обыкновенное сильное средство, кто вообще предлагает его в качестве лекарства, и даже тот, кто применяет его только как крайнее средство, легкомысленно и без надобности — тот просто шарлатан»⁵.

¹ Tucker, S. 416.

² *Ib.* S. 397, 413.

³ *Ib.* S. 413.

⁴ *Ib.* S. 397.

⁵ *Ib.* S. 428.

Поэтому «насилие против угнетателей человечества можно применять только тогда, когда они делают совершенно невозможной всякую мирную агитацию»¹. «Кровопрлитие само по себе есть зло; если же мы нуждаемся в свободе агитации и можем закрепить ее за собой только путем кровопролития, оно разрешается»². «Пока существует свобода слова и печати, нельзя искать своей защиты при борьбе с угнетателями в насилии. И даже если свобода слова в одном, двенадцати или ста случаях нарушается, то и это не даст еще права на кровопролитие. Только когда все исчерпано, можно обратиться к последнему средству, к насилию»³. «В России устрашение государства целесообразно, тогда как в Германии и Англии нецелесообразно»⁴. Но как же употреблять насилие? «Время вооруженных революций прошло; они легко подавляются»⁵. «Устрашения и убийства»⁶ необходимы, но они «должны быть выполняемы при помощи динамита одним человеком»⁷.

3. Но помимо указанных средств: слова и печати, существует еще одно: «пропаганда»⁸.

Таким средством является «самостоятельный отказ отдельного человека от уплаты подати»⁹. «Положим, я чувствую себя в один прекрасный год особенно сильным и независимым, мое поведение не может нарушить никаких серьезных личных обязанностей, я имею, быть может, особенное расположение попасть на некоторое время в тюрьму и в состоянии спрятать мое имущество; и вот я сообщаю чиновнику, производящему оценку, о таком-то произволь-

¹ Tucker, S. 428.

² *Ib.* S. 439.

³ *Ib.* S. 397.

⁴ *Ib.* S. 428.

⁵ *Ib.* P. 440.

⁶ *Ib.* S. 428.

⁷ *Ib.* S. 440.

⁸ *Ib.* S. 45.

⁹ *Ib.* S. 45.

ном количестве моего имущества, сборщику же податей не плачу ничего; или, если я не имею имущества, я не плачу подушного налога. Государство в этом случае может поступить только двойным образом. Оно или оставит меня в покое, и тогда я расскажу всем моим соседям обо всем происшедшем и эти последние будут ощущать целый год желание удержать свои деньги в кармане; или посадит меня в тюрьму, — в этом случае я обеспечиваю себе по заранее намеченному плану все права заключенного за долги в тюрьму и живу тихо и покойно, пока государство не устанет держать здесь меня и растущее число тех, которые следуют моему примеру. Но может быть, государство решит в своем отчаянии укрепить законы о податном населении, и тогда, когда я уже буду заключен в тюрьму, покажет, как далеко может идти республиканское правительство, «которое выводит свою законную власть из согласия управляемых», для того, чтобы получить себе это «согласие» — только ли до одиночного заключения в темной келье или до пыток электричеством. Чем дальше оно пойдет, тем лучше для анархии — это знает каждый, кто занимался историей. Нельзя не признать той ценности, которую будут иметь для пропаганды два-три таких случая, особенно, если за их спиной, кроме тюремных стен, стоит благоустроенная боевая сила агитаторов»¹.

Другое средство пропаганды состоит в том, чтобы «испробовать анархическое учение в жизни»². Но это не может иметь места в одиноких общественных кругах, а «только в самом сердце нашей промышленной и общественной жизни»³. «Если в каком-нибудь большом городе, в котором до некоторой степени обнаруживаются разнообразные черты и стремления нашей полной противоречий культуры, сой-

¹ Tucker, S. 412.

² Ib. S. 423.

³ Ib. S. 423.

дется достаточное число серьезных и глубоких анархистов, если они производство богатств и их распределение урегулируют сообразно праву на доход с труда»¹, «вопреки ограничительным предписаниям»² «устроят банк, который предоставит в их распоряжение для ведения дел беспроцентные ссуды, и употребят свой постоянно растущий капитал на новые предприятия, причем для каждого, кто захотел бы участвовать, преимущества такой системы были бы ясны, — что будет результатом этого? Конечно, вскоре все части населения, и умные, и глупые, злые, добрые и безразличные — все заинтересуются, все больше и больше будут становиться участниками предприятия, а после двух, трех лет каждый пожнет плоды своего труда, никто не будет в состоянии жить лениво на процент и весь город превратится в большой улей рабочих-анархистов, людей свободных и успешных производителей»³.

II. Раз только достаточное количество лиц убеждено в том, что их собственное благо требует переворота, тогда наступает момент, когда можно посредством «социальной революции»⁴, т.е. путем общего по возможности отказа в повиновении, уничтожить государство, преобразовать право и собственность и осуществить новый строй. «Государство есть не что иное, как тирания, и не имеет таких прав, которые был бы обязан уважать каждый. Напротив, всякий, кто знает свое право и умеет ценить свою свободу, сделает самое лучшее, если выбросит его за борт»⁵.

1. Некоторые люди полагают, что государство может только тогда исчезнуть, когда человек станет совершенным.

¹ Tucker, S. 423.

² *Ib.* S. 27.

³ *Ib.* S. 423—424.

⁴ *Ib.* S. 416, 439.

⁵ *Ib.* S. 45.

«Это значило бы, что анархия возможна только через тысячу лет. Если бы мы могли совершенствоваться, пока еще существуют препятствия нашему совершенствованию, то государство исчезло бы, конечно, само собой. Если бы мы были в состоянии поднять себя за уши наших сапог, мы могли бы, вероятно, достигнуть и самого неба»¹. «Воспитывать людей — это не значит сначала учить их управлять собой, а потом позволить им это, но значит учить их управлять собой и одновременно позволять им делать это»². Поэтому необходимо «уничтожить государство»³ посредством «быстрой социальной революции»⁴.

2. Другие находятся в «том заблуждении, что анархия может быть достигнута насилием»⁵.

Каким образом она должна быть достигнута, это только вопрос «целесообразности»⁶. «Смешно называть безнравственной политику устрашения и убийства. Если на меня нападают, я имею безусловное право решать, каким образом я хочу защищаться. Подобно единичной личности и государство, раз оно нападает, лишается тем всякого права на снисхождение. Род нападения не представляет в данном случае значения; каким бы образом ни ограничивалась произвольно моя свобода, я имею одинаковое право взять ее себе, и именно всяким находящимся в моей власти средством»⁷.

«Право самозащиты против насилия при помощи силы не подлежит никакому сомнению. Но пользование этим правом неразумно до тех пор, пока все другие средства сопротивления не станут бесцельны»⁸. «Если бы правитель-

¹ Tucker, S. 114.

² Ib. S. 158.

³ Ib. S. 114.

⁴ Ib. S. 487.

⁵ Ib. S. 427.

⁶ Ib. S. 429.

⁷ Ib. S. 428—429.

⁸ Ib. S. 439.

ство было теперь же вдруг уничтожено, то, вероятно, начался бы целый ряд войн из-за земли и других вещей, а в конце концов наступила бы реакция и возрождение старой тирании. Но если уничтожение будет достигнуто постепенно, то познание общественных истин, становящееся все более и более общим, будет идти с ним рука об руку»¹.

3. Социальная революция должна совершиться путем пассивного сопротивления, т.е. путем отказа в повиновении².

«Пассивное сопротивление — наисильнейшее оружие, которое человек когда-либо употреблял против угнетения»³. «Пассивное сопротивление, — говорит Фердинанд Лассаль с чисто немецкой неповоротливостью, — есть сопротивление, которое не сопротивляется». Не может быть ничего ошибочнее. Напротив того, оно-то и есть единственное сопротивление, которое в наши дни, дни военной дисциплины, оказывает успешное сопротивление. Во всем культурном мире в настоящее время нет тирана, который не предпочел бы подавить беспощадно кровавую революцию тому, чтобы увидеть значительную часть своих подданных решившимися на неповиновение. «Восстание легко подавить; но никакая армия не может и не захочет направить свои орудия против мирных людей, не собирающихся даже на улицах, а остающихся дома и отстаивающих свое право»⁴. «Насилие живет грабежом, оно умирает, раз жертвы его не позволяют более себя грабить. Его нельзя убедить, ни расположить к себе, ни застрелить, но его можно уморить голодом. Как скоро внушающее почтение число решительных людей, заключение которых в тюрьму должно бы было показаться рискованным, согласившись между собою, запрет перед носом сборщика подати, а также и сборщика

¹ Tucker, S. 329.

² Ib. S. 413.

³ Ib. S. 415.

⁴ Ib. S. 413.

арендной платы, совершенно спокойно двери, выпускают вопреки узаконенному запрещению свои собственные деньги и лишат, таким образом, капиталистов процента, то правительство будет тотчас же выкинуто за борт вместе со всеми прерогативами, которые оно защищает, и всеми монополиями, которые оно поддерживает»¹.

«Насколько колоссальна и непреодолима была бы тогда власть сильного и разумного меньшинства, скажем, одной пятой населения, которое отказалось бы платить подати»². Движение ирландской земельной лиги дает нам в этом случае прекрасное поучение. До тех пор, пока она оставалась при своей первоначальной политике отказа от арендной платы, она представляла мощную и деятельную революционную силу, какую видел когда-либо свет; но она теряет свое могущество с изменением такой политики. Однако она достаточно долго была верна своей политике, чтобы дать доказательство тому, что английское правительство было против нее совершенно бессильно, и трудно сказать, были ли бы в настоящее время в Ирландии помещики, если бы она продолжала эту политику. В нашей стране легче противостоять уплате подати, чем в Ирландии — уплате арендной платы; и такая политика была бы у нас тем могущественнее, чем выше духовно был бы наш народ, предполагая, что удалось бы привлечь на свою сторону достаточное число серьезных мужчин и женщин. Если бы только пятая часть населения воспротивилась уплате подати, то нужно было бы больше затратить денег на розыскание с них ее или на усилия сделать это, чем смогли бы уплатить в государственную кассу добровольно другие четыре пятых»³.

¹ Tucker, S. 415—416.

² *Ib.* S. 412.

³ *Ib.* S. 412—413.

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА

Анархические учения

1. Общие замечания

Мы достигли той точки зрения, которая позволяет нам сделать обзор всей совокупности анархических учений. Такой обзор возможен только следующим образом. Сначала нужно посмотреть, что общего имеют между собой семь изложенных и признанных за анархические учений и какие особенности их различают. Затем нужно установить, в какой мере то, что обще всем семи учениям, может быть признано тождественным тому, что обще всем анархическим учениям вообще, и насколько, далее, совпадают выступающие между семью учениями различия с различиями, обнаруживающимися внутри общей совокупности анархических учений.

2. Основные принципы

I. По отношению к своим основным принципам семь изложенных выше учений не имеют ничего общего.

1. Они признают высшим законом человеческого поведения, с одной стороны, только естественный закон, который, следовательно, не говорит нам ничего о том, чему долженствовало бы быть, а только то, что в действительности случится; эти учения можно назвать генетическими.

С другой стороны, они считают за высший закон человеческого поведения норму, которая нам говорит, следовательно, что должно бы случиться, хотя, быть может, никогда и не случится в действительности; эти учения могут быть названы критическими. Генетическими являются учения Бакунина и Кропоткина; для Бакунина высшим законом человеческого поведения является эволюционный закон прогресса человечества от существования менее совершенного к возможно более совершенному существованию; для Кропоткина таким законом является эволюционный закон прогресса от менее счастливого существования к возможно более счастливому; критическими учениями оказываются учения Годвина, Прудона, Штирнера, Толстого и Тукера.

2. Критические учения, кроме того, рассматривают высший закон человеческого поведения отчасти как долг — долг есть сама конечная цель; эти учения можно назвать идеалистическими; отчасти же они считают высшим законом человеческого поведения счастье; всякий долг при этом является только средством к счастью; эти учения следует назвать эвдемонистическими. Идеалистическими являются учения Прудона и Толстого, причем Прудон высшим законом человеческого поведения считает долг справедливости, Толстой же долг любви. Эвдемонистичны учения Годвина, Штирнера и Тукера.

3. Наконец, эвдемонистические учения видят высший закон человеческого поведения или в общем счастье, которому отдельный человек должен содействовать, не считаясь со своим собственным счастьем; эти учения можно назвать альтруистическими. Или они высшим законом человеческого поведения признают счастье отдельного человека, к которому последний стремится, уже не считаясь с общим благом; эти учения можно именовать эгоистическими. Альтруистично учение Годвина, эгоистичны же учения Штирнера и Тукера.

II. Семь изложенных выше и признанных анархическими учений могут быть сравниваемы относительно того, что они имеют между собой общего, с общей совокупностью признанных анархическими учений. Они не имеют между собой ничего общего в их основных принципах; следовательно, и совокупность признанных анархическими учений не может иметь в своих основаниях ничего общего.

Изложенные учения могут, далее, быть сравниваемы с общей совокупностью анархических учений вообще в тех особенностях, которые они обнаруживают согласно своим основаниям. Обнаруживающиеся среди них особенности позволяют систематизировать их, что дает место уже не приравненным, а только взаимоподчиненным особенностям. Ни одно анархическое учение поэтому не может обладать такой особенностью, которая не подходила бы под эти особенности.

Таким образом, то, что относится к семи изложенным учениям, относится и к анархическим учениям вообще. В своих основных принципах они не имеют ничего общего, а по различию в них могут быть классифицированы следующим образом:

Генетические учения	Критические учения		
	Идеалистические	Эвдемонистические	
		Альтруистические	Эгоистические
Бакунин	Прудон	Годвин	Штирнер
Кропоткин	Толстой		Тукер

3. Право

I. По отношению к праву, т.е. по отношению к тем нормам, которые основываются на желании людей видеть определенное поведение внутри охватывающего их самих

круга людей общепризнанным, семь изложенных учений не имеют между собой ничего общего.

1. Одни из них отрицают для нашего будущего право; эти учения можно назвать аномистическими. Другие утверждают его для нашего будущего, что и дает учения номистические. Аномистичны учения Годвина, Штирнера, Толстого, номистичны — Прудона, Бакунина, Кропоткина и Тукера. Точнее, чем здесь, нельзя определить, что общее, с одной стороны, аномистическим, с другой же — номистическим учениям и что присуще первым в противоположность вторым, ибо как отрицание, так и утверждение права для нашего будущего в различных учениях имеет совсем различный смысл.

Отрицание права для нашего будущего у Годвина и Штирнера носит безусловную форму и относится, следовательно, также и к нашему собственному будущему; у Годвина право противоречит всегда и всюду общему счастью, у Штирнера — счастью отдельного человека.

У Толстого отрицание права для нашего будущего носит не безусловную форму; он отрицает его для нашего будущего, так как оно, если и не всегда и не всюду, то, во всяком случае, при наших отношениях весьма противоречит любви, которая в нем отсутствует.

Утверждая право для нашего будущего, Прудон и Тукер говорят этим, что они считают хорошим, конечно, не все частные формы права, а право как таковое. Прудон признает его потому, что оно как таковое никогда и нигде не противоречило справедливости; Тукер же — потому, что оно никогда и нигде не вредит счастью отдельного человека. Наконец, у Бакунина и Кропоткина утверждение права для нашего будущего означает то, что они предвидят, что прогресс развития в нашем будущем сохранит существование права как такового, но, конечно, не современных частных его форм; при этом Бакунин подразумевает здесь прогресс

человечества от менее совершенного к возможно более совершенному существованию, Кропоткин же — прогресс от менее счастливой к возможно более счастливой жизни.

2. Аномистические учения, в свою очередь, различаются по тому, что они утверждают для нашего будущего в противоположность праву — и именно в том различном смысле, в каком они отрицают право для нашего будущего. По Годвину, в будущем вместо права человеческим законом должно стать общее счастье.

По Штирнеру, в будущем вместо права человеческим законом будет собственное счастье.

У Толстого роль такого закона для будущего играет любовь.

3. Номистические учения отличаются, наоборот, тем особенным преобразованием права, которое они предполагают в будущем.

По Тукеру, безразлично, в будущем должно существовать как законное право, в котором явственно обнаруживается правовая воля, так и незаконное право, при котором не существует ее такого явственного обнаружения.

По Бакунину и Кропоткину, в будущем будет существовать только незаконное право.

По Прудону, в будущем должна существовать только одна правовая норма, именно та, что договоры должны быть исполняемы.

II. Семь изложенных и признанных анархическими учений могут быть сравниваемы со всей совокупностью учений, признаваемых за анархические, в том, что они общего имеют по отношению к праву. Они не имеют ничего общего в этом отношении. Тем менее может иметь что-либо общее по отношению к праву вся совокупность учений, признанных анархическими.

Изложенные учения могут затем быть сопоставлены относительно тех особенностей, которые они обнаружива-

ют относительно права, с общей совокупностью анархических учений. Обнаруживающиеся между ними различия можно привести в систему, в которой уже не будет места для сопоставленных, а только для взаимоподчиненных особенностей. Таким образом, ни одно анархическое учение не может иметь какую-либо особенность, не подходящую под эти особенности.

Все то, что относится к семи изложенным учениям, относится, следовательно, и к анархическим учениям вообще. Они не имеют ничего общего между собой по отношению к праву, а по различию в этом отношении допускают следующую классификацию:

Аномистические учения	Номистические учения
Годвин	Прудон
Штирнер	Бакунин
Толстой	Кропоткин
	Тукер

4. Государство

I. По своему отношению к государству, т.е. к тому правовому отношению, в силу которого в какой-нибудь области существует высшая власть, семь изложенных учений имеют нечто общее.

1. Они имеют то общее между собой, что отрицают государство для нашего будущего.

Точнее этого нельзя определить то, что общего имеют друг с другом изложенные учения по отношению к государству, ибо отрицание государства для нашего будущего носит в них совершенно различный смысл.

Отрицание государства для нашего будущего у Годвина, Штирнера, Тукера и Прудона означает то, что они устраняют государство безусловно, следовательно, и для нашего

будущего; при этом Годвин устраняет его, потому что государство всегда и всюду вредит общему счастью; Штирнер же и Тукер — потому что оно вредит счастью отдельного человека, а Прудон — так как оно всюду и во все времена препятствовало справедливости.

Отрицание государства означает у Толстого то, что он устраняет государство не безусловно, а только для нашего будущего, так как существование его противоречит любви более, чем его отрицание, и если не всегда и всюду, то по крайней мере при настоящих условиях государственной жизни.

У Бакунина и Кропоткина, наконец, отрицание государства для нашего будущего имеет значение, как предвидение того, что прогресс развития в нашем будущем устранит государство; при этом Бакунин подразумевает здесь прогресс человечества от менее совершенного к возможно более совершенному существованию, Кропоткин же — прогресс от менее счастливой жизни к жизни возможно более счастливой.

2. В том, что утверждают они для нашего будущего в противоположность государству — и именно в том различном смысле, в котором они отрицают государство для нашего будущего, — семь изложенных учений не имеют между собой ничего общего.

Одни из них утверждают для нашего будущего в противоположность государству дружеское сожительство людей в свободном правовом взаимоотношении, именно согласно той правовой норме, что договоры должны быть выполнены; эти учения могут быть названы федералистическими. Другие утверждают для нашего будущего в противоположность государству дружественное сожительство без всякого правового взаимоотношения, именно согласно тому закону, который они утверждают для нашего будущего в противоположность праву; эти учения можно назвать спон-

танистическими. Федералистичны учения Прудона, Бакунина, Кропоткина и Тукера; спонтанистичны же — Годвина, Штирнера и Толстого.

3. Спонтанистические учения различаются между собой, в свою очередь, в том неправовом законе, который они утверждают в противоположность государству, как основание дружеского сожительства людей в нашем будущем.

По Годвину, на место государства должно стать дружеское сожительство людей, которое основывается на том, что для каждого человека общее счастье есть закон.

По Штирнеру, на место государства должно стать дружеское сожительство людей, которое основывается на том, что для каждого законом является его собственное счастье.

По Толстому, на место государства должно стать дружеское сожительство людей, которое основывается на том, что закон каждого представляет любовь.

II. Семь изложенных и признанных анархическими учений допускают сопоставление относительно того, что общего имеют они друг с другом в своем отношении к государству, с общей совокупностью анархических учений. В своем отношении к государству они имеют только одно общее — то, что они отрицают для нашего будущего государство, хотя и с весьма различным смыслом. Эта одна общая черта присуща всем анархическим учениям; знакомство с каким угодно признанным за анархическое учением показывает, что оно отрицает для будущего государство в том или ином смысле.

Изложенные учения могут, затем, быть сопоставляемы с совокупностью анархических учений вообще относительно тех особенностей, которые обнаруживаются в их отношении к государству. Существующие между ними различия могут быть приведены в систему, которая дает место не сопоставляемым, а только взаимоподчиненным особен-

ностями. Ни одно анархическое учение не может поэтому иметь какую-либо особенность, которая не подходила бы под эти особенности.

То, что имеет значение для семи изложенных учений, имеет, таким образом, значение и для анархических учений вообще. По отношению к государству они имеют друг с другом то общее, что все относятся отрицательно к государству будущего; сообразно различиям в том, что они предлагают в будущем вместо государства, они могут быть классифицированы следующими образом:

Федералистические учения	Спонтанистические учения
Прудон	Годвин
Бакунин	Штирнер
Кропоткин	Толстой
Тукер	

5. Собственность

I. В своем отношении к собственности, т.е. к тому правовому отношению, в силу которого некоторым людям в пределах определенного круга людей исключительно присуще конечное решение в каких-либо делах, семь изложенных учений не имеют ничего общего друг с другом.

1. Одна их часть отрицает для нашего будущего собственность; эти учения можно назвать индоминистическими. Другая часть принимает его для нашего будущего; эти учения могут быть названы доминистическими. Индоминистичны учения Годвина, Прудона, Штирнера и Толстого; доминистичны — Бакунина, Кропоткина и Тукера.

Точнее этого нельзя определить, что общее, с одной стороны, индоминистическим, с другой — доминистическим учениям и что характеризует одни из них в противоположность другим, ибо как принятие, так и отрицание собствен-

ности для нашего будущего в различных учениях имеет совсем различный смысл.

Отрицание собственности для нашего будущего у Годвина, Штирнера и Прудона означает то, что они отбрасывают собственность безусловно, следовательно, и для нашего будущего; при этом Годвин это делает потому, что всегда и всюду она противоречит счастью общества, Штирнер же потому, что она противодействует счастью отдельного человека, Прудон — так как она мешает всегда и всюду установлению справедливости.

У Толстого отрицание собственности для нашего будущего имеет тот смысл, что он отбрасывает собственность, хоть и не безусловно, но по крайней мере для нашего будущего, так как, если и не во всякое время и не повсюду, то по крайней мере при наших отношениях собственность в высшей степени противоречит любви, как ее отрицание.

Утверждение собственности для нашего будущего означает у Тукера, что он признает собственность как таковую, конечно, не каждую ее частную форму, безусловно, а потому и для нашего будущего, хорошей, так как собственность как таковая никогда и нигде не противоречила счастью отдельных людей.

У Бакунина и Кропоткина, наконец, утверждение собственности для нашего будущего означает то, что они предусматривают, что прогресс развития сохранит в нашем будущем собственность как таковую, хотя и не сохранит, конечно, ее частных форм.

При этом Бакунин подразумевает под этим прогресс человечества от менее совершенного существования к возможно более совершенному, Кропоткин же — прогресс от менее счастливой жизни к возможно более счастливой.

2. Индоминистические учения, в свою очередь, различаются согласно тому, что они предлагают для нашего будущего вместо собственности, — именно согласно тому

различному смыслу, в каком они отрицают собственность для будущего.

По Прудону, на место собственности должно стать такое распределение богатств, которое осуществляется в свободном правовом отношении и основывается на той правовой норме, что договоры должны быть выполнены.

По Годвину, Штирнеру и Толстому, на место собственности должно стать такое распределение богатств, которое существует помимо всякого правового отношения и основывается скорее на том законе, который принимается ими в противоположность праву.

По Годвину, следовательно, вместо собственности осуществляющееся распределение богатств должно основываться на предписаниях, наделяемых каждому отдельному человеку общим счастьем.

По Штирнеру, оно должно основываться на предписаниях, наделяемых каждому его собственным счастьем.

По Толстому, оно должно опираться на предписания, наделяемые каждому любовью.

3. Доминистические учения тоже различаются по собственности тех собственнических форм, которые они предлагают для нашего будущего.

По Тукеру, и в будущем на все вещи без исключения должна существовать собственность, как частная, так и общественная. Это учение можно назвать индивидуалистическим.

По Бакунину, в будущем останется безразлично и частная и общественная собственность только на средства потребления, т.е. собственность на те продукты, которые служат пользованию, тогда как на средства производства, т.е. на такие вещи, которые служат производству богатств, останется только общественная собственность. Это учение можно назвать коллективистическим.

По Кропоткину, в будущем должна существовать безразлично на все вещи только общественная собственность. Это учение может быть названо коммунистическим.

II. Семь изложенных и признанных анархическими учений могут быть сопоставлены с совокупностью учений, признанных анархическими вообще, относительно того, что общего они имеют в своем взгляде на собственность. В этом у них нет ничего общего. Таким образом, совокупность учений, признанных анархическими, не может иметь ничего общего по отношению к собственности.

Изложенные учения, далее, могут быть сравниваемы относительно их особенностей, которые они обнаруживают по отношению к собственности, с совокупностью анархических учений вообще. Обнаруживающиеся между ними особенности могут быть приведены в систему, в которой нет более места для сопоставленных, а только для взаимоподчиненных особенностей. Никакое анархическое учение поэтому не может иметь такой особенности, которая не была бы подчинена этим особенностям.

Что относится к семи изложенным учениям, то относится, следовательно, и к анархическим учениям вообще. Они не имеют в своем отношении к собственности ничего общего, а по различиям этого отношения допускают следующую классификацию:

Индаминисти- ческие учения	Доминистические учения		
	Индивидуалистические	Коллективистические	Коммунистические
Годвин	Тукер	Бакунин	Кропоткин
Прудон			
Штирнер			
Толстой			

6. Осуществление

I. Относительно того способа, которым они предполагают произвести свое осуществление, т.е. относительно перехода от состояния, ими отвергаемого, к состоянию достигаемому, семь изложенных учений не имеют ничего общего.

1. Одни из них предполагают свое осуществление без правового крушения; они предполагают, следовательно, переход от отвергаемого состояния к состоянию желаемому единственно при помощи применения правовых норм, присущих отвергаемому состоянию; такие учения могут быть названы реформаторскими. Реформаторскими учениями являются учения Годвина и Прудона. Другие предполагают свое осуществление путем правового крушения; они предполагают, следовательно, переход от отвергаемого состояния к желаемому при помощи нарушения правовых норм отвергаемого порядка; эти учения можно назвать революционными. Революционные учения Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Тукера и Толстого. Точнее этого нельзя определить, что обще, с одной стороны, реформаторским, с другой же — революционным учениям и что присуще одним в противоположность другим, ибо то, как они предполагают переход от отвергаемого состояния к желаемому, в различных учениях носит совсем различный смысл.

Если Годвин, Прудон, Штирнер, Тукер и Толстой представляют себе переход от отвергаемого состояния к достигаемому каким-либо способом, то это значит, что они требуют с самого же начала приготовления определенным образом перехода от данного — отвергаемого к известному, достигаемому состоянию и содействия этому.

Наоборот, у Кропоткина и Бакунина, когда они думают о переходе от отвергаемого к достигаемому состоянию, это значит, что они предвидят, что с прогрессом развития пе-

реход от данного, исчезающего состояния к новому, наступающему совершится сам собой, определенным образом, и что они требуют только в некоторой мере приготовления этого перехода.

2. Революционные учения, в свою очередь, различаются по роду и способу ими предполагаемого правового крушения, которое обнаруживается при переходе от отвергнутого состояния к желаемому. Одни из них предполагают правовое крушение без применения насилия; эти учения можно назвать сопротивленскими. Таковы учения Тукера и Толстого. При этом Тукер предполагает правовое крушение преимущественно как отказ от уплаты податей, наемной и арендной платы и уничтожение банковской монополии, Толстой же — как отказ от военной, полицейской, присяжной службы, а также и уплаты податей.

Другие революционные учения представляют себе правовое крушение, которое произойдет при переходе от отвергнутого состояния к желанному, путем применяемого насилия; эти учения можно назвать инсургентскими. Таковы учения Штирнера, Бакунина и Кропоткина, причем Штирнер и Бакунин рисуют себе насильническим только самый переход, Кропоткин же и приготовление к нему (пропаганда действием).

II. Семь изложенных и признанных анархическими учений могут быть сопоставлены со всей совокупностью анархических учений, признанных таковыми по отношению к тому, что общего имеют они касательно предполагаемых форм их осуществления. В этом они не имеют ничего общего. Тем не менее может, таким образом, совокупность учений, признанных за анархические учения, иметь в этом отношении нечто общее в себе.

Изложенные учения могут, далее, быть сопоставлены относительно тех особенностей, которые они обнаружива-

ют касательно предполагаемых форм их осуществления, с совокупностью анархических учений вообще. Обнаруживающиеся между ними особенности могут быть приведены в систему, в которой не будет более места для сопоставленных особенностей, но только для особенностей взаимоподчиненных. Никакое анархическое учение не может поэтому иметь такой особенности, которая не была бы подчинена этим особенностям.

То, что имеет отношение к изложенным учениям, относится и к анархическим учениям вообще. По отношению к предполагаемой форме своего осуществления они не имеют друг с другом ничего общего, а по своим различиям в этой области могут быть классифицированы следующим образом:

Реформаторские учения	Революционные учения	
	Сопротивленские	Инсургентские
Годвин	Тукер	Штирнер
Прудон	Толстой	Бакунин
		Кропоткин

ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА

Анархизм и его формы

1. Заблуждения насчет анархизма и его форм

Теперь уже можно устранить некоторые из многочисленных заблуждений насчет анархизма и его форм.

1. Говорят, что анархизм разрушает мораль, что он основывается на научном материализме¹, а его общественный идеал определяется ему присущим воззрением на историческую жизнь². Если это правда, то учения Годвина, Прудона, Штирнера, Тукера, Толстого и много других учений, считаемых анархическими, нельзя было бы рассматривать как анархические.

2. Утверждают, что своей конечной целью анархизм ставит счастье отдельного человека³, что он оценивает каждый человеческий поступок с абстрактной точки зрения неограниченных прав индивидуума⁴; будто высшим законом для него является не общее благо, а свободное желание каждого отдельного человека⁵. Если бы это было справед-

¹ Der Anarchismus und seine Träger, S. 124, 125, 127.

² Reichesberg, S. 27.

³ Lenz, S. 3.

⁴ Plechanow, S. 80.

⁵ Rienzi, S. 43.

ливо, то учения Годвина, Прудона, Бакунина, Кропоткина, Толстого и целая масса других учений, признанных за анархические, не могли бы быть рассматриваемы как таковые.

3. Высшим законом анархизма считают нравственный закон справедливости¹. Но в таком случае учения Годвина, Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Тукера, Толстого и многие другие, признанные за анархические учения, нельзя считать за таковые.

4. Говорят, что анархизм кульминирует в отрицании всякой программы²; он ставит себе только отрицательную цель³. Если это правильно, то учения Годвина, Прудона, Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Толстого и Тукера и почти все другие признанные за анархические учения нельзя считать таковыми.

5. Утверждают, что анархизм устраняет право⁴ и правовое принуждение⁵. Если это так, нельзя считать анархическими учения Прудона, Бакунина, Кропоткина, Тукера и много других, признанных анархическими, учений.

6. Утверждают, будто анархизм отвергает общество⁶; его идеалом-де является обращение общества в *tabula rasa*⁷; для него общество-де существует только для того, чтобы бороться с ним⁸. Если это было бы так, то учения Прудона, Годвина, Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Толстого, Тукера и почти все другие учения, уже признанные анархическими, нельзя бы было счесть таковыми.

¹ Bernatzik: Jahrbuch 19, S. 2, 3.

² Lenz, S. 5.

³ Crispi: Daily Mail 1898. № 807, S. 4.

⁴ Stammer, S. 2, 4, 34, 36.

⁵ Lenz, S. 1, 4.

⁶ Garrand, S. 12 Tripels: Compte rendu, S. 253.

⁷ Silió: La Espana moderna 61, S. 145.

⁸ Reichesberg, S. 14, 16.

7. Говорят, что анархизм требует разрушения государства¹, хочет смести его с лица земли², не хочет государства ни в какой форме³, не желает никаких правительств⁴.

Если это правильно, в таком случае учения Бакунина, Кропоткина и все другие учения, признаваемые за анархические, которые только предвидят устранение государства, а не требуют его, нужно счесть неанархическими.

8. Утверждают, что в будущем обществе анархизма согласие отдельного лица связывает его только до тех пор, пока ему угодно его придерживаться⁵. Но если бы это было так, то учения Прудона, Бакунина, Кропоткина, Тукера и многих других, признанных анархическими учениями, нельзя бы было рассматривать, как анархические.

9. Говорят, что анархизм хочет поставить на место государства федерацию⁶; то, к чему он стремится, есть регуляция всех общественных деятельностей при помощи свободного договора между федералистически устроенными общинами и обществами⁷. Если это так, то учения Годвина, Штирнера, Толстого и многих других учений, признанных анархическими, нужно рассматривать как неанархические, а равным образом и учения Бакунина, Кропоткина и другие учения, признаваемые анархическими, которые не требуют, а только предвидят осуществление договорного общества.

10. Говорят, будто анархизм отвергает собственность⁸. Если это так, учения Бакунина, Кропоткина, Тукера и все другие учения, считающиеся за анархические, которые при-

¹ Berenstein. Neue Zeit 10¹, S. 359.

² Lenz, S. 5.

³ Bernatzik: Jahrbuch 19, S. 3.

⁴ Die Hintermänner der Sozialdemokratie, S. 14.

⁵ Reichsberg, S. 30.

⁶ Die Hintermänner der Sozialdemokratie, S. 14.

⁷ Lombroso, S. 31.

⁸ Silió: La Espana moderna. 61, S. 145; Dubois, S. 213.

нимают собственность или неограниченно, или в какой-либо частной форме, не могут быть признаны таковыми.

11. Утверждают, что анархизм отвергает частную собственность¹, стремится к общности богатств², должен быть необходимо коммунистическим³. Если бы анархизм был необходимо коммунистическим, то учения Годвина, Прудона, Штирнера, Толстого и все другие, признанные за анархические учения, отвергающие собственность во всякой форме, а также и общественную собственность, тотчас же должны бы были быть сочтены за учения неанархические; то же пришлось бы сделать, далее, и с учениями Тукера и Бакунина и другими, признанными за анархические учениями, которые принимают частную собственность или на все вещи, или только на средства потребления. Но если бы дело обстояло так, то и учение Кропоткина и другие, считающиеся за анархические учения, не требующие, а только предвидящие коммунистическое существование собственности, нельзя было бы признать анархическими.

12. Различают между коммунистическим, коллективистическим и индивидуалистическим анархизмом, или же просто между коммунистическим и индивидуалистическим⁴. Если бы первое разделение было полным, то учения Годвина, Прудона, Штирнера, Толстого и все другие, признанные анархическими учения, не принимающие собственности ни в какой форме, не могли бы быть анархическими; если бы полным делением было второе, то анархическими не были бы учения Бакунина и другие, признанные анархическими учения, отдающие собственность на средства производства только одному обществу, собственность же на средства потребления — также и отдельным людям.

¹ Proal, S. 50.

² Lombroso, S. 31.

³ Sernicoli 2, S. 67; Garraud, S. 3, 4.

⁴ Rienzi, S. 9; Stammer, S. 28—31; Mertino, S. 18, 27; Schaw, S. 23.

13. Говорят, что анархизм проповедует преступление¹, ждет наступления нового состояния от насильственной революции², добивается своей цели всякими средствами, употребляя даже воровство и убийство³. Если бы анархизм думал осуществить свое учение при помощи преступления, то учения Годвина, Прудона и многие другие учения, признаваемые анархическими, не были бы рассматриваемы как анархические; если бы он думал осуществить свое учение путем преступных насильственных действий, то и учения Толстого, Тукера и много других учений, признанных анархическими, нельзя было бы считать таковыми.

14. Утверждают, что анархизм признает за средство своего осуществления пропаганду действием⁴. Если это правда, то учения Годвина, Прудона, Штирнера, Бакунина, Толстого, Тукера и большинство других учений, признанных за анархические учения, нельзя считать таковыми.

2. Понятие анархизма и его форм

Теперь уже можно установить общие и главные свойства анархических учений, поместить их в общую сферу нашего опыта и таким образом дать отвлеченное определение анархизма и его форм.

I. Общие и частные свойства анархических учений.

1. Анархические учения имеют между собой только то общее, что они отрицают государство для нашего будущего. У Годвина, Прудона, Штирнера и Тукера это отрицание означает безусловное устранение государства, следовательно, устранение его также и для нашего будущего; у Толстого оно

¹ Garrand, S. 6; Lenz, S. 5.

² Semicoli 2, S. 116; Garrand, S. 2; Reichesberg 3, 38, van Hamel: *Compte rendu*, S. 113.

³ Lombroso, S. 31, 34.

⁴ Garrand, S. 10—11; Lombroso, S. 34; Ferri: *Compte rendu*, S. 257.

означает то, что он устраняет государство, хоть и не безусловно, но во всяком случае для нашего будущего; у Бакунина и Кропоткина оно имеет тот смысл, что они предвидят, что прогресс развития устранил государство в нашем будущем.

2. Анархические учения распадаются согласно их основным принципам на генетические, признающие наивысшим законом человеческого поведения исключительно естественный закон (Бакунин, Кропоткин), и критические, признающие таким наивысшим законом норму. Критически учения распадаются снова на идеалистические, наивысшим законом которых является долг (Прудон, Толстой), и эвдемонистические, для которых наивысший закон есть счастье. Эвдемонистические учения опять-таки распадаются на альтруистические, для которых счастье общества представляет наивысший закон (Годвин), и эгоистические, наивысшим законом признающие личное счастье (Штирнер, Тукер).

Согласно тому, что предусматривают они в будущем вместо государства, анархические учения или федералистичны, т.е. признают в будущем общежитие людей на почве правовой нормы, состоящей в том, что договоры должны быть соблюдаемы (Прудон, Бакунин, Кропоткин, Тукер), или спонтанистичны, т.е. признают в будущем общежитие людей на почве неправового закона (Годвин, Штирнер, Толстой).

По отношению к праву анархические учения частью аномистичны, т.е. отрицают право для будущего (Годвин, Штирнер, Толстой), частью номистичны, т.е. признают право для будущего (Прудон, Бакунин, Кропоткин, Тукер).

По отношению к собственности анархические учения частью антидоминистичны, т.е. отрицают собственность для будущего (Годвин, Прудон, Штирнер, Толстой), частью доминистичны, т.е. признают ее в будущем. Доминистические учения, в свою очередь, частью индивидуалистичны, признавая неограниченную собственность и для отдельных личностей и для общества (Тукер), частью коллективистич-

ны, отдавая собственность на предметы потребления отдельным личностям, собственность же — на средства производства только одному обществу (Бакунин), и, наконец, частью коммунистичны, признавая собственность исключительно за обществом (Кропоткин).

По способу своего осуществления анархические учения распадаются на реформаторские, рисуящие себе переход от критического строя к новому без нарушения права (Годвин, Прудон), и революционные, которые представляют себе этот переход в форме нарушения права. Революционные учения распадаются на сопротивленские, которые рисуют себе нарушение права без употребления насилия (Тукер, Толстой), и инсургентские, представляющие себе нарушение права при помощи насилия (Штирнер, Бакунин, Кропоткин).

II. Место анархических учений в общей сфере нашего опыта.

I. Нужно различать три направления в философии права, т.е. три рода обсуждения права.

Первое направление представляет философско-правовой догматизм.

Он произносит суждение о том, должно или нет существовать данное правовое учреждение; при этом он ничем не обусловлен и произносит свое суждение только сообразно содержанию этого учреждения, не считаясь с его воздействиями при тех или иных обстоятельствах. Он охватывает, следовательно, учения об истинном праве, т.е. учения, которые стараются определить, нужно ли при всех условиях одобрить или устранить в интересах права, например, хоть правовое учреждение брака. Самой известной его формой является естественное право. Слабость философско-правового догматизма заключается в невнимании его к тому факту, что наше суждение о правовых учреждениях должно зависеть от их влияния на нас и что одно и то же правовое

учреждение при различных обстоятельствах оказывает различное влияние.

Вторым направлением является философско-правовой скептицизм. Ввиду слабости философско-правового догматизма он отказывается от суждения о том, должно ли или нет существовать данное правовое учреждение, и судит только о том, можно ли предвидеть, судя по направлению развития, будет ли данное правовое учреждение существовать или исчезнет, будет ли обнаруживаться или прекратится. Он охватывает, следовательно, учения о развития права, т.е. учения, которые хотят дать сведения о том, что можно ожидать в будущем для права, например, можно ли надеяться сохранить правовое учреждение брака. Его известнейшей формой является исторически правовая школа и марксизм.

Слабость философско-правового скептицизма заключается в неудовлетворении потребности в научном основании, которое позволило бы нам признать истинными или ложными постоянно высказываемые суждения о ценности правовых учреждений и одобрить или отбросить многочисленные предложения правовых изменений.

Третье направление есть философско-правовой критицизм. Ввиду слабости философско-правового догматизма он отказывается судить о том, должно ли или не должно существовать данное правовое учреждение, если не считаться с теми особенными условиями, при которых действует это учреждение; ввиду же слабости философско-правового скептицизма он не отказывается от того, чтобы ответить на вопрос о том, должно ли или не должно существовать данное правовое учреждение. Поэтому он устанавливает высший закон, согласно которому нужно произносить суждение о правовых учреждениях, принимая во внимание особенные условия, при которых оно действует, причем дело идет главным образом о том, выполняет ли это правовое учреждение при тех особенных условиях, при

которых оно действует, вышеупомянутый высший закон так, как только это возможно при этих условиях или же лучше, чем всякое другое правовое учреждение. Он охватывает, таким образом, учения об истинности права, т.е. учения, которые устанавливают те основания, при помощи которых следует определять то, должно ли или не должно в интересах права существовать при каких-либо частных условиях, например, хоть правовое учреждение брака.

2. Касательно государства эти три направления в философии права, каждое со своей собственной точки зрения, могут достигнуть различных суждений.

Во-первых — утверждения государства.

Поскольку учения философско-правового догматизма утверждают государство, они считают его безусловно, а следовательно, и для нашего будущего, хорошим, не принимая во внимание его воздействий при тех или иных частных обстоятельствах. Среди многочисленных положительных учений о государстве в духе философско-правового скептицизма могут быть указаны различные по времени своего появления учения Гоббса, Гегеля и Иеринга.

Поскольку учения философско-правового скептицизма утверждают государство, они, сообразуясь с направлением развития, предполагают также, что оно сохранится и в будущем. Важнейшие представители философско-правового скептицизма, как, например, Меркель, не дали учений о государстве; положительные учения о государстве в смысле философско-правового скептицизма мы находим, например, у Монтанье и Бернштейна.

Поскольку, наконец, государства признают учения философско-правового критицизма, они одобряют его и для нашего будущего, принимая во внимание в настоящее время существующие у нас частные условия.

Философско-правовой критицизм явственнее всего пока изложен Штаммлером, который, впрочем, не дал уче-

ния о государстве; в качестве положительного учения о государстве в духе философско-правового критицизма может все же быть взято, например, учение Спенсера.

Во-вторых, три направления в философии права, каждое со своей точки зрения, могут достигнуть отрицания государства.

Поскольку учения философско-правового догматизма отрицают государство, они устраняют его, не обращая никакого внимания на его воздействие при тех или иных частных условиях, устраняют безусловно, а следовательно, и для нашего будущего.

Отрицательными учениями в духе философско-правового догматизма являются учения Годвина, Прудона, Штирнера и Тукера.

Поскольку учения философско-правового скептицизма отрицают государство, они предвидят сообразно направлению развития, что оно исчезнет в будущем.

Отрицательными учениями в духе философско-правового скептицизма являются учения Бакунина и Кропоткина.

Поскольку учения философско-правового критицизма отрицают государство, они отбрасывают его и для нашего будущего, принимая в соображение существующие в настоящее время своеобразные условия.

Отрицательным учением о государстве в смысле философско-правового критицизма является учение Толстого.

3. Таким образом, положение анархических учений в общей сфере нашего опыта определяется тем, что они в качестве своего рода философско-правовых учений о государстве, именно отрицательных учений о государстве, противостоят философско-правовым учениям о государстве другого рода — положительным учениям о государстве.

Это можно представить себе следующим образом:

В духе философско-правового догматизма	Положительные учения о государстве	Отрицательные учения о государстве
	Гоббс	Годвин
	Гегель	Прудон
	Геринг	Штирнер
		Тукер
В духе философско-правового скептицизма	Монтанье	Бакунин
	Бернштейн	Кропоткин
В духе философско-правового критицизма	Спенсер	Толстой

III. Понятия анархизма и его форм.

1. Анархизм есть философско-правовое отрицание государства, т.е. философско-правовое учение о государстве такого рода, которое отрицает государство.

2. Анархическое учение будет неполным, если оно не укажет, на чем оно основывается как на принципах, что предлагает оно в замену государства и как оно думает совершить подобный переход от государства к предлагаемому состоянию. Принцип, положительная сторона и представление о переходе к тому, что предлагается, — это необходимые составные части всякого анархического учения. По отношению к этим составным частям можно различать следующие формы анархизма.

Во-первых, соответственно принципам: генетический анархизм, который признает высшим законом человеческого поведения только естественный закон (Бакунин и Кропоткин), и критический анархизм, высшим законом человеческого поведения признающий норму; последний, в свою очередь, распадается на: идеалистический анархизм, высшим законом которого является долг (Прудон, Толстой), и эвдемонистический анархизм, высший закон которого составляет счастье; наконец, в эвдемонистическом анар-

хизме заключаются: альтруистический анархизм, для которого высший закон — это всеобщее благо (Годвин) и эгоистический анархизм, для которого это — счастье отдельного человека (Штирнер, Тукер).

Во-вторых, по тому, что предлагается вместо государства, можно различать: федералистический анархизм, который предлагает для нашего будущего дружественное сожительство людей согласно той правовой норме, что все договоры должны быть выполнены (Прудон, Бакунин, Кропоткин, Тукер), и спонтанистический анархизм, который для нашего будущего предлагает дружественное сожительство согласно неправовым законам (Годвин, Штирнер, Толстой).

В-третьих, согласно представлению о переходе к желанному состоянию можно различать: реформаторский анархизм, который рисует себе переход от государства к предлагаемому взамен его состоянию без правового крушения (Годвин, Прудон), и революционный анархизм, который рисует его себе как правовое крушение; революционный анархизм содержит в себе: сопротивленский анархизм, который правовое крушение представляет себе без употребления насилия (Тукер, Толстой), и инсургентский анархизм, который представляет его при наличии применяемого насилия (Штирнер, Бакунин, Кропоткин).

3. Анархическое учение может быть законченным, не устанавливая какого-либо отношения к праву или собственности. Если, следовательно, анархическое учение устанавливает свое отношение к тому или другому, то это является уже случайным придатком. Те учения об анархизме, которые содержат этот придаток, можно разделить согласно содержанию этого последнего; но анархизм как таковой может быть разделен только согласно содержанию необходимых составных частей каждого анархического учения, и потому вышеупомянутое разделение не дает никаких форм анархизма.

Поскольку анархические учения становятся в какое-либо отношение к праву, они или аномистичны, т.е. отрицают право для нашего будущего (Годвин, Штирнер, Толстой), или номистичны, т.е. предлагают его для будущего (Прудон, Бакунин, Кропоткин, Тукер).

Поскольку они устанавливают свое отношение к собственности, они или индоминистичны, т.е. отрицают для нашего будущего собственность (Годвин, Прудон, Штирнер, Толстой), или доминистичны, следовательно, предлагают ее для будущего; доминистические учения, в свою очередь, или индивидуалистичны, предлагая собственность безразлично и для отдельных лиц и для общества (Тукер), или коллективистичны, предлагая собственность на средства потребления присвоить также и отдельным людям, собственность же на средства производства, напротив, только обществу (Бакунин), или, наконец, коммунистичны, предлагая собственность отдать только обществу (Кропоткин).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

I. Итак, внутренняя потребность, побудившая нас к научному познанию анархизма, до известной степени удовлетворена.

Понятия анархизма и его форм установлены; важнейшие ошибки устранены; выдающиеся анархические учения изложены. Мы ознакомились с арсеналом анархизма. Мы видели все то, что можно сказать против государства, исходя из всех возможных точек зрения. Мы познакомились с самыми различными формами жизни, которые должны в будущем стать на место государства. Переход от государства к этим формам жизни нарисован нам самыми разнообразными красками.

Кто хочет ознакомиться с анархизмом еще ближе, исследовать кроме наиболее выдающихся учений также и самые незначительные, и как те, так и другие ввести в причинную связь исторических событий, для того заложены по меньшей мере основания, на которых он будет продолжать работу. Он знает, чем должен он заняться по отношению к целым учениям, и чем — по отношению к частям этих учений, и какие вопросы должен он поставить в каждом отдельном случае. При таком исследовании нужно ожидать некоторых неожиданностей; учение неизвестного Писакане поражает своею самостоятельностью, а учение известного Моста, имя которого повторяется всеми, представляет собой только грубую переработку учения Кропоткина. В общем же исследование вряд ли вознаградит затра-

ченные труды, ибо важное, что заключается вообще в анархизме, изложено уже в разобранных здесь теориях.

2. Но и внешняя потребность, для удовлетворения которой мы должны были подвергнуть анархизм научному познанию, теперь может быть тоже удовлетворена.

Во всяком случае по отношению к анархизму мы должны всегда поступать следующим образом: мы должны изучать его спокойно и беспристрастно. При этом мы только тогда можем надеяться на успех, если не будем долго бесцельно блуждать в темноте философско-правового скептицизма или стараться рассеять эту тьму светом догматизма, но будем руководствоваться в нашем изучении, наоборот, светящей звездой критицизма.

Необходимо ли еще против анархизма и той или другой из его форм применять особенные меры, следует ли смотреть на преступления анархистов, осуществляющие их учения, иначе, чем на все другие политические или даже уголовные преступления, это должны решить законодатели каждой отдельной страны сообразно ее особым условиям.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАРХИЗМА

*доктора
Рудольфа Штаммлера,
профессора Университета в Галле*

Предисловие

Настоящая статья совпадает по существу своего содержания с лекцией, прочитанной автором 7 декабря 1893 года в купеческом собрании Магдебурга.

Разъяснение теоретических оснований нашего современного анархического движения является теперь, по-видимому, необходимым и своевременным и отвечает интересам широких кругов. Для специалистов по юриспруденции и политической экономии толкования правовых определений и конвенциональных правил, а также мое обоснование правового принуждения могут представить интерес новизны.

Рудольф Штаммлер

I

Введение. Социализм и анархизм

Совершаемые в новейшее время анархистами всеумножающиеся покушения на убийства и преступные посягательства вызвали в широких кругах представление, будто в анархизме мы имеем дело только с шайкой полусумасшедших и озверевших фанатиков. Совершенно забывается — или, быть может, никогда и не было особенно известно — то, что существует теория анархизма, которая должна во всякое время играть чрезвычайно важную роль в социальной философии; правда, она не столько извращена достойной проклятия деятельностью теперешних анархистов, сколько скорее сама как таковая тол-

куется совершенно извращенно и бессмысленно, но в своем чистом виде, как своеобразная философия общественной жизни, она никогда не должна быть игнорируема социальной наукой и до сих пор еще не была ею научно опровергнута.

Так как на нижеследующих страницах мы хотим как раз изложить и опровергнуть теорию анархизма, то желательно заранее устранить некоторые распространенные недоразумения, препятствующие свободной от предрассудков оценке относящихся сюда вопросов.

К ним принадлежит прежде всего смешение анархической доктрины и социализма.

Представление, что анархизм есть лишь особая, более развитая форма социализма, является в наши дни распространеннейшей ошибкой. Полагают, что, хотя и можно указать некоторое различие между ними относительно степени фактической экзальтации или желательного темпа движения, а также, быть может, и относительно применяемых средств, но, в сущности, они имеют в виду одно и то же.

Но такой взгляд совершенно ложен и, по существу, решительно не заслуживает возражений. Также и тот, кто в обоих названных направлениях, которые в настоящее время в культурных западноевропейских образованных странах всюду одинаково враждебно относятся к устаревшему общественному строю, хочет видеть лишь опасные болезненные явления, свидетельствует тем о таком же наивном, благодаря только что указанному смешению, суждении, как если бы он сказал: холера и воспаление мозга, то и другие смертоносные болезни, следовательно, зависят от одинаковых причин.

Социализм, как известно, обнимает собой все политические направления, целью которых является планомерная организация на почве закона экономического производства путем обобществления (передачи в собственность обществу) средств производства.

В то время как теперь производство необходимых для жизни, полезных и приятных продуктов предоставлено в челове-

ческих обществах единичным предпринимателям, которые производят их произвольно, каждый для себя, при помощи наемных рабочих, и выбрасывают на рынок то, что находят нужным; в то время как теперь — по выражению социалистов — господствует «анархический» способ производства, — согласно основной идее социалистического правопорядка в хозяйственной жизни должна господствовать планомерно рассчитанным образом организованная солидарность, и экономическое производство должно быть руководимо из больших центров; при этом средства производства: земля, фабрики и машины, ремесленные и земледельческие орудия, естественно, не могли бы уже на законном основании оставаться у производителя, а должны были быть переданы в собственность обществу, как теперь обстоит дело с *res publicae*, каковы улицы, дороги, площади, мосты и пр. Допускалась бы только частная собственность на предметы потребления, на средства же производства она запрещалась бы по закону.

Входить в рассмотрение обоснований этого социалистического постулата, в особенности материалистического понимания истории, слишком мало всеми оцененного, здесь неуместно; я поставил на вид сказанное только для того, чтобы противопоставить его анархизму и путем этого контраста достигнуть большей ясности. А нужно заметить, что, согласно только что сделанным нами указаниям, социализм направлен против содержания существующего права и прежде всего против частной собственности на средства производства; что он стремится и содействует такому процессу развития, который хотя и дает другое направление установлениям правопорядка, но не только должен сохранить правовое принуждение как таковое, но, по всей вероятности, во время могущих быть переходных стадий очень значительно усилить его и во многих отношениях сделать более интенсивным. Иное дело анархизм. Он направлен против правового принуждения вообще. Он восстает против настоящего состояния общества не потому,

что законодательство впадает в ошибки в своих постановлениях, так как они являются неуместными, устаревшими и отставшими от экономического развития, которое они задерживают, вместо того чтобы ускорять; он относится враждебно к современному состоянию общества на том основании, что в нем вообще существует организация насилия.

Какое бы то ни было насилие, совершаемое ли одним человеком над другими людьми или многими людьми друг над другом, а также и так называемое правовое насилие, оно является во всех случаях согласно рассматриваемому здесь учению несправедливостью само по себе и как таковое никогда не может быть оправдано достаточными доводами. Право и справедливость суть только умственные фикции; это — иллюзии, так как все так называемые постановления никоим образом не могут быть чем-либо иным, кроме грубой силы временного повелителя.

Какую картину, спрашивает анархист, представляет ваш правовой порядок при общем взгляде на него? Да просто такую, где один человек повелительно говорит другому (число здесь не имеет значения): живи и поступай так, а не иначе, или я заставлю тебя, и тебе придется плохо. От самого ничтожного распоряжения полиции до широко распространенного закона, юридическое значение которого оканчивается только на границе государства или даже переходит за нее в виде так называемого международного права, всюду мы видим одно и то же явление принудительного предписания, издаваемого людьми относительно людей. Как это понять? В чем можно найти этому оправдание? — спрашивает анархист. Нет, отвечает он сам себе. Если кто-нибудь пытается обречь меня на что-либо против моей воли, — это является несправедливым насилием и грешит непростительным образом против моей естественной свободы, тем более что люди, рождаясь при этой устанавливающей порядок организации насилия, должны войти в нее, не будучи о том спрошены и не желая того, и в ней оставаться

до тех пор, пока позднее с непонятного разрешения посторонних людей они, быть может, получают право выступить из нее.

Но, возражат на это, неужели же должен царствовать полнейший беспорядок? Разве этим не достигается всеобщий хаос, в котором люди, подобно диким зверям, вели бы между собой беспорядочную свирепую борьбу?

Делаемое этими вопросами предположение отнюдь не соответствует намерению теории анархизма, так как последнюю никоим образом нельзя смешивать с состоянием анархии. Это состояние предполагает действительно существование реальной государственной связи и определенного права, порядка, которые, тем не менее, бессильны проявить себя на деле и достигнуть исполнения своих узаконений. Такое плачевное состояние общества, легко вызываемое каждой гражданской войной (например, анархия кулачного права в течение почти всех средних веков), не представляет, конечно, ничего иного, кроме насилия и дикой грубости, совершающихся и при существовании закона, вопреки существующему правовому насилию; с вопросом и требованием общественной организации, свободной от применения правового порядка и государственной власти, состояние анархии в указанном смысле не имеет ничего общего.

Теория анархизма требует порядка в человеческом общении и стремится к гармонии в общественной жизни, но порядок должен быть не государственный, а иной, и узаконенное насилие должно быть совершенно устранено.

Но можно ли представить себе это реально? Какие же другие устанавливающие порядок организации человеческого общества, кроме юридической, являются возможными?

Теория анархизма не дает на этот вопрос единодушного ответа. Мы находим в ней скорее два различных течения, которые, хотя и отвергают одинаково правовое насилие в общественной жизни, но требуют несходных между собой порядков. Эти направления связаны с именами людей, которым

принадлежат первые положительные построения теории анархизма в ее противоположении юридическому принудительному порядку. Что же касается сомнения в том, может ли быть всюду доказано, и каким образом, принудительное значение права, то оно так же старо, как сама история философии права. Эти писатели — Пьер Жозеф Прудон (1809—1865) и получивший известность под псевдонимом Макса Штирнера Каспар Шмидт (1806—1856).

II

Прудон. «Естественная гармония и естественный порядок свободной от регулирования совместной человеческой жизни»

Вряд ли существует другой мыслитель в области социальной науки, кроме Прудона, взгляды на значение и оценка которого так расходились бы в имеющей к нему отношении литературе. И это различие мнений касается не только степени его одаренности и духовной высоты, на которых энергично настаивают его усердные почитатели, между тем как другие, в особенности же Карл Маркс, отрицают их; но не существует в особенности согласия относительно цельности и связности его учения.

Известно, что Прудон в течение своей писательской карьеры претерпел чрезвычайно глубокие превращения, и историки литературы делят обыкновенно всю его деятельность на три периода, из которых первый завершается февральской революцией, второй же охватывает непосредственно следующие за нею годы. Но в то время как Диль, наиболее добросовестный биограф нашего писателя¹, приходит к выводу, что в произведениях гениального мыслителя встречается так много

¹ Diehl, P.J. Proudhon. Seine Lehre und sein Leben I. Bd. (1888), II. Bd. (1890). Затем в Handwörterbuch der Staatswissenschaften, Art. Proudhon (1898).

непоследовательности в ходе мыслей и часто совершенно неожиданных перемен во взглядах, что ясно вырисовывается характерная особенность Прудона — его полная противоречий природа; — Мюльбергер¹, строгий знаток и большой почитатель Прудона, утверждает, что его учение, несмотря на всю умственную эволюцию его основателя, представляет, в сущности, целостное, столь же грандиозное, как и логически строго последовательное, построение. То, что в сочинениях Прудона встречается свойственное ему разноречие и кажущиеся противоречивыми учения, Мюльбергер не может оспаривать; но он утверждает, подобно тому как Юстиниан по поводу своего свода законов, что нужно лишь глубоко научно вникнуть в основания кажущихся антиномий, чтобы мнимое противоречие при помощи такого более строгого исследования превратилось в примиряющее единство.

Такое положение дела оказывается особенно неблагоприятным по отношению к нашей теме: доктрине анархизма, впервые изложенной с действительной определенностью Прудона. И здесь также можно встретить то, что он в позднейшие годы жизни отрекается от прежних учений или же, и не делая этого, выставляет новые, противоречащие им положения. Теория анархизма принадлежит у него к трудам первого периода. Уже в своем знаменитом сочинении «*Qu'est ce que la propriété? I-er mémoire. Recherches sur le principe du droit et du gouvernement*» (1840) — с подвергнувшейся сильным нападениям формулой: «*la propriété c'est le vol*» — автор признает себя анархистом; но затем в обстоятельном изложении он развивает свою собственную теорию анархизма в двух своих сочинениях: «*Les confessions d'un révolutionnaire*» (1849) и «*Idée générale de la révolution au XIX-ème siècle*» (1856). В течение своего второго литературного периода он публикует, однако, свое сочинение «*Du principe fédératif*» (1852), в котором он заявляет, что идеал анархизма никогда не может быть осу-

¹ Mülberger, Studien über Proudhon (1891).

ществлен, что истинной социальной организацией должен, скорее, быть федерализм. Под этим последним он понимает широкую децентрализацию и организацию в небольшие политические группы, которые должны быть объединены правовым федеральным договором под одну исключительно наблюдательную и только при согласии всех входящих в союз правительств декретирующую центральную власть.

Идеалом, следовательно, все еще остается анархизм. Но в каком логическом отношении должен находиться к нему федерализм — это опять-таки неясно. Мюльберг прав также и по отношению к этому, когда он замечает вообще, что определенные предпосылки, с которыми мы привыкли подходить в Германии к произведениям мыслителей, у исследуемого писателя не существуют. «Прудон повсюду жизненен. Он глубоко отзывчив на живую действительность; он постоянно затрагивает ее; где возникает проблема, он тотчас же на своем месте; он понимает ее прежде всего в том освещении, которое дает ей современность; он проникает затем, исходя из того, в глубины проблемы, выбрасывает оттуда несколько золотых слитков мысли и заключает в конце концов результат в какую-нибудь одну формулу, которая скорее озадачивает, чем убеждает, более ослепляет, чем просвещает читателя, не знакомого с его манерой двигаться вперед».

При таких обстоятельствах и принимая, далее, в соображение то, что анархический образ мышления Прудона имел и имеет основное значение для развития анархизма вообще — одно из направлений теории анархизма с большим или меньшим правом постоянно возвращается к размышлениям Прудона, не заботясь о том, что его родоначальник позднее сам произвел существенные изменения — я предполагаю это по содержанию своему интересное мышление изложить в отдельности систематически.

Таким образом, я не предполагаю излагать учение Прудона вообще и еще менее вытекающие из связи его философии

отдельные доктрины; я не хотел бы также совсем забираться в область противоречий в толковании и возможном согласовании различных мест его сочинений. Мне хотелось бы, напротив того, воспользоваться высказанными им мыслями для того, чтобы систематически изложить одну из возможностей анархической социальной жизни, под опасением даже незначительно нарушить историческую точность, поясняя и пополняя от себя неясную и, быть может, непродуманную делудацию. Для систематической ценности какой-либо идеи вопрос об ее историческом возникновении совершенно безразличен, и ее плодотворность для нашего научного строительства может быть только увеличена решительным освобождением ее от всяких исторических случайностей.

Этот ход мысли, рассмотрение которого должно иметь постоянную ценность для социальных философов, имеет следующий вид.

В совокупной жизни людей существует естественный порядок. Человеческие сношения, экономическое производство, торговля и обмен всех родов развились бы уже сами по себе, согласно определенной, в основании лежащей, закономерности и в том случае, если бы их оставили абсолютно свободными и не ставили им препятствий; они протекали бы в естественной гармонии. Этот естественнозаконный порядок общественного бытия человека должен быть, следовательно, сообразно своему характеру представляем подобно тому, как аналогичный порядок в пчелином рое, в муравейнике или в удивительном государстве бобров. И подобно тому как у этих животных порядок и гармония господствуют, когда они всего только следуют постоянным законам природы, и для человеческой социальной жизни существует естественная закономерность; между обоими видами названных обществ существует только одно различие, именно то, что человек в состоянии научно познать законы своей общественной жизни, тогда как животные лишены этого.

Эта закономерность обнаруживается в естественной гармонии социальных функций; человеческое общество подчиняется ей так же, как и отдельный организм. Подобно тому, как сердце бьется, легкие дышат, существуют и социальные функции, проявляющиеся в отдельных актах общественных сношений, производства и обмена хозяйственных благ. Сюда относятся все производства какого бы то ни было рода, постоянный обмен вещественных благ и труда, вся махинация торговли и обмена, которая при тысячекратной путанице и глубоком взаимном соприкосновении, при своем мнимо запутанном виде и беспорядочности, на самом деле все же подчиняется постоянной и единой закономерности. Необходимо только, как полагает Прудон, исследовать эту закономерность и научно выяснить ее отдельные законы.

Если, таким образом, уже существует естественный порядок человеческого сожителства, поскольку только для живущих обществом людей возможно свободно производить, потреблять и обменивать экономические блага, то какая-либо особенная правовая организация совершенно излишня и даже вредна; так как она хочет быть чем-то иным, чем естественные законы социальной жизни, она должна необходимо оказать разрушительное действие на этот естественный порядок и нарушить вышеупомянутую гармонию, при которой все люди находятся по отношению друг к другу в состоянии равенства и свободы. Правовое регулирование общественной жизни неизбежно обуславливает поэтому привилегированное положение немногих, угнетение и эксплуатацию одного из равноправных другими. И раз эксплуатация человека человеком есть, как говорит Прудон, воровство, то господство человека над человеком есть рабство.

«Тогда же, когда сфера деятельности каждого гражданина определяется естественным разделением труда и свободным выбором всякой отрасли промышленности, когда социальные функции находятся друг с другом в такой связи, что образуют

гармоническое существование, тогда возникает порядок свободной деятельности всех; тогда нет правительства. Тот, кто кладет на меня руку, чтобы править мною, есть узурпатор и тиран; я объявляю его своим врагом». (Исповедь революционера.)

Такое воззрение, по мнению Прудона, подтверждается историей. Хотя государственная власть и выросла из естественных оснований семейного союза, но она всегда была на стороне богатых против бедных и чем дальше, тем сильнее оттеняла собой привилегированные различия и неравенства, а вместе с тем устанавливала отсутствие свободы среди людей.

Идея правительства, говорит он в своей «*Idée générale*», происходит из семьи; она возникла из семейных нравов и домашних привычек; нет никакого противоречия потому в том, что правительство кажется обществу настолько же естественным, насколько и отношение между отцом и его детьми. Опыт на самом деле показывает, что правительство всегда и повсюду, сколь демократично бы оно ни было по своему происхождению, стоит на стороне образованнейших и наиболее богатых классов против классов беднейших и многочисленнейших; что оно, после того как сначала показало себя очень либеральным, становится всегда все более и более реакционным; и наконец, что, вместо того чтобы справедливо поддерживать свободу и равенство между всеми, оно упорно старается уничтожить их благодаря своей склонности к привилегиям.

Поэтому все дело заключается теперь в том, чтобы, убедившись во всем этом, устранить правовой порядок на том основании, что он становится излишним, раз создается естественный гармонический порядок свободных сношений. Нужно взять за принцип то, что труд нельзя организовать, что он может это сделать только сам. Для этого нужно, чтобы каждый сделался господином самого себя, чтобы на место прежних политических властей стали экономические силы. Вместо законов должны быть свободные договоры, заключаемые чле-

нами отдельных — неправовых — свободно образовавшихся союзов друг с другом на том основании, что никто против своей воли не должен подчиняться авторитету какого-либо общества и что свободное творчество и беспрепятственный обмен продуктов должны господствовать безусловно.

Возможно ли это вообще? И в какой форме и каким путем нужно действовать ради достижения такой цели?

Ко времени своего полного присоединения к анархизму Прудон не только отвечал на первый вопрос утвердительно, но и второй постарался разрешить определенным образом. Средством должен был послужить его возбудивший столько толков обменный или народный банк. Я отмечу здесь интересные основные черты этого проекта.

Согласно этому последнему, отношения обмена и кредита должны были быть поставлены при помощи «мутуалистической» системы на совершенно новый базис тем, что деньги уничтожались и всякий процент изгонялся. Участвующие в народном банке производители должны были доставлять в банк свои продукты, как то: платье, средства потребления, мебель, предметы роскоши и т.д.; банк же должен был контролировать и устанавливать цены этих товаров при помощи оценщиков. Но при этом должно было исчисляться только затраченное на изготовление рабочее время и издержки производства; прибыль во всех формах должна была быть устранена. Клиент получал за свои товары обменный бон, на который он мог взять себе другие предметы из банка. Ввиду того, что банк, кроме того, своим покупателям выдавал безвозмездно ссуды, деньги и проценты должны были исчезнуть, сделки постепенно должны были совершаться только при помощи вышеуказанных обменных знаков; и таким путем предположенная Прудоном естественная гармония социальных отношений должна была осуществиться. «Мой проект банка, — говорит он в одном, вполне правильно много раз подчеркиваемом Дилем месте, — представлял собою только доказательство

того, что государственная власть потеряла право на существование. Я требовал такого учреждения, достижение которого имело бы своим следствием то, что вся правительственная машина постепенно была бы устранена. Государство было бы ничто со своей армией в 500 000 человек, со своим миллионом чиновников, со своим бюджетом в два миллиона». Открытый по этому плану в Париже в феврале 1849 года народный банк, в котором уже при его основании принимало участие 12 000 производителей, был задержан в своем развитии благодаря понесенному Прудоню за политические проступки наказанию — заключению в тюрьме — и скоро пришел к концу. Нас интересует здесь только теоретическая сущность стремлений этого социального политика.

Мнение о существовании естественной гармонии как закономерном основании социальной жизни неверно. Если до сих пор еще не постарались вообще дать ясный отчет об изложенном направлении анархизма или убедительно опровергнуть его, то это имело, вероятно, свое главное основание в том, что совсем не ясно представляли себе и понимали понятие социальной жизни, как понятие долженствующего быть здесь исследованным предмета научного рассмотрения. Вместо того чтобы придать этому понятию только такой характер, что социальная жизнь является содержанием упорядоченных взаимных отношений между людьми, перед некоторыми писателями носится при этом более или менее сознательно какое-то нечто естественного характера, при наличности в основании ложного мнения, будто социальная жизнь может только в некоторых случаях находиться под влиянием человеческого урегулирования, — тогда как на самом деле она имеет смысл и существует вообще только при предположении установленных человеком правил.

Я остановлюсь теперь на том ходе мыслей, которого придерживается Прудон.

До сих пор еще совершенно не достигнуто того, чтобы можно было в одном общем законе выразить естественные

побуждения в поведении одного человека по отношению к другим, а для бесконечного количества естественных побудительных причин получить благодаря общей точке зрения одно закономерное понимание, и можно легко усомниться в том, возможно ли когда-либо будет сделать это действительно удовлетворительно.

Но даже если бы для инстинктивной жизни живущих обществ людей были найдены или же установлены в общей гармонии твердые естественные законы их поведения по отношению друг к другу, следовательно, если бы было установлено, что в целом человеческое общество выглядит подобно муравейнику, — то и тогда бы проблема понятия социальной жизни человека не была бы исчерпана, по крайней мере так же несомненно и неоспоримо, что люди никогда не вели в доступной нашему обзору истории подобного общественного существования, но всегда, так сказать, технически обрабатывали грубое содержание естественного общественного существования путем человеческого упорядочения. От этого не свободен и Прудон с его свободными взаимными сношениями. Ведь во всяком заключении договора содержится уже само по себе некоторое изменение и определение естественной жизни отдельного человека. Если этой последней достаточно, как, например, у пчел и бобров, тогда нет надобности ни в каких обещаниях и обязательствах, которые необходимо присутствуют при каждом заключении договора. Но этим элементом в человеческих отношениях в действительности только и обеспечивается будущее; ибо обосновываются права и обязанности, находящие свой смысл и значение только при предположении законного правила в будущем поведении заинтересованных людей. В урегулированных взаимных отношениях людей зарождается новый мир, своеобразный род объектов своеобразного же научного исследования и рассмотрения, как со стороны того, что они есть и что означают собой, так и по отношению к тому, должны ли они, возникая в своем своеобраз-

разии единственно из человеческих поступков, и быть такими, каковы они есть. Из простых отношений и примитивных договорных соединений двух, быть может, совершенно чужих друг другу людей возникает запутанное урегулирование общей жизни: широкая невидимая сеть распространяется, упорядочивая, на человеческую машину и проводит многочисленные нити, связывающие одного человека с другим в единый общий порядок; таким образом, получается впервые понятие социальной жизни, представляющее сознательное противоречие простой естественной жизни инстинктов.

Следует еще раз отметить, что эти естественные побуждения до сих пор никогда еще не были изучены и изложены закономерно, и менее всего самим Прудоном, который установил естественную гармонию и порядок бездоказательно, совершенно догматическим образом. О таком порядке совокупной человеческой жизни, который не был бы построен на началах, устанавливаемых нормирующим регулированием, мы, следовательно, ничего не знаем. Но необходимо также указать и на то, что сколько бы ни представляли себе подобного «естественного» сожительства, видеть в возвращении к нему культурный прогресс никак нельзя, подобно тому как и в пренебрежении научно-техническими победами над природой вообще. С этой точки зрения дело может идти только о том, чтобы установить правильное и хорошее регулирование естественными инстинктами — а не о том, чтобы мановением руки устранить всякое регулирование¹.

¹ «Представим себе табун диких лошадей — и мы натолкнемся на полную свободу, равное участие всех в общих правах, одним словом — на полнейший коммунизм; но зато здесь невозможно развитие, так как для развития необходимо, чтобы для одной части жизнь протекала значительно лучше, для другой же — значительно хуже; первые развиваются в таком случае на счет вторых, ибо природа не знает никакой пощады, когда дело идет о воздействии развитию». Так думал русский социалист Александр Герцен (1812—1871). Но и здесь в идее социального развития подразумевается порядок, действующий при помощи законов, согласно которым только и определяется «лучшая или худшая жизнь». Таким законорегулирова-

Поскольку теорию анархизма можно свести на Прудона, она оказывается в своем установлении естественного гармонического порядка неурегулированной совокупной жизни человеческой совершенно лишенной всяких доказательств; — в своем же мнении, будто при совершенно свободных заключениях договора регулирование человеческих отношений не вводится уже само собою, — неясной и непоследовательной; поэтому в своем требовании уничтожения и устранения всех установленных людьми законов социальной жизни она безусловно необоснованна.

III

Штирнер. «Ферейн эгоистов»

Совсем иначе и исходя из совершенно другой точки зрения достиг теоретического обоснования анархизма Макс Штирнер.

Его книга «*Der Einzige und sein Eigentum*»¹ содержит в себе самую смелую попытку, которая когда-либо была предприня-

нием является то, что определяет условие и рычаг общественного прогресса вообще. Призыва к «природе», как выражения закона причинности, при этом недостаточно, ибо при исключительном употреблении закона причины и действия по отношению к отдельным явлениям идеи развития к чему-либо более совершенному совсем не получается, так как это последнее может быть осуществлено только при размышлении о целях; развитие в смысле прогресса немислимо отвлеченно от идеальной цели, к которой при этом «прогрессирует развитие». Относительно связи Герцена с близко стоящим к нему зачастую Прудонам ср. Sperber (Hans v. Rosen). *Die sozialpolitischen Ideen A. Herzens* (1894), особ. S. 80 ff.

¹ Появилась в 1835 году. Под псевдонимом скрывается, как было уже упомянуто, Каспар Шмидт. Относительно жизни автора известно вообще только то, что он родился 25 октября 1806 года в Бейруте; после окончания теологических и философских занятий в Берлине был учителем в гимназии и в пансионе для девиц, а в течение своей дальнейшей жизни занимался исключительно литературной работой. Он написал «Историю Реакции» и выпустил несколько переводов французских и английских сочинений по политической экономии. Он должен был жить в большой нужде и умер 26 июня 1856 года. О (бессознательном?) сочувствии ему у Ницше ср. Schellwien, *Stirner und Nietzsche* (1892) и Lauterbach в предисловии к изданию «*Einzigem*» в Reclams Universalbibliothek (1893).

та, стряхнуть с себя всякий авторитет. Исходя из последовательного развития мыслей Людвига Фейербаха она начинается и заключается словами: «Я построил мои вещи ни на чем». В то время как Фейербах сам описывает свое развитие словами: «Бог был моей первой идеей, разум — второй, человек же — третьей и последней», чтобы своим основным религиозным моментом сделать то, что «человек представляет для человека высшее существо», Штирнер хочет устранить и этот момент, как догматическое суеверие. Он отвергает, что при сохранении религии этого рода индивидуум может быть совершенно свободен от всех связей, унаследованных и привитых воспитанием предрассудков, что он в состоянии быть только своим собственником. Потому он отвергает не только веру в личного Бога и соблюдение его заветов, но и всякое религиозное представление вообще, как представление, лишённое права на существование; он оспаривает установление какого-либо нравственного закона и необходимость какого-либо обязательства по отношению к таковому; он отрицает, что можно обосновать когда-либо правовое и государственное принуждение.

То были резко отчеканенные мысли; они преследовали в живом изложении основной отрицательный принцип с такой сосредоточенной настойчивостью, что их сочли прямо-таки иронической карикатурой на Фейербаха; конечно, совершенно неправильно. Богатый исторический и политический материал направлен с такой силой и ясностью на одну цель основной мысли и изложен в частностях с такой искусной пронизательностью, что это поверхностное литературно-историческое суждение должно казаться совершенно несправедливым.

Встающая здесь проблема касается того: как может человек быть свободен и как может он вместе с тем жить с другими в урегулированном обществе?

Руссо поставил этот вопрос в совершенно своеобразном определении и попытался отвечать на него в пределах право-

вого порядка. «Человек родился свободным, и он повсюду, тем не менее, в цепях. Как совершилось такое превращение? Я не знаю. Благодаря чему оно могло стать правомерным? Этот вопрос, мне думается, я в состоянии разрешить».

Ответом является, как известно, следующее: государственные законы должны в каждом случае быть устанавливаемы так, чтобы находиться в согласии с *contrat sociale*, с тем первоначальным договором, который признается содержанием и смыслом всякого правового порядка. Я не могу здесь останавливаться на элементарном недоразумении, будто *contrat social* был установлен как исторический факт и потому свое доказательство или опровержение должен найти в историческом исследовании. Это безусловно не так. *Contrat social* означает собой философское выражение идеи права и хочет доставить один общеобязательный масштаб, по которому может и должен быть направлен всякий государством изданный закон. Правовой закон по своему содержанию имеет право на существование, раз он соответствует общественному договору: «Каждый из нас подчиняет свою личность и свои силы, как общее благо, высшему руководству общей воли, и мы, представляя совокупное тело, принимаем каждого сочлена, как неотделимую часть целого». Если постоянно иметь в виду этот *contrat social* — не как историческое основание возникновения государства, а как идеальную цель правового порядка — и осуществлять его в частностях — согласно основоположениям, не исследуемым здесь ближе, — то отсюда возникнет право, при котором юридически связанные люди будут жить все же свободно. Таким образом, *contrat social* Руссо стал лозунгом либерализма.

Анархическая доктрина Штирнера направлена против этого философско-правового основания и против вытекающих из него практических стремлений. Он делит в целях интересующего его здесь вопроса либерализм на политический и социальный, из которых последний соответствует названию социализма.

Политический либерализм не в состоянии сделать людей свободными.

Либеральный правовой порядок, говорит Штирнер, признает в качестве решающей правовой власти большинство. Но этим ведь только изменяется господин, сущность же принудительной организации и неизбежного благодаря этому насилия над отдельным человеком, напротив того, остается.

«Уже 8 июля 1789 года разъяснения епископа Отунского и Барре разрушили всякую иллюзию того, будто каждый отдельный человек должен представлять значение для законодательства; они показали полное бессилие избирателей (Kommittenten): большинство представителей стало господином. Когда 9 июля был прочтен план разделения государственных работ, Мирабо заметил: «Правительство имеет только силу и никакого права; лишь в народе можно найти источник права». 16 июля тот же Мирабо воскликнул: «Разве не народ источник всякой силы?» Следовательно, источник всякого права и всякой силы! Мимоходом здесь выступает наружу сущность «права»: оно есть — сила. Кто имеет силу, тот имеет и право.

«Монарх в лице «царственного господина» был жалким монархом по сравнению с этим новым монархом — верховной «нацией». Эта монархия была в тысячу раз жесточе, строже и последовательнее. Для новых монархов не существовало никакого права, никаких привилегий; каким ограниченным по сравнению с ними выглядит «абсолютный король» старого порядка!»

Таким образом, государство и святость права продолжают существовать; и я никогда не достигну полной свободы, которая заключается в моей силе и благодаря этому становится моей собственностью. Либерализм может сохранять только определенную свободу. Свобода веры для него означает не свободу от веры, а свободу от религиозной инквизиции, буржуазная свобода — не свободу от буржуазности, а свободу от бюрократии или королевского произвола. И так было с осво-

бодительным стремлением во все времена и при всех обстоятельствах. Князь Меттерних однажды сказал, что он нашел дорогу, которая в состоянии вывести все будущее на стезю истинной свободы. Граф Прованский убежал из Франции как раз в то время, когда она подавала надежды на основание «царства свободы», и говорил: мое заточение было для меня нестерпимо, я имел только одно стремление: стремление — к свободе.

При такой относительной и только субъективно определенной свободе сохранение принуждения и рабства неизбежно. «Стремление к определенной свободе заключает в себе постоянное намерение нового господства подобно тому, как революция, которая хоть и могла сообщить своим поборникам возвышающее чувство того, что они борются за свободу, но в действительности привела к обратному, так как поборники ее стремились только к определенной свободе, а потому и к новому господству, господству закона».

«Весь мир стремится к свободе, все страстно желают своего права. Очаровательное, прекрасное сновидение цветущего «царства свободы», «свободного человеческого рода»! — кто только им не грезил? Итак, все люди должны быть свободны, совершенно свободны, свободны от всякого принуждения! От всякого принуждения, действительно от всякого? Они не должны и сами принуждать себя? «Ах, да ведь это же совсем не принуждение!» Они должны быть свободны от религиозной веры, от строгих обязательств нравственности, от неумолимости закона, от — но «какое» ужасное заблуждение! В таком случае, от чего же они должны быть свободны и от чего нет?

Сладкий сон нарушен; пробуждаясь, мы протираем полуоткрытые глаза и с удивлением наталкиваемся на прозаический вопрос. «От чего же должны быть свободны люди?» От слепой веры, восклицает один. Постой, кричит другой, всякая вера есть слепая вера; они должны быть свободны от всякой веры. Нет, нет, ради Бога, прерывает его первый — не уничто-

жайте всякой веры, иначе вы откроете двери озверению. Мы должны, вступая в разговор третий, установить республику и быть свободными от всяких повелевающих господ. Но это ничему не поможет, говорит четвертый; мы получим тогда нового господина «господствующее большинство»; напротив того, нам нужно освободиться от ужасающего неравенства. О злосчастное равенство, я снова слышу рев черни! Как хорошо я грезил о рае свободы, и что же — свобода и необузданность поднимают теперь свой дикий крик! Так сетует первый и вскакивает, чтобы обнажить меч против безудержной свободы. И скоро мы будем слышать только звон мечей вступивших в бой несогласных свободомечтателей».

Но, быть может, мы дойдем до совершенной свободы при помощи социального либерализма?

Оставив существовать и даже обострив различие в частном владении и обосновав господство денег в противоположность господству происхождения и труда, политический либерализм сделал труд совершенно несвободным. Что же предлагает в противоположность ему социализм?

«Мы все свободнорожденные люди, и куда бы мы ни взглянули, мы видим себя слугами эгоистов! Что же, должны и мы поэтому стать эгоистами? Храни нас Бог; мы хотим, наоборот, сделать невозможным существование эгоистов! Мы хотим сделать их “нищими”, хотим все не иметь ничего, чтобы благодаря этому иметь “всем”. Перед высшим повелителем, всеединым владыкой, большинством, все становятся равными и ничтожными, перед высшим собственником, обществом, все должны стать нищими.

Угнетение, принуждение и эксплуатация, и именно способного, трудолюбивого, добросовестного — неспособным, ленивым и распутным, совсем не исчезают в социализме.

«То, что коммунист видит в тебе человека, брата, это только светлая сторона коммунизма. С обыкновенной же стороны он рассматривает тебя вовсе не как человека только, а как

человеческого работника или работающего человека. Либеральный принцип лежит в первом воззрении, во втором скрывается иллиберальность. Если ты будешь лентяем, он хоть и не откажет тебе в человечности, но постарается освободить тебя, как «ленивого человека», от лени и обратить тебя к вере в то, что работа представляет и «назначение и призвание» человека».

В то время как буржуазия сделала приобретение свободным, коммунизм принуждает к нему. Люди подчинены при этом высшей власти рабочего общества, которое «берет нас на службу и подчиняет», как новый господин, новый дух, новое «высшее существо»; которое дает нам то, в чем мы нуждаемся, но которое делает нас за это обязанными. «Что общество не представляет собою такого «я», которое могло бы давать, дарить или исполнять, а только инструмент или средство, из которого мы можем извлечь пользу, что мы не обязаны чем-либо жертвовать обществу, но, если жертвуем собою, то жертвуем для себя — об этом социалисты не думают».

Во всех освободительных стремлениях мы находим различные оттенки умеренности и радикализма; но у всех их все вращается около вопроса: как должен стать человек свободным? Как сделать, чтобы при освобождении человека воспрепятствовать проявлениям того нечеловеческого, что живет в каждом?

«Вся система либерализма имеет в себе самой смертельного врага, неизбежное противоречие себе, подобно тому как Бог — дьявола: рядом с человеком стоит «нечеловек», индивидуум, эгоист. Государство, общество, человечество не в силах победить этого дьявола».

Стремясь различать в человеке «нечеловеческое», по мнению Штирнера, попадают в область, полную неясностей, которая требует более подробного рассмотрения.

«Сказать прямо, что такое «нечеловек», нетрудно: это человек, который не отвечает понятию человека, подобно тому

как нечеловеческое есть такое человеческое, которое не соответствует понятию человеческого. Логика называет это «суждением от противоречия». Но можно ли высказать суждение, что может быть человек, не являющийся в то же время человеком, не допустив предварительно гипотезы, что понятие человека отделимо от существования, сущность же — от явления? Скажут: он хоть и кажется человеком, на самом же деле не есть человек».

Таким образом, существует идеал человека, каким он должен быть, идеал, резко отличающийся от того, каков каждый на самом деле; в этом смысле в истории существовали только «нелюди» — а по возникновении христианства только один человек, да и тот, Христос, не был человеком, — но только в обратном смысле, — так как он представляется сверхчеловеком — «Богом».

Поэтому я отрицаю, — продолжает Штирнер и вводит при этом недозволенное догматическое допущение, — это идеальное понятие; я исключаю его и понимаю под «человеком» мою собственную личность, как она дана эмпирически. Ибо те люди, которые существуют, не были бы людьми, если бы не соответствовали задаче родовому понятию человека; они были бы призраками»; вот единственная дедукция, взятая здесь Штирнером себе в поддержку.

«Но разве я останусь и тогда еще «нечеловеком», когда я низведу человека, который является моим идеалом, моей задачей, моим существом и понятием о себе и остается по ту сторону меня самого, до своих собственных и неотделимых от меня свойств, так что человек будет представлять не что иное, как мою человечность, мое человекобытие, и все, что я делаю, оказывается человеческим непосредственно потому, что это делаю я, а не потому, что это соответствует понятию человека? Я действительно человек и «нечеловек» одновременно, ибо я есмь человек и вместе более, чем человек, т.е. я есмь «я» этих моих собственных свойств».

В этом Штирнер находит основание для построения социального анархизма.

«Человек есть конечный злой дух, привидение самое обманчивое или самое искреннее, самый хитрый лгун с честной физиономией, отец лжи. Обращаясь против требований и понятий современности, эгоист производит безжалостное и безудержное осквернение. Ничто для него не свято! Было бы нелепо предполагать, что нет никакой власти над моей. Но только положение, в какое ставлю я себя самого по отношению к ней, совсем иное, чем оно было в религиозную эпоху: я буду врагом всякой высшей власти, в то время как религия учит тому, что ее нужно сделать нашим другом и смириться перед ней».

«Потому-то мы, государство и я, враги. Мне, эгоисту, благо этого «человеческого общества» не лежит близко к сердцу. Я не жертвую для него ничем, я только использую его; для того же, чтобы использовать его возможно полнее, я превращаю его в свою собственность. То есть я отрицаю его и образую вместо него ферейн эгоистов».

«Я не хочу в тебе признавать или уважать что-либо: ни собственника, ни нищего, ни человека; я только хочу использовать тебя. Соль, по моему мнению, делает пищу вкуснее, поэтому я позволяю себе употреблять ее; в рыбе я вижу средство пропитания, поэтому я ем ее; в тебе я открываю дар увеселять мою жизнь, поэтому я выбираю тебя своим товарищем. Или же: на соли я изучаю кристаллизацию, на рыбе — свойства животных, на тебе — человеческие и т.д. Ты для меня представляешь только то, что ты есть для меня, а именно — мой предмет, а раз мой предмет, значит, и мою собственность».

«Что же должно последовать из этого? Не должна ли общественная жизнь прийти к концу и всякая общительность, всякое братство, все, что создается принципом любви и общности, исчезнуть? Но разве каждый человек не будет искать другого, так как он нуждается в нем, разве он не должен будет вступить с ним в союз, раз будет иметь в нем надобность?»

Разница только та, что отдельный человек тогда действительно вступит в союз с другим отдельным человеком, между тем как раньше он был связан с ним: сын и отец до совершеннолетия первого связаны друг с другом, после же него они могут сойтись самостоятельно; до совершеннолетия сына они связаны, как члены семьи (они были «крепостными» семьи), после него они соединяются, как эгоисты; сыновность и отцовство остаются, но сын и отец уже не связаны этим более друг с другом».

IV

Правовое определение и конвенциональное правило

Для полного понимания учения Штирнера нужны некоторые более подробные замечания.

Его философия представляет собой последовательный эмпиризм. Он стремится придавать значение фактам и только фактам. Идея, как понятие, которому нельзя в опыте дать никакого адекватного (вполне к ней подходящего или конгруирующего) предмета, и которая все же сообщает опыту свое направление, представляет для Штирнера ничто. Поэтому он не знает идеи человечества, а только данных конкретных людей, за пределами эмпирического существования которых для него ничего не существует. Так он достигает неизбежно постулата свободного от обязанностей бытия и единственной возможности своего «Ферейна эгоистов». При этом во всех своих выражениях относительно неизбежности эгоизма он высказывает только то, к чему должен прийти последовательный грубый эмпиризм, и, быть может, пришел даже, не имея только храбрости сделать это и себе и другим столь же ясным, как это сделал Штирнер.

Здесь нам нужно особенное внимание обратить на пользу применения этой доктрины к социальной жизни. Для того

чтобы разъяснить ее, мне нужно вообще поподробнее остановиться на некоторых предварительных познаниях из области юриспруденции и социальной науки.

Всякий знает из своего собственного опыта, что регулирование совместной человеческой жизни совершается при помощи законных норм двоякого рода. При этом нужно совершенно оставить в стороне обязанности, непосредственно вырастающие у каждого отдельного человека из велений нравственности, и иметь дело только с теми правилами, которые установлены людьми с требованием, чтобы мы подчинились им. Такими правилами являются правовые определения и множество тех норм, которые встречаются нам в виде правил приличия и нравственности, требований этикета и форм общественных отношений в узком смысле, в виде моды и многочисленных внешних обыкновений, как, например, в кодексе рыцарской чести. Я называю все эти последние нормы конвенциональными правилами и ставлю прежде всего вопрос о признаке, различающем оба наши класса.

Несведущий человек, быть может, попытался бы признать за различие между ними то, что правовые положения исходят от государства, тогда как конвенциональные правила рождаются из привычек в «общественных» отношениях. Но это было бы совсем неверно.

Нет обязательной необходимости, чтобы юридические нормы устанавливались организованной силой, которую мы обозначаем как государственную. В течение истории право часто находило свои основания в таких человеческих обществах, которые вовсе не были государствами в нашем смысле слова. Передвигающиеся орды, племена и бродячие народности живут тоже при наличии правового порядка, хотя у них и нет государства; да и дети Израиля во время их сорокалетнего странствования по пустыне, согласно преданию, хоть и представляли крепко объединенное и строго управляемое правовое общество, но не составляли государства; ибо во всех

этих случаях недостает тесной связи с определенной территорией, что мы считаем существенным признаком понятия государства. К этому присоединяется то, что в течение долгого периода социальной истории реформа и преобразование права были предоставлены церкви, автономным коммунам и другим общественным группам, даже союзам семейств, к которым опять-таки нельзя применить понятия государства; и, наконец, в современном международном праве правовые нормы могут быть введены в жизнь благодаря таким правовым источникам, которые стоят выше отдельных государств.

Но все это может показаться скорее случайным, так как каждый свободен слово и понятие «государства» применять к какому угодно правовому обществу и никто не принужден необходимо ставить их в связь с современным представлением о сущности государства. Тем не менее сказанного, пожалуй, достаточно для того, чтобы признать, что нельзя дать понятия государства, не предполагая при этом уже понятия права. Это последнее обладает логическим приоритетом. Правовой порядок можно определить, не касаясь ни самонаименованием образом государственной организации¹; но совершенно невозможно говорить о государственной власти так, как будто при этом не нужно было бы в мыслях иметь правовое соединение людей. И подобно тому, как понятие организации совместной человеческой жизни вообще может быть дано только указанием на установленные людьми регулирующие нормы, так по отношению к государству в таком случае необходимо указание на правовые положения, которыми конституируется прежде всего понятие государственного соединения.

¹ Подробное рассмотрение этого вопроса, и особенно трудной проблемы отграничения правового принуждения от грубого произвола, я должен оставить здесь в стороне. Для изложения вышеприведенного хода мыслей конечное разрешение подобных задач не имеет непосредственного значения. Здесь вполне достаточно установить то обстоятельство, что немислимо дать какое-либо определение понятия государственной организации, не предполагая при этом какой-либо правовой связи вообще. Детальное рассмотрение подтвердит это для каждого тотчас же.

Поэтому было бы неправильно отличать правовое определение от конвенционального правила тем, что первое исходит от государства. Это тем менее общеобязательный критерий понятия права, что это последнее является неизбежным условием для того, чтобы вообще можно было сказать, что нужно понимать под государством; кто думает, что правовая норма есть государством установленное правило, тот бессознательно принимает уже в самом определении понятия то, что нужно еще только определить.

Каков должен быть правильный ответ на поставленный вопрос, об этом в социально-научной литературе не существует достаточно строгого и ясного взгляда. Даже такой глубокомысленный юрист, как Адольф Меркель говорит по этому поводу только¹, что в противоположность нормам права в нормах морали и обычаев «в общем перевес имеет элемент ограничительный, и что для них явственное выражение такой двойственности — постоянное противоположение должностования и возможности, обязанностей и правополномочий, — характерно не в таком смысле, как для правовых предписаний»; мнение, которое даже при самом ограниченном употреблении всех возможных оговорок может дать только одно чисто внешнее описание.

Но такое внешнее описание было бы совсем неправильно по отношению к понятию конвенциональных правил. Кто вспомнит вышеприведенные мною примеры, тот скоро сообщит, что право и обязанность противостоят при таких нормах, как правила поведения, друг другу не менее явственно, чем то имеет место и при правовом определении. Так, например, в правилах приличий наших различных сословий и общественных классов совсем не прикрыто с внешней стороны и может быть тотчас же легко обнаружено, что совершенно так же, как в правовых определениях, субъективные права и обязанности находятся во взаимном противоречии друг с другом; и, конеч-

¹ А. Merkel. Juristische Encyclopädie (1885), § 78.

но, обязанность существует не только на одной стороне, но и у другой партии ей тоже соответствует безусловно какое-либо требование или правополномочие. Или вспомним о старом своде конвенциональных законов «приличного» и о резких положениях об удовлетворении и дуэли, и каждый заметит тотчас же, что обязанность и право между двумя лицами, подчиняющимися этим конвенциональным правилам, находятся в полнейшем и «чрезвычайно явственным» противоречии друг с другом относительно их поведения.

Однако существенное возражение, которое нужно сделать против меркелевского изложения этого вопроса, идет еще дальше. А именно, Меркель описывает в противоположность определенным историческим правовым определениям лишь немногие отдельные конвенциональные правила и противопоставляет, по существу, правомерному содержанию нашего современного права содержание особенно важных конвенциональных правил нашего времени. А это и есть то, что я называю внешним описательным приемом, внешним определением отдельных исторически данных правил. Но мы хотим знать: как отграничивается понятие правового определения от понятия конвенционального правила, оставляя в стороне то или другое содержание, воспринятое тем или другим из них; ведь это содержание безусловно непостоянно и произвольно изменчиво. Существуют правила, которые мы считаем в настоящее время исключительно конвенциональными нормами, в то время как в другое время эти самые правила рассматривались как правовые определения; например, предписания об одежде, законы о форме празднования свадьбы, крещения детей и т.п., и, наоборот, в современных отношениях, например, в современном международном праве мы имеем некоторые правовые положения, которые прежде имели значение исключительно конвенциональных правил.

Употребление понятий правового определения и конвенционального правила по содержанию в различное время и у различных народов, таким образом, переплетается; определе-

ние этих понятий в их противоположении должно, следовательно, быть производимо на основании независимого от их случайного исторического содержания критерия, согласно роду их формального значения. Для точного вопроса об этом признаке, различающем правовое определение и конвенциональное правило ввиду того, что они одинаково суть нормы, которые регулируют жизнь отдельного человека извне, из цитированных слов «в общем имеет перевес» и «более или менее характерно», нечего позаимствовать.

Я вижу различающий право и конвенциональное правило признак во временно отличном притязании на значение.

Право стремится иметь объективное значение над отдельным человеком. Оно претендует на веление, совершенно независимо от согласия людей, с ним связанных, в котором, следовательно, нельзя видеть основания для связующей силы правового порядка. Правовое определение указывает, кто подчинен ему, при каких условиях вступает в него и при каких условиях должен быть из него исключен. Тот, кто стремится увильнуть от правовых законов и, быть может, внешним образом действительно их избегает, тот нарушает право, но несколько не свободен от него: он, как и прежде, подчиняется ему; значение права прекращается только сообразно его собственному определению.

Конвенциональное правило по самой своей сущности имеет значение исключительно благодаря согласию со стороны ему подчиняющихся людей; быть может, благодаря молчаливому согласию, как это по большей части бывает в наших социальных отношениях, но всегда благодаря особому на то согласию. Как скоро последнее не существует более и до сих пор подчинявшийся господству этого правила индивидуум хочет освободиться от него, он может это сделать беспрепятственно: основанием связующего значения конвенционального правила является внешнее, проистекающее из согласия самоподчинение отдельных людей.

Это различие может быть легко пояснено, начиная от простых примеров повседневной жизни и кончая труднейшими вопросами: кто не кланяется, не получает ответного поклона; кто не дает удовлетворения, стоит вне рыцарского кодекса чести; и когда Зом устраняет правовое принуждение в церковной организации, как нечто несправедливое, и согласен признавать подобную организацию соответствующей сущности церкви только в форме конвенциональных правил — то это вполне согласуется с нашими конвенциональными правилами¹.

При этом, конечно, для всех этих вопросов безразлично, легко ли человеку в действительности выйти из конвенционального общества, или же это представляет для него величайшие трудности. По отношению к такому фактическому могуществу наши конвенциональные правила могли бы претендовать иногда на более значительные преимущества сравнительно с юридическим велением. Кто уже не испытал на себе давления конвенционального принуждения, и как часто случается, при конфликтах такого принуждения с противостоящим ему велением правового порядка, например, при вопросе о принятии и разглашении дуэли, что требование правового закона не принимается во внимание, а противоречащая ему конвенциональная норма получает сильное подкрепление в своем приложении к жизни.

Но то, что мы хотим здесь установить, не есть историческое наблюдение, описание или сравнение обеих категорий правил по их действительной силе, а выяснение их понятий в логическом отношении. Их противоречие друг другу основывается на смысле их притязаний. Благодаря этому устанавливается общий признак для разделения этих двух возможных групп правил, признак, который независим от вопроса о том,

¹ Sohm, Handbuch des Kirchenrechts. Bd. I: Die geschichtlichen Grundlagen (1892). Руководящими положениями Зом являются следующие: «Сущность церкви находится в противоречии с сущностью права. Духовная сущность церкви исключает всякий правовой порядок. При установлении церковного права приходят к противоречию с сущностью церкви».

какое употребление делалось до сих пор в течение истории из обоих понятий и какое еще можно сейчас наблюдать, а равным образом и от вопроса о том, какое фактическое влияние можно ожидать на опыте от одного из этих правил на отдельных людей при тех или других обстоятельствах.

Наконец, для нашего объяснения не имеет значения и то, очень ли облегчает правовой порядок для подчиняющихся ему людей выход из правового союза, или даже оставляет ли он его совершенно свободным. В новое время в противоположность прежним узким законам этого рода мы знаем весьма незначительные ограничения; так, согласно нынешнему государственному праву, каждому немецкому подданному уход из подданства запрещается только на законом определенных основаниях, касающихся военной службы; но уходящий обязан, согласно закону, оставить пределы государства в течение шести месяцев¹. Но как бы ни хотело отдельное законодательство в этом вопросе обнаруживать всегда либеральные тенденции, правомерный выход одного из подчиняющихся ему людей основывается, в сущности, на разрешении сюда относящегося правового порядка, и каждый момент может произойти изменение этих правовых определений, чем и будет снова подтвержден особенный, много раз указанный характер притязаний права.

Поэтому было полным непониманием, когда один рецензент книги Зома² защищал, ему в противоположность, что постулат Зома справедлив единственно только против строгих и нетерпимых церковноправовых определений, но не годен по отношению к либеральным церковным законам, ибо даже и самое широкое допущение выхода из юридически организованного общества все же ограничивается тем, что другие люди думают о том, что значит и при каких условиях можно

¹ Reichs-Gesetz über die Erwerbung und den Verlust der Reichs- und Staatsangehörigkeit, v. 1. juni 1870, §§ 15—19, Vgl. auch Zusatzkonvention zum Frankfurter Frieden, die Option von Elsass-Lothringern betr. v. 11. Dezember 1871. Art. 1.

² См. прибавления к «Allg. Ztg», от 19 декабря 1892.

принадлежать к церковному обществу; Зом с правом может возразить, что понятию церкви, как общества людей, связанных общей верой, не соответствовала бы совсем претензия на внешнее правовое определение общества, что это скорее — поскольку необходимы внешние формы — может быть выполнено лишь путем конвенциональных формы правил и что между этими конвенциональными обществами и церковными союзами, сколько они ни были бы либеральны, должна всегда существовать неизбежным образом непроходимая пропасть.

Сообразно всему этому мы можем теперь явственнее проанализировать анархизм в духе учения Штирнера.

Это направление, таким образом, требовало бы социальной организации только на основании конвенциональных правил. Эта теория тоже не имеет никаких стремлений к беспорядку и анархии в обыкновенном смысле слова: но она исходит из того, что стремление к вступлению в соглашение между людьми будет существовать всегда, и не заботится о том, может ли вообще существовать какая-либо организация при отсутствии правового принуждения. Урегулированные союзы людей будут существовать всегда, и люди всегда будут жить в упорядоченных группах. Но эти организации не будут тогда претендовать на какое-либо значение над отдельным человеком, как это имеет место в настоящее время при наших конвенциональных правилах: основанием связующей силы должно быть действительно свободное соглашение подчиняющихся; никакое социальное правило не может согласно своим полномочиям переступить гипотетическое: «Если ты хочешь получить от нас пользу, то вступи с нами в союз на определенных правилах». Правовое и государственное веление согласно своему понятию есть простое принуждение, не содержит само по себе ничего другого, кроме грубого принуждения, и не может быть рассматриваемо или справедливо дедуцируемо иначе, как грубая власть и насилие.

V

Новая анархическая доктрина; коммунистический и индивидуалистический анархизм

Ни Прудон, ни Штирнер не имели в анархизме непосредственных последователей и единомыслящей школы. И когда в шестидесятых годах получило жизнь современное анархическое движение, то оно тоже в весьма немногом примкнуло к этим теоретикам; только в последнее время снова замечается склонность видеть в них основоположателей. Однако в новом периоде своего развития теория анархизма не обнаружила более углубленной разработки. Стремление к немедленному использованию ее для практически-политического момента и заботы о подходящих эффектах и ясных для агитации аргументах и здесь также омрачили чистоту научных оснований. Там же, где была потребность в достаточном теоретическом базисе, там в запутанной и сбивающей с толку форме были слиты вместе, по существу, несоединимые дедукции выше исследованных писателей.

В дальнейшем я хочу ограничиться изложением только того, что можно признать теоретической сущностью новейшего анархизма, не принимая во внимание истории многочисленных, открытых и тайных, анархических союзов и не останавливаясь на судьбе руководителей и их помощников, а также оставляя без внимания агитационную литературу и борьбу с другими партиями или правительствами¹.

В современном учении об анархизме выступают два друг другу противоположных направления.

Во-первых: Коммунистический анархизм.

¹ Относительно внешней истории анархистского движения см. Rudolf Meyer, *Der Emansipationskampf des vierten Standes* (1875), особ. в Bd. II, которая описывает немецкие страны; Thun, *Geschichte der revolutionären Bewegungen in Russland* (1883); Garin, *Die Anarchisten* (Автор. Übers. 1887); Adler в *Handwörterbuch der Staatswissenschaften* Bd. I (1890), Art. Anarchismus. Разработке и оценке теоретиков анархизма содействуют также: Reichel, *Der Anarchismus in Schweiz*. Soziald. II. Nr. 45 ff. (1889); Bernstein, *Die soziale Doktrin des Anarchismus*, в *Neue Zeit*, Bd. X, Nr. 12, 14, 45—47 (1892).

Он основывается более на неясном эмоциональном стремлении, чем на тщательно продуманной теории социальной жизни; он исходит из собранных кое-как наблюдений и ощущений. Его фундамент образует братство; его целью является безграничная свобода каждого и притом полное равенство всех в пользовании.

Эти анархисты хотят такой общественной формы, при которой каждый член общества мог бы обнаружить во всем своем значении свое собственное «я», т.е. свои индивидуальные таланты и способности, желания и потребности. Они устраняют, следовательно, всякое правительство и допускают только организацию свободных сообществ в интересах общего производства. С другой стороны, они не исключают для себя и того взгляда, что отдельный человек представляет собой не свободное от общества существо, а его продукт, и что от него он имеет все то, что он представляет собой и что в состоянии сделать; таким образом, он может только возратить обществу то, что раньше получил от него, хоть и в иной форме. Поэтому частной собственности не должно существовать. Все, что производится и будет производиться, представляет общественную собственность, на которую один имеет столько же права, сколько и другой, так как участие, которое принимает отдельный человек в производстве благ, не может быть определено никакими способами. На этом основании они провозглашают свободу пользования, т.е. право каждого свободно и беспрепятственно удовлетворять свои потребности.

Таким образом, было дано некоторое своеобразное соединение коммунизма с анархизмом, которое во многом напоминает стремления Бабефа (1795) и выражается в формуле: «Каждый — по своим способностям, каждому — по его потребностям!»¹

Если бы кто-либо захотел спросить, каким образом возможно такое идеальное состояние вообще, то на это ему ответили

¹ Что отклоняется несколько от известного положения сен-симонизма: «A chacun selon sa capacité, à chaque capacité selon ses oeuvres».

бы, что он не знает рабочих. Эти последние — так гласит обыкновенно разъяснение — совсем не такие скверные эгоисты, как буржуа; когда они покончат с этими буржуа путем насильственной экспроприации, когда произойдет последняя революция, они уже будут в состоянии устроиться как следует.

Это направление можно рассматривать в настоящее время как господствующее среди большинства анархистов. Особенно близкое участие в разработке этого направления принимали русские писатели, и прежде всего умерший в 1873 году Бакунин, а затем Кропоткин; к нему же принадлежит множество французских и вообще романских анархистов; а также и много немецких социалистов, оставивших учение социализма. С этим направлением в последнее время связывается «пропаганда действием»; ввиду того, что в правовом велении и государственных законах оно видит только насильственные акты, оно считает себя вправе отвечать на них тоже насилем; или еще грубее — оно хочет возбудить внимание напуганного мира ужасающими делами, для того чтобы натолкнуть на мысль о несостоятельности существующей принудительной организации в противоположность идеальным свободным товариществам братского коммунизма.

Во вторых: Индивидуалистический анархизм.

Его учение может претендовать на больший теоретический интерес, чем учение только что рассмотренных социальных стремлений, которым он хоть и симпатизирует за их тенденцию, но которые по отношению к их доктрине, а также и по отношению к их практическим приемам он оспаривает, как ошибочный. Он насчитывает за собой в анархистских группах меньшинство. Его главными представителями в современной литературе являются Тукер¹ и Макай².

¹ Издатель выходящего в Нью-Йорке журнала: «Liberty, not the daughter, but the mother of order».

² Между прочим, также и Ибсен. См. его письма к Брандесу: «Государство есть проклятие индивидуума. Чем куплена сила прусского государства? Поглощением отдельного человека в политическом и географическом понятии. Кельнер — лучший солдат. Государство должно быть уничтоже-

В чрезвычайно интересной книге¹ этот последний писатель вводит читателя в сутолоку социальной жизни Лондона, именно, поздней осенью 1887 года, когда в Чикаго происходили анархистские процессы и приковывали к себе с одинаковым напряжением как взоры революционеров, так и взоры буржуазного мира. В авторе живет необыкновенный дар пластического описания и проникновенного изображения, и в его книге можно прямо-таки изучить Лондон издали.

Мы следуем вместе с ним в ужасающей нищете восточных окраин через глубоко возмущающие душу сцены жизни низших классов, в волнах удачно обрисованного народного собрания в Трафальгар-сквере, через сутолоку и стук машин мирового города, мимо того, что, по его мнению, является первопричиной всех социальных несчастий — мимо «Английского банка», и в тихие кварталы, населенные владельцами, и в шикарные рестораны на аристократическом «взморье».

В этом Лондоне встречаются в особенности политические беглецы всех наций, представители всех крайних социальных партий, преимущественно анархических; в описании их, которое опирается на действительное наблюдение исторических личностей, в участии в их собраниях и дискуссиях, в посещении революционного клуба и присутствии при социальных диалогах состоит главный интерес книги.

И относительно нашего вопроса, вопроса о коммунистическом и индивидуалистическом анархизме, слышим мы в один праздничный день разъяснения, даваемые в небольшом кружке у Обана, героя автора, причем коммунист Отто Трупп только что произвел глубокое впечатление своим изложением в духе вышеописанных мной тенденций.

но! В такой революции я буду участвовать. Нужно похоронить понятие государства, нужно сделать добрую волю и духовную родственность единственно решающими в союзе, что является началом к свободе, которая чего-нибудь да стоит».

¹ Die Anarchisten. Kulturgemälde aus dem Ende des 19. Jahrhunderts (1891); Volksausgabe (1894).

Я не могу удержаться и не привести целиком интересное для нас и чрезвычайно знаменательное место.

«— Еще один и последний вопрос тебе, Отто, — воскликнул Обан громким и сильным голосом, — только этот один: будет ли в том общественном состоянии, которое вы называете «свободным коммунизмом», помеха отдельным лицам обменивать свою работу при помощи созданных ими средств обмена? И далее: будете ли вы препятствовать брать в свое личное владение землю в целях личного же пользования ею?»

Трупп смутился.

Присутствующие ожидали, как и Обан, с напряжением его ответа.

Вопрос Обана был смертелен. Если он ответит: «да!», тогда он скажет этим, что обществу присуще право насилия над отдельными лицами и уничтожит этим всегда пылко защищаемую им автономию индивидуума; если же он ответит: «нет!», ему придется принять только что горячо отвергнутое им право частной собственности.

Поэтому он сказал:

— Ты смотришь на все глазами современного человека. В будущем обществе, когда все будет предоставлено на свободу всеобщему пользованию, когда торговля в нынешнем смысле слова не будет существовать, каждый сочлен, по моему внутреннему убеждению, по доброй воле откажется от единоличной и исключительной оккупации земли.

Обан снова поднялся. Он стал несколько бледнее, когда начал говорить:

— Мы никогда еще не были по отношению друг к другу неискренни, Отто. Неужели мы и сегодня не будем правдивы? Ты знаешь, как и я, что этот ответ есть увертка. Я же прошу теперь тебя: отвечай мне на поставленный вопрос, и отвечай мне на него или да, или нет, если только ты хочешь, чтобы я когда-либо снова стал обсуждать с тобою какие-нибудь вопросы.

Трупп, видимо, боролся с собой. Затем он отвечал — и только взгляд, брошенный им на своего товарища, который

на него только что напал и перед которым он никогда не ставил в тень принципа личной свободы, только этот взгляд позволил ему сказать:

— В анархическом строе всякое число сочленов должно быть в состоянии организовать так, как им нравится, для того, чтобы таким образом провести свои идеи в жизнь. И я тоже не понимаю, кто мог бы выселить другого человека по справедливости из того дома, который он построил, и лишить той земли, на которой он живет.

— Постой! — вскричал Обан. — Тем, что ты сказал сейчас, ты становишься в резкое противоречие к защищаемым тобой до сих пор основоположениям коммунизма.

Ты принимаешь частную собственность на сырые продукты и на землю. Ты защищаешь право на полный доход с труда. Это — анархия.

Слова: все принадлежит всем, падают, сбитые с пьедестала твоей собственной рукой.

Еще один пример, чтобы покончить со всеми недоразумениями: я владею куском земли. Я расходую свой доход. Коммунист говорит: это хищение из общего богатства.

Но анархист Трупп — теперь в первый раз я называю его так! — говорит: нет. Всякая земная сила, лишаящая меня моей собственности, хоть на один пфенниг уменьшающая доход с моего труда, обладает единственным правом — правом насилия.

Я кончаю. Моя цель выполнена.

Я доказал то, что хотел доказать: что между двумя великими противоположностями, в которых вращается человеческий мир, между индивидуализмом и альтруизмом, анархизмом и социализмом, свободой и авторитетом не может быть никакого примирения!»

Но и по отношению к практической деятельности между обеими группами анархистов существует противоположение, так как индивидуалистическое направление отрицает пропа-

ганду действием. Оно ожидает всех успехов от просвещения и длительного прогресса разума, благодаря которым каждый признает и убедится, что всякое государственное и правовое насилие какого бы то ни было содержания само по себе уже несправедливо и нехорошо, и что, напротив того, существует возможность вполне свободного гармонического общественного существования. Настоящий капиталистический общественный строй, так думают они, конечно, совершенно несправедлив и негоден; на место его должен встать социализм. Но ведь он будет только «конечной универсальной глупостью человечества» — этапом страданий, который должен быть пройден на пути к свободе; он приведет с собой такое принуждение, угнетение и эксплуатацию меньшинства большинством, что стремление и побуждение к свободе, в свою очередь, должны будут уничтожить и социалистический правовой порядок. Но в таком случае не будут, конечно, обращаться к устаревшим и оставленным уже государственным организациям; человечество перейдет к свободной ассоциации в духе анархизма, следовательно, просто к ассоциации на основании конвенциональных правил.

Если индивидуалистический анархизм исправляет, таким образом, неясности и противоречия коммунистического, то, с другой стороны, он все же не означает собой какого-либо теоретического прогресса по сравнению с доктриной Штирнера. Макай думает, очевидно, пойти вперед, благодаря тому, что вместе с прудоновскими мыслями он вводит в свое учение момент экономических соображений; он думает, что в свободных обществах в духе Штирнера может быть достигнуто гармоническое и естественное хозяйство Прудона¹.

¹ «Он (Обан) увидел теперь, что такое понимал Прудон под собственностью (в положении: «la propriété c'est le vol»); не доход с труда, который он защищал всегда против коммунизма, а законом охраняемые привилегии этого дохода, угнетающие труд и тормозящие его свободную циркуляцию в форме ростовщичества, и особенно в формах процента и ренты: он понял, что равенство у Прудона значит не что иное, как равенство прав, братство же — не отречение, а разумное признание собственных интересов в свете

Но эта естественная гармония, утверждаемая на основании свободных конвенциональных правил, уже носит в себе зародыши противоречия и несостоятельности. Если бы среди людей уже господствовал в действительности естественный порядок сам по себе, то «свободная ассоциация в определенных целях» не была бы необходима, как целое. Но на деле и Макай не доказал, что законы экономической жизни возможны без лежащего в основании их регулирования человеческого сожительства и что «интересы людей не будут враждебно противостоять друг другу, а объединятся гармонически, если только у них не будет отнята или урезана свобода их развития». Он ставит, скорее, эти заимствованные из Прудона места в конце своей книги программатически, как задачу, которую пролагает там вышеупомянутый Обан в будущее.

С другой стороны, и штирнеровский «Ферейн эгоистов» совсем не нуждается в предлагаемом Макаем усилении его дедукции. Раз только признана за Штирнером его посылка — что кроме уважения отдельного эмпирического человека не существует никакой заботы об обязательном долженствовании, — остается только одна формальная возможность конвенционального объединения с другими эгоистами. Какое содержание дадут объединяющиеся своим конвенциональным правилам — это совершенно открытый вопрос; поэтому Штирнер вполне последовательно говорит об этом: «Что станет делать раб, когда он разорвет оковы, этого нужно — подождать!»

VI

Научное значение теории анархизма

Из этого изложения видно достаточно ясно, что индивидуалистический анархизм нового направления в оттенении мутуализма; что он защищает свободную ассоциацию ради определенных целей в противоположность принудительному союзу государства, — «свободу, ограничивающуюся поддержанием равенства в пользовании орудиями производства и при обмене продуктов», как «единственно возможную, справедливую и истинную общественную форму».

экономической свободы только продолжает ход мыслей всем известного чистого манчестерства, а в своем открытом требовании свободы от принуждения и беспрепятственного развития всех сил выводит лишь те последствия, которые тот отклоняет, начиная с определенного пункта; с другой стороны, ясно и то, что туманные коммунистические анархисты заимствовали содержание своей цели, без сомнения, у коммунистического социализма.

Но оба направления — как стремление к социалистической форме производства в демократическом государстве, так и сохранение исторической частной собственности — взаимно все же не правы друг по отношению к другу, стараясь приписать анархизм не себе, а своему противнику.

При систематическом мышлении дело обстоит, скорее, так, что анархист противостоит одинаково враждебно как социалисту, так и буржуа, и оспаривает общее им обоим средство человеческой организации, правовое принуждение как таковое. Поэтому сначала нужно покончить с анархизмом и только после этого можно установить логически взаимоотношения между социализмом и индивидуализмом. Достаточным систематизированием будет, следовательно, сказать: 1) анархизм — организация человеческого общества только на основе конвенциональных правил; 2) правовая организация: а) на основании прежней частной собственности, б) на основании социалистической формы производства.

Тем признаком, который в научном отношении существенно отличает различные направления социальной жизни, является форма регулирования; эта форма человеческого общества, согласно прежним разъяснениям, может быть или правовой, или формой, определяемой наличием конвенциональных правил. Социальная жизнь, как нечто своеобразно особенное, существует только тогда и постольку, поскольку благодаря установленным людьми нормам дано какое-либо регулирование общественного бытия и отношений. Только правила поведения сожительствующих людей конституируют

понятие человеческого общества. Поэтому характер рода и формы этих правил должен в самом основании определять всякое конкретное человеческое общество; и содержание правил, материя того, что будет нормировано и установлено, в конце концов по своему конкретному значению обусловлено и зависит от характера возможной формы, от своеобразия способа регуляции.

В действительности смысл самым строгим образом продуманного учения «laissez faire, laissez aller», как задачи правового государства, а также и самое резкое выражение так называемой животной борьбы за существование, совершенно изменяется и преобразуется, как только во взгляды индивидуалистического анархизма переносится полная свобода экономической жизни, а правовое принуждение совершенно уничтожается; ибо первая из упомянутых доктрин поддерживает всегда основоположение юридической связанности и ответственного существования каждого человека в правовом обществе, членом которого он уже родился; а благодаря отпущению экономической свободы в рамках правового порядка она приходит к результату экономического неравенства, которое защищает особенно благодаря заключающемуся в нем поощрению отдельных людей, как полезное и по своему существу целесообразное состояние. Индивидуалистический же анархизм, так как он совершенно отрицает правовую норму, стремится к абсолютно противоположным результатам, к экономическому равенству. И он также упрекает манчестерское учение в том, что оно делает ошибку, исходя из совершенно случайного разделения собственности и произвольно принятого момента экономического состояния, чтобы внезапно потребовать экономической свободы при наличии «бодрствующего государства»; имея в виду это, он устраняет, в противоположность манчестерству, все привилегированные неравенства. Он надеется достигнуть этого при помощи вышеизложенных средств в духе Прудона или Штирнера; но он приходит при этом на деле без сомнения к тому

заклучению, которое Фихте при своем социалистическом идеале «замкнутого торгового государства» считал задачей права: дать каждому сначала нечто свое собственное, а потом защищать его во владении этим последним.

Я особенно оттеняю отношение этих социальных направлений друг к другу потому, что некоторые социалистические писатели угрожают опасностью, в противоположность учений анархизма, одним взмахом пера сделать социализм единственно правильным общественным порядком и покончить с интересующим всех при этом вопросом при помощи слегка упоминаемого противоположения братства и эгоизма. Это ошибка, так как принцип братства выставляется одинаково также и господствующей группой анархистов; и это нелогично, потому что при этом хотят выставить единственную возможность дать правовому порядку какое-либо определенное содержание, как противоположение полному отрицанию справедливости всякого правового принуждения.

Поэтому затронутые нами авторы вообще не правы по отношению к теории анархизма и ее научному значению. Они не достигают того систематического положения, которое должно быть предоставлено этой теории в социальной науке. И нельзя упускать из виду, что анархическая доктрина может быть сделана научно плодотворной, если только следовать беспристрастному ходу ее собственных мыслей.

Для этого первым делом необходимо оставить совершенно в стороне вопрос о том: желательно ли при настоящих отношениях анархическое состояние? Принципиальное для всякой политики и всякой социальной науки различие цели и средств подвергается здесь опасности изгладиться. Первым же делом теория должна дать ясное и истинное установление цели своих стремлений, и только тогда может быть с пользой поднять вопрос со стороны политика — практика о конкретных средствах, при помощи которых он хочет стремиться к научно-определенным целям. В противном случае неизбежно слепое

перескакивание от случая к случаю под руководством темного и неясного стремления, а весьма понятная общая неудовлетворенность является необходимым следствием этого.

Что может значить для анархизма столь ничтожное положение, будто он, быть может, и «прав в теории, но никуда не годится на практике?» Ведь и тот человек, который еще не признал этого истертого изречения простой бессмыслицей¹, не мог бы выставить его тогда против разобранной здесь теории, ибо в анархизме дело идет главным образом об отрицании прежнего правового принуждения: то же, что оно включает в себе нечто справедливое и необходимое, — это отрицается анархистами. Вышеприведенное общее место должно бы было, следовательно, в целях защиты правового принуждения претерпеть роковое обращение: «право хоть и необоснованно в теории, но весьма годится для практики»; но такой бессмыслицы, конечно, не утверждал еще никто серьезно.

Таким образом, никогда не следует избегать проверочного вопроса о том, представляет ли правовой принудительный порядок в действительности нечто справедливое и неизбежное: и настоящее время снова столкнулось с этим основным вопросом социально-научного познания с совершенно особенной остротой — на что вправе претендовать анархическая доктрина.

Научное значение теории и анархизма состоит в том, что в ней заключается радикальнейший скептицизм по отношению к правовому порядку.

Таким образом, ей может быть приписана такая ценность, которой в состоянии обладать каждое систематическое сомнение в интересах науки: сосредоточение внимания на старых догмах, истинность которых недостаточно надежно установлена научным доказательством перед пронизательным скепсисом, — но и одновременное стремление к критическим

¹ См. об этом Kant: *Über den Gemeinspruch: Das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nicht für die Praxis* (1793), (Ges. Werke, herausgegeben, v. Hartenstein, Bd. V. S. 363 ff.).

построениям, которые при постоянном сообразовании с возможным основным сомнением имеют, тем не менее, творческие результаты. Таким образом, самое резкое сомнение, безусловно, допускается в форме вопроса, и с ним должна быть затем начата борьба, которая и решит, нужно ли ему отдать свой побежденный меч или же возможно его победить при помощи критически дедуцирующей науки.

Поэтому скептический вопрос о том: может ли быть своеобразное требование правового принудительного веления само по себе и вообще быть оправдано? — этот вопрос ни в коем случае нельзя оставить неразрешенным.

Правовое принуждение не существует от природы; оно означает собой те притязания, которые заявляют одни люди по отношению к другим в своих приказах; исторический опыт при этом показывает только факты, что приказание и повиновение существовали и будут существовать. Но справедливы ли и необходимы ли вообще такие претензии и приказания? Правовой порядок есть орудие на служение человеческим целям. Можно ли признать применение этого орудия необходимым и общезаконным? При этом дело идет, по существу, о сомнении в справедливости права как такового. Проблемой является правовое принуждение само по себе, взятое совершенно формально и свободно от какого бы то ни было содержания определенных правовых установлений. Если, конечно, нельзя было бы доказать, что правовое принуждение вообще обладает общеобязательной справедливостью, в таком случае и вопрос о том или другом содержании регулирующих с правовым принуждением норм был бы лишен всякой ценности.

Я закончу мою постановку вопроса следующей общей формулой:

Возможно ли дать общеобязательное доказательство того, что для организации совместной человеческой жизни необходимо правовое принуждение?

VII

Обоснование правового принуждения

В нашем вопросе уже предполагается справедливость организации совместной человеческой жизни вообще. Но это предположение не может создать никаких особенных трудностей, ибо то, что благодаря социальному соединению — а в данном случае мы имеем таковое при наличии определенных правил — человеческие силы были настолько подняты и развиты, что для нас стала возможной теперь всякая культура какого бы то ни была порядка, — это простой факт опыта.

Штирнер говорит устами своего противника: «Государство есть необходимейшее средство для полного развития человечества»; и отвечает ему со своей точки зрения следующим образом: «Оно, конечно, существует, пока мы хотим развивать человечество; если же мы захотели бы развивать нас самих, оно стало бы для нас только камнем преткновения». Но и он при этом стремится устранить единственно лишь необходимость государственной принудительной власти, а не всякое организованное соединение людей, необходимость которого, как мы это видели, он, наоборот, признает вполне установленной, «так как отдельный человек нуждается в других».

Одинокий человек, как существо, живущее совершенно независимо от правил и находящееся в связи с другими только благодаря естественным потребностям, вообще с трудом доступен нашему представлению, так как для этого нужно было бы, чтобы он никогда не бывал в управляемом законами обществе, причем могло бы оказаться недостаточным, если бы он стремился удалиться от общества наподобие нынешних пустынных или на время должен был бы, наподобие Робинзона, жить в полнейшем уединении. О действительно одиноком человеке первого типа мы ничего не знаем из исторического опыта. Мы знаем в действительности только людей, которые живут в управляемых союзах, произошли из них и получили свое добро, которое они называют своим, из своих

же обществ для того, чтобы снова возратить его им определенным образом; для известной нам только научным путем социальной жизни является на самом деле более чем глубоко-мысленным парадоксом, когда один современный философ в не опубликованном еще сочинении говорит: «Индивидуум — это фикция, такая же фикция, как и атом».

Но с другой стороны, нисколько не противоречит возможному опыту, если мы представим себе полное прекращение социальной жизни. Человек, как отдельное существо природы, мог бы, подобно всем другим животным, жить при отсутствии всяких правил. Естественной необходимости для поставления регулирующих норм и создания социальной жизни не существует; все определенные правила человеческого поведения в их взаимоотношении оказываются созданиями человека и должны быть понимаемы единственно как средства и орудия.

И обратно, в нравственном велении, самом по себе, не заключается никакого необходимого требования какой-либо внешней организации. В качестве безусловно конечной цели не может выступить ни правовое, ни государственное, ни просто конвенциональное регулирование; такой целью является только добрая воля и определение человеческого поведения при ее помощи. Но для этого нет надобности в каких-либо параграфах или определениях других людей. Конечно, подобные нормирующие веления, поскольку они действуют, как принудительные веления против отдельного человека, должны препятствовать его нравственно хорошему поступку, так как он не проявляет уже себя по собственному хорошему желанию, а каузально определяется «сладкой приманкой и плетью». И с этой стороны не существует абсолютной необходимости какого-либо извне определяющего регулирования совокупной человеческой жизни.

Но, конечно, всякая организация представляет благодаря законам настолько несомненные преимущества, что было бы при этом недомыслием отказаться от этого технического средства совершенствования человеческого существования.

Одиноким человек, взятый вне человечески упорядоченных отношений к другим людям, вряд ли мог бы вести какое-либо иное существование, кроме существования единственно каузально определенное. То, что он ставил бы себе цели, достигая которых он возвышался бы в своем человечестве над миром животных, это можно признать не невозможным также и при предположении полного отсутствия установленных человеческих законов: названные гетерономные (извне применяющиеся к отдельным людям и требующие внешнезаконного поведения) законы не представляют обязательного условия ни для естественного существования человека, ни для поставления целей, ни для хотения, проистекающего из хороших намерений. Однако же что-либо большее, чем в высшей степени жалкое существование, не может быть достигнуто для обоих направлений человеческой жизни при свободной от законов изолированности человека, судя по всем доступным нам показаниям опыта.

При вопросе об упорядоченной организации совместной человеческой жизни вообще нельзя, следовательно, выходить из рамок ее относительной справедливости; она представляет собой относительно подходящее средство, существование и осуществление которого должно представлять большие преимущества в противоположность вполне свободному от законов состоянию. Только благодаря упорядоченно объединенной деятельности в обществе с распределением труда можно при ограниченности сил и способностей отдельного человека подвинуть на более высокую ступень научно-техническое господство над природой; и только при гетерономном регулировании человеческого сожительства можно на тех же основаниях создать более обеспечивающее предохранение человека от того, чтобы ему не было препятствий и затруднений благодаря посторонним произвольным вмешательствам в его разумное хотение и поведение согласно собственным делам. Прогресс в творчестве искусства может быть с пользой достиг-

нут только в стойких традициях, которые происходят из упорядоченных организаций. И задача воспитания и образования выполнима прежде всего в желательном направлении только путем планомерного начинания и осуществления организованных сообществ. «Ибо мы, как выражается народ, — не ангелы»; потому-то мы и нуждаемся в технических средствах для регулирующей организации среди людей; более серьезно по существу сказать здесь ничего нельзя.

Но должна ли в таком случае существовать правовая принудительная организация?

Существует представление, будто наша юриспруденция приняла, как нечто самопонятное, следующую альтернативу, или состояние, совершенно свободное от законов, или правовое принуждение. По крайней мере с тех пор, как Гоббс (1588—1679) дал для свободного от правил «естественного состояния» формулу «войны всех против всех», ссылку на такую альтернативу можно постоянно видеть в том направлении, будто благодаря этому может быть оправдана дедукция права и государственной принудительной власти, тогда как из этого в действительности следует только желательность упорядоченной организации вообще.

Но из двух возможностей этой последней правовое принуждение, по-видимому, само по себе не заслуживает предпочтения; здесь более предпочтительны отграниченные от него мной раньше конвенциональные правила. Правовое принуждение наиболее удаляется от полной свободы отдельного человека в его целеположении для самого себя; претензии такого принуждения на объективное значение должны быть пролагаемы при помощи силы; да и на самом деле несколько странно, когда кто-либо не только должен подчиняться законам, которые он, может быть, отрицает и должен оспаривать по убеждению, но если бы вследствие этого он пожелал выйти и отказаться от всех действительно или мнимо хороших благ именно этого социального сообщества, он не мог бы этого сделать. Ведь правовой порядок, как я раньше указывал, предъ-

являет претензию на то, что только он один определяет, кто к нему принадлежит и кто его подданный; только он сам авторитетно указывает, в каких границах кто-либо свободен от предъявляемых им требований. Такая претензия права тем легче вызывает сомнение, раз только припоминается, как возникли и живут существующие правовые общества зачастую в случайных и неразумных исторических обстоятельствах и какую большую роль при их образовании во многих случаях сыграли произвол, низость и насилие.

Образование свободных товариществ при наличии одних только конвенциональных правил исправляет это затруднение. Здесь отдельный человек подчиняется тоже извне ему противостоящему закону, а именно такому, который обыкновенно оказывает совершенно особенное фактическое принуждение; но его притязания на значение идут лишь до тех пор, пока этот отдельный человек согласен ему подчиняться. Пока он принадлежит к союзу, до тех пор он подчиняется этим нормам; но только относительно того, принадлежит ли он к нему, он отвечает своим собственным решением. Позвоительно для иллюстрации здесь еще раз напомнить пример свободных церковных общин в той форме, как требует их Зом, в противоположность принудительным претензиям церковного права, согласно которому оно само, а не верующий, стремится давать руководящие определения относительно принадлежности и возможного выхода из церковного общества, если даже оно и позволяет в данный момент ему выход по собственному благоусмотрению.

По отношению к этой двойной возможности упорядоченной организации попытка дедуцировать правовое принуждение как таковое из угрожающей в противном случае борьбы всех против всех совершенно устраняется. Между тем анархизм, направляясь главным образом на отрицание справедливости правовой организации, оспаривая и признавая произвольным насилием эту форму организации, в противоположность которой справедливы только конвенционально сожительствующие

шие группы — нисколько не опровергается только что указанным философско-правовым воззрением.

Свойство закона, как правового принудительного веления, еще не рождает само по себе внешней безопасности подчиняющегося ему человека. Здесь главную роль играет содержание этого закона. На самом деле бывает так — и история дает тому достаточно примеров, — что в силу строгой организации на основании юридических норм господствует полная беззащитность подданных от действия властителей. И рабство по своей сущности существовало «благодаря праву», не обеспечивая при этом признававшимся тогда за предмет людям защиты жизни, семьи и собственности; каждый найдет массу исторических тому примеров, так как и среди свободных людей, в юридически организованном общественном теле, господствовал произвол, и о безопасности отдельного человека относительно названных благ часто не могло быть ни малейшей речи.

Но как бы плохо мы все себя чувствовали при наших современных отношениях, если бы мы были определены только действием одного правового принуждения. Положение Эврипида: «*χρηστὸς τῶ πολὺ ἔστ ασφαλέωτερος νόμου*»¹ и ныне — нисколько не лишилось своей содержательности. Страх перед государственно налагаемыми наказаниями вряд ли является сильнейшим импульсом к исполнению господствующих правил. Совсем непонятно, почему могучего побуждения к урегулированному порядку, как его (побуждение) создают в отдельных людях опытным путем наши нынешние конвенциональные правила, не должно быть достаточно вообще для поддержания упорядоченной организации, и почему решительное давление, которое оказывали исторически наблюдаемые конвенциональные общества на окружающее, не может в общем обеспечить мирной и безопасной общественной жизни человеческой.

¹ «Хорошие нравы — надежнее закона».

Нельзя также сказать и того, что тогда отдельные свободно организованные группы и сообщества легко могли бы вступать друг с другом в спор и, таким образом, возникла бы всеобщая война, но только не между отдельными людьми, а между их сообществами; ибо войны ведь и правовое принуждение никогда не могло предотвратить, не может и сегодня ее уничтожить; как прежде, так и теперь существует роковой «ultima ratio regum»; и «высшая инстанция», которой можно бы было не иметь при организации человечества в свободно образованные сообщества, не могла ни создать права непосредственно, ни обещать это сделать в ближайшем будущем. Как раз напротив, опыт истории учит, что чем строже и резче государство объединяется под одной центральной властью, тем легче или скорее склоняется оно к войне, в то время как все свободные и более независимые, соединенные в одно целое сообщества обыкновенно весьма неподатливы на достижение военных лавров.

Но вообще самое трудное — нарисовать фантазией, как могла бы человеческая жизнь протекать при той или другой отдельной организации. Предречение — трудное искусство; и оно не распространяется вообще далее, как на действительно ограниченные и конкретно представляемые фактические условия. Но благодаря этому цель нашего исследования исчезла бы совершенно из наших глаз, так как подобное рассуждение могло бы выдвинуть при определенных вполне исторических отношениях только большее или меньшее число временных преимуществ для правового или конвенционального порядка; вопрос же о том, обладает ли одна из обеих возможных форм организации общепризнанным преимуществом, остался бы совершенно не разрешенным. При этом осталось бы истинным, что правовой порядок в действительности представляет только унаследованное господство произвола и случайную власть, которые, может быть, иногда являются печальной и злой необходимостью, тогда как «собственно» идеал анархизма — управление только конвенциональными нормами — содержит в себе справедливость; в таком случае не было бы доказано, что

при предположении регулирующих определений вообще правовая организация обладает общеобязательной справедливостью, которая должна быть совершенно независима от конкретного и преходящего исторического положения вещей.

Подобное самоотречение никому не запрещается; но на деле оно совсем неправильно. И именно теория анархизма должна нас вывести на тот путь, который до сих пор в философско-правовой литературе нигде еще не был указан, но который, тем не менее, дает общеобязательные доказательства необходимости правового принуждения самого по себе и справедливости юридической организации как таковой.

Ведь той противоположностью нашему правовому порядку, той формой социальной жизни, которая стоит перед анархизмом, как идеал и его цель, является соединение и устройство людей в свободно образованные товарищества единственно при наличности конвенциональных правил. Представляется ли отдельному анархисту постулатом «Ферейн эгоистов» или его идеалом является братский коммунизм, — безразлично, всегда каждый человек определяет сам свою принадлежность к определенному обществу. Он свободно вступает в конвенцию и снова порывает ее по своему собственному почину; его связывает только договорное соглашение, пока оно существует; он должен его исполнять, но может во всякое время, благодаря безусловной неограниченности, лишиться его силы проявлением нового своего желания.

Согласно этому ясно, что та форма упорядочивающей организации, которая составляет сущность теории анархизма, возможна все же только для тех людей, которые обладают действительными данными для договорного соединения с другими людьми.

Неспособный к поступкам, как выражаемся мы, юристы, малый ребенок, душевнобольной, тяжелобольной или дряхлый старик — все они были бы, безусловно, исключены из урегулированной организации и всей социальной жизни; ибо ведь достаточно только принять без дальнейших разговоров в об-

шество, например, малого ребенка и подчинить его правилам этого общества, как правовое принуждение будет снова введено и осуществлено господство над отдельным человеком, причем регулирующие нормы не будут основаны на его согласии с их законнообразными претензиями.

Анархическая организация общественного человеческого существования ошибочна, следовательно, в том отношении, что она подходит только к определенным, эмпирически особенно квалифицированным людям, другие же люди, у которых отсутствуют указанные свойства, в нее не вступают.

Я дедуцирую, следовательно, необходимость правового принуждения не из того, что иначе будет «худо» малым и слабым, так как этого наперед и для всех случаев я не могу утверждать безусловно. Я не вывожу также справедливости правового порядка и из того, что только при нем может осуществиться «истинная» свобода каждого отдельного человека, сфера деятельности которого вполне была бы обеспечена от нежелательного проникновения в нее третьего лица; это было бы, согласно историческим данным, совсем неправильно и вовсе не следует еще из формального правового принуждения как такового. Я обосновываю, напротив того, право в его формальном существовании на том соображении, что правовая организация является единственной организацией, которая открыта всем людям без различия их особенных, случайных свойств.

Организовать — значит объединять под определенными правилами. Такое регулирование человеческого поведения есть средство для достижения цели, есть инструмент, служащий достижению конечной цели возможного совершенствования людей. На общую справедливость может, следовательно, претендовать только такое упорядочение совокупной человеческой жизни, которое может охватить вообще всех людей, не считаясь с их субъективными и различными особенностями. А таковым является только право.

Таким образом, и во всяком дурном праве правовое принуждение как таковое остается вполне обоснованным. Спра-

ведливость его существования не уничтожается и даже не колеблется устранением соответствующего конкретного правового содержания: оно обосновано, так как только оно одно доставляет возможность общечеловеческой, а потому и общеобязательной организации. Поэтому социальный прогресс можно находить не в ниспровержении правового принуждения как такового, а только в совершенствовании исторически передаваемого права в его содержании.

Все сказанное содержит во всех отношениях достаточную дедукцию правового принуждения. При допущении упорядочивающей человеческую жизнь организации только тот порядок может обнаруживать претензию на общее значение, который отвлекается от всех особенностей отдельных конкретных людей и способен охватить каждого человека как такового. Анархические товарищества этого не в состоянии сделать, так как они требуют от своих членов определенных свойств. Только одно право может создать такое общественное тело, которое в допросе о принадлежности его членов совершенно независимо от всех эмпирических случайных свойств их личности. Таким образом, между двумя различными формами социальной организации правовым порядком является та из них, которая только одна может обнаружить общеобязательную правомерность.

Только теперь можно поставить — на основании данного выше решения — упомянутый вопрос об этом правовом содержании данного правового порядка. Очень часто встречается методическая ошибка, что две следующие проблемы разделяются и обособляются недостаточно сознательно и ясно: исследование того, может ли правовое принуждение как таковое быть признано справедливым, и размышление о том, могут ли быть оправданы, при предположении утвердительного ответа на этот вопрос, определенные правовые нормы по своему содержанию.

Вышеупомянутый вопрос справедливости церковного права принадлежит, следовательно, ко второй проблеме. Зом, не

колеблясь, допускает правовое принуждение вообще и ставит под сомнение только распространение его на урегулирование общей церковной жизни. Таким образом, спорной представляется только справедливость определенного содержания исторически унаследованного права, правовой же порядок как таковой и притязание правового веления на объективное значение не нуждаются в разъяснениях.

Так дело обстоит и с другими отраслями права, например, с уголовным правом или с отдельными особыми правовыми институтами, как то: собственностью, обязательством договора, правом наследования и т.д. Им нельзя дать принципиального обоснования независимо от предварительного вопроса о праве правового порядка вообще. И это, как выше было сказано, прежде всего должно иметь значение для социалистической проблемы. Можно было бы предотвратить много путаницы и неясности в обсуждении этой проблемы, если бы всегда помнили, что экономический социализм в духе обобществления средств производства представляет своеобразную правовую организацию и что благодаря этому его научное исследование принадлежит к тем вопросам, которые группируются под второй из указанных проблем — о справедливости содержания определенного права.

Эти вопросы требуют особого исследования побудительных сил правового развития и общей закономерности социальной жизни, прежде всего обращая свое внимание на отношение между хозяйством и правом. Их общую цель в социальном познании и политическом поведении мы находим снова в словах Канта, которые мы принуждены, согласно нашему изложению, противопоставить неукоснительно теории анархизма:

«Величайшей проблемой для человеческого рода, к разрешению которой его принуждает его же собственная природа, является достижение общерегулируемого правом гражданского общества».

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	7
ПЕРВАЯ ГЛАВА. Наша задача	11
1. Общие замечания.....	11
2. Исходная точка.....	15
3. Цель.....	18
4. Путь к цели.....	19
ВТОРАЯ ГЛАВА. Право, Государство и Собственность	22
1. Общие замечания.....	22
2. Право.....	28
3. Государство.....	35
4. Собственность.....	40
ТРЕТЬЯ ГЛАВА. Учение Годвина	44
1. Общие замечания.....	44
2. Основные положения.....	45
3. Право.....	46
4. Государство.....	49
5. Собственность.....	56
6. Осуществление.....	61
ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА. Учение Прудона	67
1. Общие замечания.....	67
2. Основные положения.....	69
3. Право.....	71
4. Государство.....	74
5. Собственность.....	81
6. Осуществление.....	87
ПЯТАЯ ГЛАВА. Учение Штирнера	94
1. Общие замечания.....	94
2. Основные принципы.....	97
3. Право.....	98
4. Государство.....	101
5. Собственность.....	106
6. Осуществление.....	110

ШЕСТАЯ ГЛАВА. Учение Бакунина	115
1. Общие замечания	115
2. Основные принципы	117
3. Право	119
4. Государство	121
5. Собственность	128
6. Осуществление	132
СЕДЬМАЯ ГЛАВА. Учение Кропоткина	139
1. Общие замечания	139
2. Основные принципы	141
3. Право	145
4. Государство	149
5. Собственность	158
6. Осуществление	169
ВОСЬМАЯ ГЛАВА. Учение Толстого	179
1. Общие замечания	179
2. Основные принципы	180
3. Право	189
4. Государство	194
5. Собственность	208
6. Осуществление	218
ДЕВЯТАЯ ГЛАВА. Учение Тукера	228
1. Общие замечания	228
2. Основные принципы	229
3. Право	232
4. Государство	235
5. Собственность	245
6. Осуществление	254
ДЕСЯТАЯ ГЛАВА. Анархические учения	262
1. Общие замечания	262
2. Основные принципы	262
3. Право	264
4. Государство	267
5. Собственность	270
6. Осуществление	274

ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА. Анархизм и его формы	277
1. Заблуждения насчет анархизма и его форм	277
2. Понятие анархизма и его форм	281
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	290
ПРИЛОЖЕНИЕ. Теоретические основания анархизма	292
Предисловие	292
I. Введение. Социализм и анархизм.	292
II. Прудон. «Естественная гармония и естественный порядок свободной от регулирования совместной человеческой жизни»	297
III. Штирнер. «Ферейн эгоистов»	307
IV. Правовое определение и конвенциональное правило	316
V. Новая анархическая доктрина; коммунистический и индивидуалистический анархизм	325
VI. Научное значение теории анархизма.	332
VII. Обоснование правового принуждения	338

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству АСТ. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Эльцбахер Поль
**АНАРХИХМ
СУТЬ АНАРХИЗМА**

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерная верстка: Е.В. Аксенова
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Н.В. Дмитриева

Подписано в печать 27.03.09.
Формат 84х108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 18,48.
С.: Ист.библ.(84). Тираж 2500 экз. Заказ № 1103
С.: Philosophy. Тираж 2500 экз. Заказ № 1104

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — литература научная и производственная

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.08 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера». 163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru